

Москва Сигурда Шмидта

Мы беседуем с замечательным историком, известным москвоведом Сигурдом Шмидтом. Разговор с историком в Год истории неслучаен — этот год для столицы особенный: вступил в силу проект расширения Москвы, кроме того, 2012-й богат юбилеями: двухсотлетняя дата войны 1812 года, 90-летие образования Советского Союза и 90-летие самого Сигурда Оттовича.

стр. 4

Куда идут русские?

Перво-наперво русским следует решить, чего они сами хотят. Беда в том, что русские люди не знают на самом деле, куда и с кем им идти. Хищнические и эгоистические «ценности» продолжают проникать в российскую жизнь. Досадно, но уровень культуры и образования продолжает падать. Понятен гнев людей на власть, которая допустила всё это.

стр. 3

Один в океане

Внезапная болезнь 14-летнего сына не остановила развод родителей. Болезнь повторилась, когда он стал студентом. В больничной палате ему часто снилось одно и то же: он посреди океана, один, медленно плывёт куда-то, вокруг же, до самого горизонта, ни корабля, ни островка... Одни только молчаливые волны... О том, что происходит с людьми, когда эгоизм разрывает тонкую ткань человеческих отношений, читайте очерк нравов Игоря Гамаюнова.

стр. 11

Вниманию наших читателей!

Следующий номер «ЛГ» поступит к вам в среду, 29 августа, — после технологического перерыва, который традиционно у нас случается в последнем месяце лета. До встречи!

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 18 583 человека. Заходите!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году
при участии А.С. ПУШКИНА
Издание возобновлено в 1929 году
при поддержке М. ГОРЬКОГО

EUROPE: D - 2,20 €; A - 2,30 €;
B - 2,30 €; PL - 12,90 PLN; L - 2,30 €;
CZ - 75,00 CZK; H - 720 HUF; SP - 2,50 €;
I - 2,50 €; GR - 2,5 €; CYP - 1,35 CYP;
TR - 5 M. TRY; CH - 3,50 CHF; GB - 1,80
GBP; DK - 20,00 DKK; S - 25,00 SEK;
NOR - 25,00 NOK; E - 15 EGP;
USA - 2,50 \$; C - 2,5 CAD

Международное издание

Выходит по средам

Случай Случевского

Судьба Константина Случевского, которому 7 августа исполнилось 175 лет, едва ли не самая драматическая и причудливая фигура в русской поэзии. Случай Случевского изумляет прежде всего несправедливостью и неравнодушием отношения.

Его первые опыты были встречены неумеренными восторгами Аполлона Григорьева: «Это не просто высокодаровитый лирик, как Фет, Полонский, Майков, Мей, это даже не великий, но замкнутый в своём одиноком религиозном мирозерцании поэт, как Тютчев...» Григорьеву вторил Тургенев. Но «демократическая» критика так зло и гадко посмеялась над молодым поэтом, что на два десятилетия вытолкнула Случевского из публичного поля литературы.

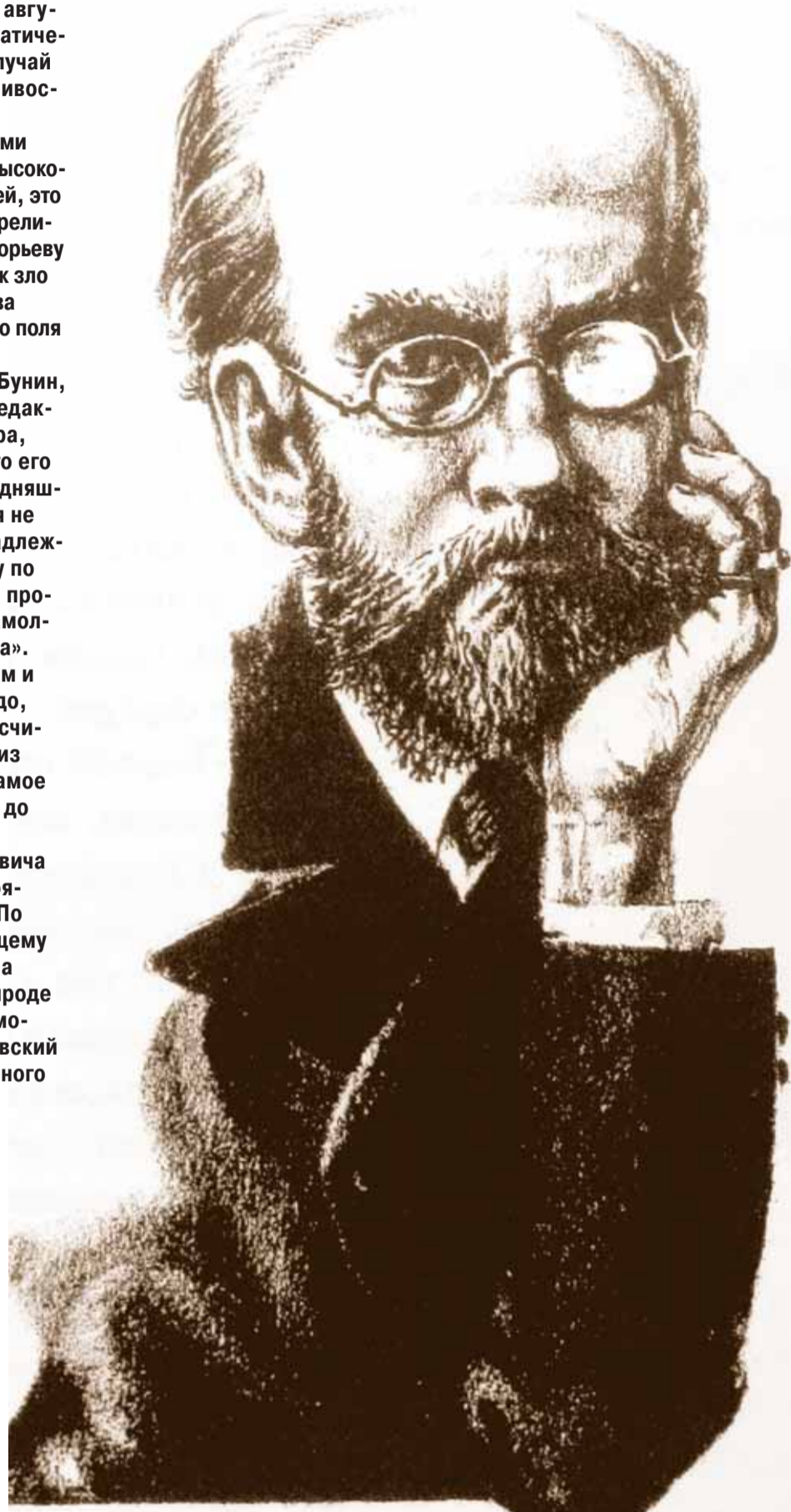
В конце жизни его с благоволением посещал Бунин, им восхищались Бальмонт и Блок. Но главный редактор правительственной газеты, гофмейстер двора, Случевский-поэт так и не набрал веса, ставящего его в один ряд с великими. Как это напоминает сегодняшнюю ситуацию! Ракрукта писателя производится не сообразно с талантом, а в зависимости от принадлежности к «рулящей» тусовке и близости к Агенству по печати. Писатель же с государственных и просто патристическими взглядами рискует быть замолчанным на долгие годы и отлучён от «мейнстрима».

Но вопреки всему Случевский дал признанным и облаканным поэтам столько, сколько никто ни до, ни после него. Предтечей русского символизма считается И. Анненский. Но Анненский весь вышел из Случевского, точно из «Шинели» Гоголя. То же самое можно сказать о сонме стихотворцев — от Блока до Пастернака, от Заболоцкого до Межирова.

В недооценённости Константина Константиновича фатальную роль сыграла беспримёрная самостоятельность его почерка, ни на кого непохожесть. По душевной раздвоенности, по разлому, проходящему через сердце, Случевский, безусловно, предтеча Серебряного века. По игровой, пограничной природе — всегда между сном и явью — он близок к постмодернизму. А в высших своих достижениях Случевский — «просто» большой и заслуживающий пристального прочтения русский поэт:

***

*Вот — мои воспоминанья:
Прядь волос, письмо, платок,
Два обрывка вышиванья,
Два кольца и образок...
Но — за теменью былого —
В именах я с толку сбит.
Кто они? Не дать ли слова,
Что и я, как те, забыт!
В этом — времени учтивость,
Завершение всему,
Золотая справедливость:
Ничего и никому!..*

Юрий СЕЛИВЕРСТОВ

«ЛГ»-РЕЙТИНГ

● Махач Магомедханов. Словарь устойчивых словосочетаний языка Расула Гамзатова. — Махачкала: ИД «Эпоха», 2012. — 500 с. — 2000 экз.

Автор — учёный, педагог, писатель и переводчик Махач Магомедханов — работал над книгой около десяти лет, задумал написать её ещё при жизни Р. Гамзатова, с которым дружил сорок лет. В словарь вошло более двух тысяч наиболее употребительных и широко используемых словосочетаний из поэтических и прозаических произведений аварского классика.

Издание подготовлено и выпущено в свет издательским домом «Эпоха», финансовую поддержку оказал президент Международного фонда Расула Гамзатова Магомед Гамзатов.

«В этом словаре собрана народная мудрость, величие поэта Расула Гамзатова, устойчивые слова, фразеологизмы, крылатые выражения, через призму которых ощущается вся глубина его поэзии», — отмечает Махач Магомедханов.

● Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. — М.: ИД «Городец», 2012. — 816 с. — 2000 экз.

Издательство «Городец» выпустило в свет книгу, посвящённую 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года, сочинения Дениса Васильевича Давыдова.

Настоящее переиздание «Сочинений» (1895) — это наиболее полная версия произведений поэта. В книгу включены стихотворения, пьесы, прозаические статьи и письма, представляющие литературный интерес. Стихотворения расположены в хронологическом порядке. В отделе прозы помещены материалы, содержащие личные воспоминания, историко-полемические статьи, а в конце издания приводятся письма и речь Д.В. Давыдова в литературном обществе «Арзамас», указатель личных имён.

● Николай Нилов. Крестьянин в городе. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 163 с. — 50 экз.

Книга повествует о жизни людей, начиная с 60-х годов до настоящего времени, на примере одного отдельно взятого русского человека, особого, способного устроить свою судьбу в самых сложных и быстро меняющихся условиях бытия. Сметливый ум, народный юмор, обаятельное простодушие и вековая мудрость русского крестьянина — вот что отличает главного героя книги.

Это увлекательное и познавательное чтение, представляющее интерес для широкого круга людей. К сожалению, книга издана мизерным тиражом.

СОБЫТИЕ

Елена Исинбаева. Только «бронза»...

«Золота» на всех не хватит

Олимпийские игры. Борьба за «бронзу» в гонке преследования велосипедистов. Наши — за новозеландцами. Не догнали, уступив чуть больше двух секунд. «Опять деревянная!» — бросает в сердцах телекомментатор. «Деревянная» — четвертое место. Разве плохо?! Сколько в мире стран, где круглый год гоняют на велосипедах?! Но наши не оплошали. Тех же немцев близко не было. Да, наши не первые, но всё равно молодцы парни!

Однако сегодня всё воспринимается иначе. Наш дзюдоист-супертяжеловес, ставший на Олимпиаде вторым, сдёрнул медаль с мочегей шею, едва сойдя с пьедестала. Какое «серебро»? Только «золото»!.. Но что можно сделать, если африканцы в беге, например, непобедимы?

У мужчин на одной дистанции победил британец Фарах. Где в этом быстрогоногот британская кровь? А скандинавская в чернокожих шведах и датчанах? «Золото» важно — и только. Тут отражение ставшего всеобщим убеждения, что лишь абсолютный успех и огромные деньги решают всё и ценятся превыше всего. Остальное — малозначимо. Или вовсе незначимо.

Олимпиады сегодня не отражают принципов основателя современных межконтинентальных спортивных игр Пьера де Кубертена. Это соперничество денежных мешков. Дальше, выше, быстрее! Но любой ценой, но только за большие деньги.

Владимир СУХОМЛИНОВ

Олимпийское зеркало

Конечно, по поводу нынешних олимпиад можно много чего разоблачительно сказать. Однако это не отменяет тот факт, что данное громадного масштаба событие является ареной, на которой демонстрируется, как добиваются успеха в современном мире — мире жестокой конкуренции и борьбы за успех.

И неслучайно в Лондоне с огромным отрывом лидируют две самые успешные в экономическом плане супердержавы — США и Китай. У них разные системы подготовки спортсменов, но главное другое — они знают и умеют добиваться успеха в современном мире.

Они знают, как находить таланты и доводить их до побед на мировых первенствах. Точно так же они знают, как завоевывать рынки, занимать инновациями, находить ниши, где они будут первыми. Можно сколько угодно рассуждать о том, что

главное — не победить, а участвовать, что вторые и третьи места — тоже успех, но весь мир будет считать иначе.

Потому с такой обидой воспринимаются наши скромные олимпийские успехи, что они как зеркало отражают наши беды и деградацию не только в спорте. Точно так же, как мы потеряли целые виды спорта, мы утратили целые отрасли промышленности, науки и образования, которые пожирают некомпетентность и коррупцию.

Точно так же, как в других областях, спортивные чиновники убеждают нас, что всё дело в том, что это ваши ожидания, граждане, завышены, вы слишком много хотите. А начальство тут совсем ни при чём. Оно ни в чём не виновато. Оно старается, хотя ему в Лондоне машины с плохими шофёрами-волонтерами подаются, приходится им указывать, как по Лондону ездить. Потому как в Лондоне наши чиновники получше англичан ориентируются. Всё знакомо, всё своё, родное.

Чем всё закончится? Да как обычно — ничем. Будем ждать провала в Сочи под началом всё тех же господ, от которых ничего не зависит. А потому утешимся соображениями, что тоже поучаствовали. У аутсайдеров собственная гордость.

Илья ВИХАРЕВ

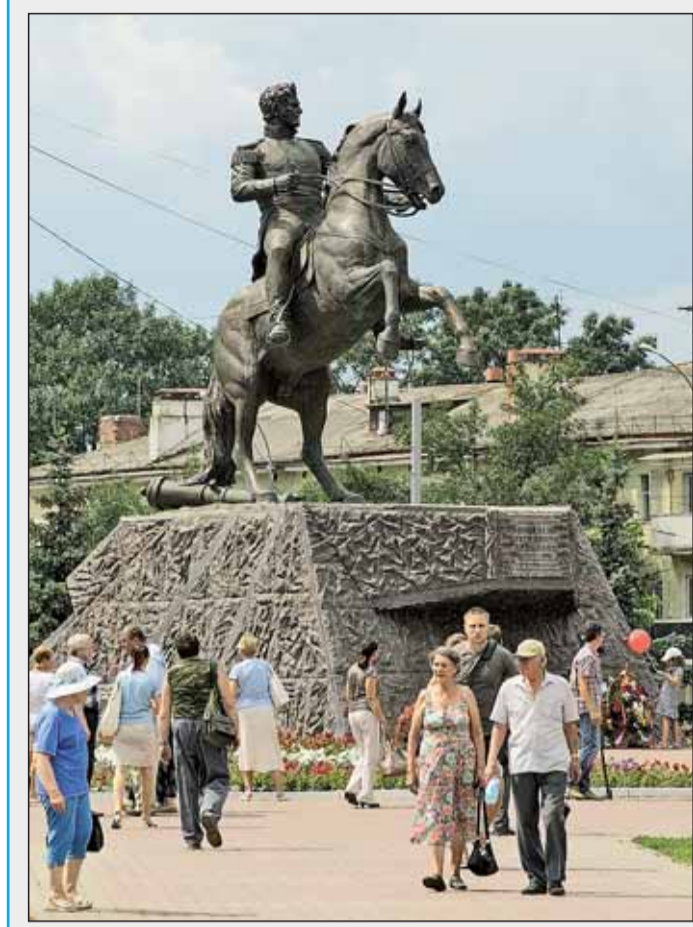
МЕДАЛЬНЫЙ ЗАЧЁТ

страны	Золото	Серебро	Бронза	Всего
1 Китай	31	19	14	64
2 США	29	15	19	63
3 Великобритания	18	11	11	40
4 Южная Корея	11	5	6	22
5 Франция	8	9	9	26
6 Россия	7	17	18	42
7 Италия	7	6	4	17
8 Казахстан	6	0	1	7
9 Германия	5	10	7	22
10 Венгрия	4	1	3	8
11 Северная Корея	4	0	1	5
12 Нидерланды	3	3	4	10

Данные на момент подписания номера

ФОТОГЛАС

В Орле под звон колоколов и звуки знаменитого «Славься!» композитора Михаила Глинки торжественно открыли памятник герою Отечественной войны 1812 года генералу Алексею Ермолову. Средства на монумент собирали «всем миром». За два года было собрано около 10 миллионов рублей. Автор скульптуры – Равиль Юсупов.

Ещё в далёком 1974 году Владимир Федосеев возглавил Государственный академический большой симфонический оркестр Всесоюзного радио – ныне Большой симфонический оркестр имени П.И. Чайковского, которым руководит и сегодня. Народный артист СССР, награждённый орденами «За заслуги перед Отечеством» IV, III и II степеней, член Патриаршего совета по культуре, выдающийся музыкант и художественный руководитель крупнейшего оркестра нашей страны отмечает своё 80-летие, не покидая пульт и не выходя из рук дирижёрской палочки. Поздравляя с весомой датой, желаем Владимиру Ивановичу крепкого здоровья и творческих озарений! На нашем снимке маэстро Федосеев с несравненной оперной певицей Ириной Архиновой. 1975 г.

В Московском доме фотографии открылась первая масштабная ретроспектива знаменитого фотографа XX века Брасая. Экспозиция представляет несколько разделов: фотографии Парижа 1930-х годов, портреты великих художников Пабло Пикассо и Сальвадора Дали, работы из серий «Граффити», «Ню» и альбомов «Ночной Париж», «Тайный Париж». Одновременно в другом зале Мультимедиа Арт Музея демонстрировалась выставка «Маленькая фотография» – это такой же выставочный проект, только маленьких размеров.

ЗЛОБА ДНЯ

Моватон

На минувшей неделе спикер украинского парламента Владимир Литвин поставил-таки подпись на принятом в начале июля большинством Рады законе о языках на Украине. Теперь «добро» должен дать президент Виктор Янукович. Тогда закон, который предоставляет статус регионального языкам национальных меньшинств, в том числе русскому в ряде областей, вступит в силу.

Почему его принятие сопровождалось беспорядками в Киеве? Чем так насолил русский язык украинским националистам, бросившимся на защиту мовы, хотя ей ничего не грозит?

«Языческий» закон

Станислав БОНДАРЕНКО,
поэт, заместитель
главного редактора газеты
«Литература Украины»:

— Сперва, видимо, стоит кратко прояснить ситуацию относительно восприятия этого «языческого» закона на

Украине, ибо со стороны она наверняка выглядит по-другому. Многие у нас убеждены: если президент Украины подпишет-запустит закон, это рискует стать миной, и совсем даже не замедленного действия, — с разжиганием противостояния внутри страны и, возможно, не только мирных майданов протеста, но и гражданской войны.

Так считает большинство даже технической русскоязычной интеллигенции. А профессиональные поэты и прозаики, живущие на Украине и пишущие на русском, почти поголовно выступают против этого закона. Некоторые даже из тех, кого печатают в солидных изданиях России, всё активнее теперь заявляют в знак протеста о своём переходе на украинский. О мнении тех, кто пишет на украинском, и говорить нечего: они, как и все писатели мира, хотят, чтобы их на родине читали на родном языке, а не в русском переводе или чтобы вообще никак не читали. И не без оснований опасаются: в случае введения в действие этого закона вскоре появятся два государственных языка, и тот, который навязут, как навязывали не одно столетие, постепенно вытеснит украинский.

Ведь многие знают, что в отдельных регионах страны доньше практически нет украинских школ, что большинство газет и украинских телеканалов глаголет-вещает на русском. Не надо быть словесником в украинской школе, чтобы задуматься: почему у нас — тысячи русских школ, а в Москве украинской ни одной? Да и в Сибири, которую так успешно помогали осваивать миллионы украинцев, зачастую попадавшие туда совсем не по доброй воле, тоже вроде бы ни одной до сих пор не разрешили открыть?!

Писатели как особо чувствительные мембраны, пусть пишущие на русском, но живущие в стране с названием Украина, глядя на то, как принимались-продавливались этот закон, почувствовали оскорбление их человеческого и гражданского достоинства. Любый культурный человек, независимо от того, на каком языке он говорит и творит, не может не вжаться в почву, окружающую его, в судьбу родного края. Конечно, он будет радоваться тому, что многие существенные течения и направления русской литературы родились на территории Украины. Не касаясь

седой древности княжеских времён, летописей и «Слова», достаточно привести пример рождения русского футуризма, который был явлен-оформлен на Херсонщине, в Гилее — имени Бурлюков, конечно, с участием Велимира Хлебникова.

Но коллег ныне не могут не волновать и трагические судьбы украинских поэтов «Розстріляного Відродження»: сперва они — Евгений Плужник, Микола Зеров, Владимир Свидзинский и другие — были ликвидированы сталинистами, потом «ещё расстреляны» полудекамом всеобщим замалчиванием (у них даже нет могил), и доньше их почти не знают не только в России, но и на Украине. А это поэты европейского уровня!

Думается, возможное введение данного «языческого» закона, как ни парадоксально, повредит самой России, её культуре — по крайней мере в восприятии десятков миллионов украинцев граждан, независимо от их этнической принадлежности.

Недавно даже на кладбище больно ахнуло языковой вопрос-перекос, когда прошла с большим актёром Богданом Ступкой. Похоронили его в конце Центральной аллеи Байкова кладбища, а когда возвращались по ней, обратили внимание, что подавляющее большинство даже надгробных надписей над могилами руководителей компартии, министров и других видных людей начертаны на русском. Исключение составили разве что надписи у надгробия Рыльского, Тычины, Малышко, Яновского, Загребельного да ещё некоторых других писателей. Это наводит опять-таки на двойные грустные мысли...

Момент истины

Константин ЗАТУЛИН,
директор Института
стран СНГ:

— Не проходит дня, чтобы задающие тон в украинских медиа политика, общественные деятели, писатели и журналисты не пытались втолковать простому народу, что любое послабление для русского языка на Украине является признаком государственной измены. Между тем должданный закон не посягает на исключительные полномочия украинского языка и его статус государственного. Закон лишь даёт другим языкам, как и русскому, статус регионального в тех областях, где не менее 10 процентов населения на этом настаивают (для русского это 13 областей, Киев и Севастополь). Но сколько истерики вокруг него!

Голосование за этот, далеко не революционный по своему содержанию законопроект

стало спусковым крючком для старта кампании по выбору нового парламента.

Политические игры имеются. Например, спикер Владимир Литвин, удачно отсутствовавший во время голосования, целый месяц интриговал публику отказом от подписи под принятым законопроектом, угрожая уйти в отставку. Партии регионов пришлось указать Литвину его место, изменив порядок избрания спикера. Герой был вынужден 31 июля подписать закон и направить на подпись президенту. В администрации Януковича, в свою очередь, надделало шуму заявление госпожи Ставнийчук, усмотревшей в злополучном законе некое «нарушение Конституции». Ей вторит наш старый знакомый Леонид Кравчук, который оплакивает судьбу украинского языка в случае вступления закона в силу.

Вся эта муть поднялась со дна неслучайно. Языковой обман, заложенный отцами-основателями, вроде Леонида Кравчука, в устои украинского государства, продолжает, как минавтор, изнутри пожирать душу и тело национально озабоченной украинской интеллигенции. Эти люди, которых в СССР награждали премиями, делали лауреатами, переводили и печатали, считали выразителями украинского самосознания, в действительности застенели в своём нежелании признать реальность — то, что Украина является родиной и русского, и украинского языков. Русский для неё такой же родной, как и украинский.

Но эти люди истерично вопят, что закон «Об основах языковой политики» уничтожит украинский язык в надежде, что избиратель на западе и в центре Украины возьмётся за вилы, а не за бюллетени. Нормально ли, что те же самые люди, которые с утра до вечера зовут Украину в Европу, таким вопиющим образом пренебрегают элементарными интересами и правами половины населения собственной страны?

Оказывается, нормально и реально. Более того, именно так оно и было все 20 лет независимости Украины, представители которой не стесняются утверждать, что на Украине нет проблем с русским языком.

Хотя все 20 лет на Украине, несмотря на реальность, русский язык изгоняется из образования, делопроизводства, кино и телевидения, из рекламы и географических названий. Даже из фамилий. В Киеве, где по украинской переписи не менее 25 процентов людей считают русский язык родным, осталось всего пять русских школ из 160, бывших в 1991 году. В Риге, например, таких школ сейчас пятьдесят.

СУММА ПРОПИСЬЮ

Во время переписи населения на Украине по Первому национальному каналу разъясняли: даже если вы с детства говорите на русском языке, как украинцы, вы должны называть родным украинский. Людей просто хотят заставить стыдиться родного языка.

Так что профессор Казарин вводит в заблуждение, когда говорит, что споры вокруг русского языка на Украине не велись до принятия нового закона. Война с ним ведётся непрерывно. Думается, читатели по достоинству оценят и тон, и логику поэта Бондаренко. Лишь одно замечание. Зачем же говорить, что на Байковом кладбище в Киеве надгробные надписи на русском языке лишь над могилами деятелей компартии и министров. Нет, под такими надписями покоятся учёные и врачи, учителя и инженеры, полководцы и артисты, спортсмены и рабочие, трудами и подвигами которых и существует Украина. Немало там могил ещё и досоветской поры. И надписи на них тоже сделаны на родном русском языке, на котором здесь говорили веками...

И вообще литераторам Бондаренко и Казарину должно быть хорошо известно, что, если бы полтавчанин Гоголь и киевлянин Булгаков формировались сугубо в украиноязычной среде, вряд ли бы они стали классиками мировой литературы. А классик украинской литературы Тарас Шевченко доверял свои самые сокровенные мысли в дневниках именно русскому языку вовсе не потому, что не знал мову...

Я не могу быть на сто процентов уверенным, что президент Янукович, за которым осталось последнее слово, подпишет закон в нынешней редакции, а не захочет поиграть в «президенты всея Украины», который должен прислушиваться к голосам Литвиных, Ставнийчуков и Кравчуков. Это неминуемо приведёт Партию регионов к дальнейшей потере голосов на востоке и юге Украины.

Значение этого закона в том, что при всех его недостатках он является моментом истины, оказавшись первым за все годы независимости законодательным актом, который не ухудшает положение других языков на Украине, а делает в их сторону встречный шаг.

И снова в бой?

Владимир КАЗАРИН,
профессор, Симферополь:

— Ситуация с законопроектом «Об основах государственной языковой политики» полностью подпадает под определение шахматного термина «шугванг». Любой шаг президента Виктора Януковича, связанный с этим законопроектом, только ухудшит положение Партии регионов. Если он его подпишет, радикальная часть пророссийских организаций Украины напомнит ему, что Партия регионов давным-давно обещала дать русскому языку статус не регионального (согласно этому закону), а государственного. Если не подпишет, победителями себя почувствуют активисты украинской национальной идеи, которые без устали уже сейчас проводят акции гражданского неповиновения.

Закон в любом случае раскалывает страну — Восток или Запад обязательно будут недовольны. Притом что, по сути, законопроект практически полностью копирует Европейскую хартию языков национальных меньшинств, которую Украина несколько лет назад приняла. Так что тем более непонятно, зачем было принимать в парламенте новый документ, который превратил страну, в последние годы переставшую вести войны по языковому вопросу, в новое поле боя?

Самое ужасное в том, что мы вновь или невольно сталкиваемся лбами два великих славянских языка — русский и украинский. В условиях глобального кризиса, который переживает ныне Славянский мир (демографическая катастрофа, утрата былого международного влияния, внутригосударственные кризисы, девальвация национальных идей, систематические поражения в борьбе за умы молодёжи и др.), эта ситуация совершенно невозможна.

Лозунги и реальность

Валерий ТИШКОВ,
академик РАН, директор
Института этнологии и
антропологии РАН:

— Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств действует с 1992 года. Её

подписали почти все европейские страны, но не все ратифицировали. Хартия ориентирует законодательство, политику и политиков на поддержку именно недоминирующих языков как таковых, а не на поддержку этнических общин. Украина ратифицировала хартию в 2005 году, на «размышления» ей потребовалось 9 лет. В ратификационный список вошли 13 языков: белорусский, болгарский, гагаузский, греческий, еврейский, крымско-татарский, молдавский, немецкий, польский, русский, румынский, словацкий, венгерский. При этом часть бытующих в этой стране языков при значительном количестве носителей осталась вне списка, в частности языки армянский, цыганский, грузинский, татарский. Кроме того, по политическим причинам не рассматривается в качестве языка русинский язык.

Закон, который был принят украинским парламентом, исполняет требования хартии, и этот закон, конечно, улучшает языковую ситуацию в стране, включая и положение русского языка, а значит, и всех, для кого этот язык является основным языком знания и общения. По всем оценкам, таковые составляют половину населения Украины!

Это невероятная глупость, что такое огромное модернизационное преимущество страны, как распространение среди населения одного из мировых языков, ограничивается узким украинским этнонационализмом. Этнические украинцы за счёт дискриминации русского языка сокращали число возможных претендентов на занятие властных позиций гражданами, которые не знали в полной мере украинский язык.

Вторая задача так называемого языкового национализма состояла в том, чтобы украинизировать население — увеличить число говорящих на украинском языке и расширить сферу его использования, особенно в восточных регионах и в Крыму. За 20 лет эта вторая задача была достигнута: украинский язык утвердился своё доминирующее положение и ему никак не угрожает исчезновение под натиском русского языка, что всячески обыгрывалось политически в момент становления самостоятельного украинского государства и принятия Конституции страны. Тогда украинскими националистами удалось навязать один государственный язык и перевести русский язык в положение «безстатусного» языка. Это раскололо страну и до сих пор представляет единственную реальную угрозу её целостности и суверенитету.

Я уверен, что закон будет подписан, но проблема будет решена только частично и, может быть, отложена на следующие 20 лет. А затем русскоязычное население в условиях представительной демократии сформулирует своё общее требование: государственная власть должна говорить на языке налогоплательщиков, а не наоборот. И заполнять налоговые декларации более уверенно и лучше организованное русскоязычное население согласится только на русском. Вот тогда всё встанет на своё место в этом государстве — а именно, оно станет официально двуязычным. Каким и является в реальности.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
1971 1979
УЧРЕДИТЕЛЬ
ОАО «Издательский дом
«Литературная газета»
ИЗДАТЕЛЬ
АНО «Редакция
«Литературной газеты»
Главный редактор
ЮРИЙ ПОЛЯКОВ
Первый заместитель
главного редактора
Леонид Колпаков

Заместитель главного редактора
Валерий Павлов
(представитель в Санкт-Петербурге
и Северо-Западном регионе)
ОТДЕЛЫ:
«Политика, экономика»
тел. 8-499-788-01-06
шеф-редактор Игорь Серков,
обозреватель
Владимир Сухомлинов
«Литература и библиография»
тел. 8-499-788-02-05
ведущий редактор
Марина Кудинова;
Игорь Панин
«Искусство»
тел. 8-499-788-02-12,
Евгений Маликов

Анна Кузнецова,
Арина Абрисимова
«ТелеВедение»
тел. 8-499-788-00-53
ведущий редактор
Александр Кондрашов;
Олег Пуханцев
«Общество»
тел. 8-499-788-02-08
ведущий редактор
Людмила Мазурова;
Наталья Гамаюнова
«Клуб 12 стульев»
тел. 8-499-788-00-53
администратор Александр Хорт
Обозреватели
Сергей Мнацаканян, Лев Пирогов,
Дмитрий Каралис (Санкт-Петербург),
Алесь Кожедуб, Игорь Гамаюнов

Спецредакты
Анастасия Ермакова,
Ольга Моторина
Отдел оформления
тел. 8-499-788-01-13
ведущий редактор
Евгений Федоровский;
художественный редактор
Антон Меньшов
Собственные
корреспонденты
Александр Самойленко (Калуга),
Юрий Беликов (Пермь),
Жан Миндубаев
(Ольговская область, Татарстан),
Владимир Шемшученко
(Санкт-Петербург),
Сергей Евстратов (Республика Македония),
Всеволд Марьян (Закарпатье),
Ирина Тосунян (США),
Алексей Славин (Германия),

Мария Хамакер (Центральная Европа),
Никита Барашев (Италия),
Светлана Селиванова (Китай)
Московский тираж — 60 351 экз.
Федеральный тираж — 35 707 экз.
(печатается в Санкт-Петербурге,
Ростове-на-Дону, Воронеже,
Новосибирске)
Тираж в Крыму — 2500 экз.
Тираж в Европе и США — 6000 экз.
(печатается
во Франкфурте-на-Майне)
Тираж в Израиле — 22 000 экз.
Тираж в Великобритании — 9000 экз.
Тираж в Греции — 3000 экз.
Общий тираж
138 558 экз.
Цена договорная

Отпечатано в ЗАО
«Полиграфический комплекс
«Экстра М», 143400,
Московская область,
Красногорский р-н,
п/о «Красногорск-5»,
а/м «Балтия», 23-й км.
Номер подписан к печати
7 августа 2012 г.
Зак. № 12-08-00109
Редакция рассматривает
все обращения читателей,
оставшая за собой право
рецензировать и не возвращать
письма и рукописи.

Подписные индексы:
50067, 34189, 84874 и 99168
(для предприятий и организаций)
Подписка и размещение рекламы:
тел. 8-499-788-00-52
Экспортная подписка —
по каталогам «МК-Периодики»
и «East View Publications»
Газета зарегистрирована
в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

Адрес редакции:
**Хохловский переулок,
д. 10, стр. 6
Москва, 109028**
Автоинформатор
и соединение с отделами:
8-499-788-02-10
Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru
Факс: 8-499-788-00-52
Перепечатка допускается
по согласованию с редакцией,
ссылка на «ЛГ» обязательна

Свидетельство ПИ № 77-35721
от 20.03.2000 г.
Материалы рубрики «Точка зрения»
публикуются на коммерческой основе.

ПОЛИТПРОСВЕТ

Куда идут русские?

Ави́гдор Эски́н родился в Москве. В семидесятые годы был арестован за расклеивание листовок в поддержку Александра Солженицына. В 1979 году репатриировался в Израиль, где поступил в иешиву. Служил в Армии обороны Израиля, принимая участие в боевых действиях в Ливане в 1982 году. С 1983 года совместно с депутатом кнессета от партии «Ликуд» Михаэлем Кляйнером руководит движением «Новые правые Израиля». Выступает против передачи освобождённых в 1967 году территорий палестинцам. Автор сотен статей о политике, религии, культуре. Выпустил три книги: «Израиль. Вера. Правда» (2000), «Толкование к Книге Псалмов» (2005) и «Тиккун Кляли» (2007). Живёт в Иерусалиме, женат, отец семерых детей.

— Василий Розанов как-то написал, что русские и евреи не могут друг друга. Что, несмотря на все взаимные упреки, конфликты и недомолвки, они очень и очень похожи. А вы что думаете?

— Василий Васильевич был гениальным мыслителем, единственным философом, представившим интуитивное мышление в столь несравненной по глубине и красоте форме. Его отношение к евреям заслуживает особого внимания. Мы обнаружим у него апологетику «процесса Бейлиса» — мрачнейшего кровавого навета, возмущившего даже таких юдофобов, как Шульгин. С другой стороны, встречаем у Розанова тончайшее понимание многих библейских повествований и непостижимую глубину чувственного проникновения в некоторые тайны иудаизма. А в конце жизни он возвёл на евреев такую хвалу, что не прочтёшь без чувства стыда. Ибо он так высоко вознёс наш народ, что боязно не соответствовать высочайшим требованиям. Каждый сведущий понимает, как избранность накладывает особую ответственность. Между тем же найдёт в ней повод для самолюбования или ополчит идею до унылого национализма.

Трудно говорить о схожести евреев и русских. Русская способность адаптировать выборочно чужое и русифицировать его заслуживает глубокого изучения. По предложенной схеме неизбежно замечание: русско-еврейское взаимодействие не было полноценным, ибо вовлекло одну лишь ассимилированную и русифицированную часть еврейства. Традиционалисты Израиля хранили свой пуризм в неприкосновенности, а сионисты ратовали за невмешательство в российские дела и отбытие на Святую Землю.

Вспомните важный и фундаментальный труд Солженицына «Двести лет вместе». В дореволюционный период в России шёл расцвет еврейской мысли: это и библейская экзегетика, и талмудическое направление, это и классическая теология и тайноведение. Всё это прошло мимо взора и пера Солженицына. Получается, все эти неоценимые богатства прошли мимо русских и перекочевали в Израиль. Русская культура же была на время доминирующей среди ассимилированных евреев, но со второй половины XX века её влияние идёт на спад. Получилось, что после бурных совместных двухсот лет, включавших и культурный расцвет, и грехопадение, евреи окончательно сходят с российской сцены истинно непонятны. Причём к непонятию относится именно то важное и главное, с чем они пришли и ушли.

Осмелюсь сказать так: русские не понимают, как высоко способны были взойти одни евреи и как низко способны были пасть другие. К сожалению, для русского читателя имена Виленского Гаона или рава Кука ничего не значат. Боясь, что по причине высококачественной непостижимости. И наоборот: русские не понимают степени низоности того же великого Троицкого и того же мелкого Изи Шамира. Непонятно русским и отношение к ним евреям. С одной стороны, никто не передавал так любовь к России, как Левитан, Гершензон, Галич. С другой же стороны, либеральные авторы-евреи русофобского направления... Трудно разобраться, я понимаю.

— Каким вы видите русско-еврейское сотрудничество в будущем и возможно ли оно в принципе?

— Мне видится, что русско-еврейский диалог в старом виде исчерпан себя. Пришло время для диалога между носителями исконной русской идеи и израильскими почвенниками. Причём этот диалог будет особенно эффективен, когда мы находимся в Израиле, а русские — в России. Вместо либерально-ассимилянтского симбиоза и вместо совместного грехопадения — диалог истинных представителей обоих народов. Сегодня это представляется простым и естественным.

История так повернулась, что интересы России и Израиля сильно совпадают. Возьмём примеры Ливии и Сирии. Израиль благодарен России за позицию в Совете Безопасности ООН. Дело в том, что нам категорически не светит правление в Сирии суннитских экстремистов. По сути, весьма схожи наши интересы по Ирану. Эта страна никак не враг России сегодня. Иран для России — опасный конкурент и важный партнёр одновременно. Россию справедливо беспокоит возможность вторжения туда США и НАТО. А вот вариант ликвидации иранских ядерных объектов, которые способен умело и точно осуществить Израиль, как раз соответствует интересам России. При условии того, что это будет ограниченная израильская операция без привлечения сил США и НАТО.

Другой пример: Израиль заинтересован в укреплении русского фактора и русской идеи в России. Речь идёт о естественных интересах. Если вместо русских дирижировать у вас начнут воинственные исламисты, то нас ждёт неприятная для обеих сторон конфронтация. Азификация и исламизация приведут к концу русской цивилизации. Посмотрите, что произошло уже в ЮАР, например... Я раньше делал мечту о том, что Россия способна возродиться и стать мессианским локомотивом, сообразно пророчеству Исаии в 45-й главе. Однако сегодня я должен признаться, что не вижу для этого предметных

предпосылок. Впрочем, «в Россию можно только верить». А это уже немало.

— А если рассуждать более глобально, скажем, об иудео-христианском союзе? Как вы думаете, это утопия или реальность?

— В наши дни традиционный иудаизм и традиционное христианство оказались вместе под ударами похожего характера. Против нас ведётся война либералами в сфере искусства и массовых СМИ. Яркими примерами тому могут служить такие персонажи, как Марат Гельман. Внедрение под видом искусства самого низменного и преступного — общая угроза для нас.

Мы также стали объектом террора и агрессии со стороны воинственного исламизма. Параллели здесь очевидны и неоспоримы. Христианской и иудейской цивилизациям угрожает сегодня глобальная экспансия. Это террор, вторжение в наши города, насилие над женщинами и попрание нашего достоинства. Это наша общая проблема.

Вместе с тем не будем затухивать различий в теологических подходах. Ни в коем случае не стоит нивелировать различия и смешивать в стиле экуменизма. У нас очень много общих тем и фронтов для крепкой дружбы сегодня. При этом каждый пусть укрепляется в своей традиции и учится через свою веру уважать других и понимать их роль.

— Вам как репатрианту, часто приезжающему в Россию, хорошо знакомы проблемы нашей страны. Что вы можете сказать о «русском вопросе»? Почему власть никак не хочет его решать, что делать в этой ситуации самим русским?

— Вы сейчас переживаете кризис, напоминающий во многом прогрессирующий «закат Европы». Это не просто наплыв иммигрантов, но и криминализация общества, резкое падение уровня образования, низкая рождаемость. Особо болезненным остаётся в России кризис религиозной самоидентичности. Вы прекрасно знаете, что даже среди наиболее укоренённых в почвенничестве людей православие не является единственной альтернативой.

Поэтому перво-наперво русским следует решить, чего они сами хотят. Беда в том, что русские люди не знают на самом деле, куда и с кем им идти. Все радиоканалы оккупированы западной музыкой. Хищнические и эгоистические «ценности» продолжают проникать в российскую жизнь. Досадно, но уровень культуры и образования продолжает падать. Мне понятен гнев людей на власть, которая допустила всё это. Но если человек сам слушает низменные зловонные шумы, если человек сам говорит только о зарплате и о налогах, если он не связан со своей духовной традицией и даже русские песни позабыл, то справедливо ли винить других?

— Но, наверное, вряд ли могло быть иначе после десятилетий вполне целенаправленной дерусификации. Политика беззлойного интернационализма проводилась в основном в РСФСР и была именно по русским. Потому что республика СССР уже в перестройку начала активно строить свои национальные государства, а русских России всё ещё считали «советскими людьми».

— Религиозная жизнь русских была очень сильно ущемлена. Но разве не было кружков при Дворцах пионеров по русской народной музыке? Разве русская литература не изуча-

лась в школах? Напомню вам также, что национальные музыкальные ансамбли пели в обязательном порядке русские песни. Русская культура имела гигантское благотворное влияние на всех жителей СССР. Нам ещё предстоит исследовать высокие духовные корни русской культуры, благодаря которым уживались вместе народы Кавказа, например. Прямо как у пророка Исаии, рекшем о сосуществовании «волка с агнцем».

— Помилуйте, а что давали эти кружки самим русским? Там что, учили русскому патриотизму? Прививали мысль об отстаивании своих интересов, своей земли? Вполне понятно, что русские, как наиболее многочисленный народ в СССР, доминировали в каких-то областях науки и культуры, да и то не во всех... Однако не могу не отметить, что те же советские учебники по истории не прививали любовь ко всему русскому... Все эти утверждения о царях-кровавицах, о безжалостных империалистах воспринимались буквально, особенно в перестройку. Я вот жил в Закавказье и прекрасно помню, как реагировали школьники: «Это вы, проклятые русские, испортили нам жизнь, это вы нас поработили, но мы вам ещё покажем!» И вскоре показали, когда начали массово изгонять русских из республик бывшего СССР и даже из отдельных республик России. Государствообразующий народ, по сути, все годы советского строя находился в положении «терпиль», которого только ленивый не слышал.

И в нынешней России, где о русских нет ни слова в Конституции, мало что изменилось. Да, звучат песни на русском языке, но в то же самое время среди русских падает рождаемость, вымирают русские деревни, разоряются малые города. Но совершенно противоположное мы наблюдаем на Северном Кавказе, куда рекой текут деньги из бюджета страны. И у русских, заметьте, никто не спрашивает, согласны ли они с таким положением дел...

— А разве не была в советское время ущемлена еврейская жизнь? Поставьте себя на моё место. Я родился в Москве в 1960 году — ни одной еврейской школы, ни одной

в Болгарию... Их места занимают выходцы с Кавказа и Средней Азии.

Русский фактор, и только он, может вернуть вспять процесс демографической ликвидации России. В этом смысле у нас есть уникальный опыт, который помог бы русским выжить и победить.

— Вот вы говорите, что Израиль заинтересован в укреплении русской идеи в России. А наших особо рьяных либералов это как раз больше всего страшит! Они готовы до последнего отстаивать интересы тех же исламистов, лишь бы не допустить к рычагам власти «страшных русских фашистов».

— Я говорю об объективных вещах. Скажите, какую политику будет проводить Россия по отношению к Израилю, если во главе её окажутся такие люди, как сторонники исламизации России? С другой же стороны, с русскими патриотами мы гарантированно найдём общий язык. Я имею в виду и тех, кто сегодня заражён некоторыми юдофобскими мифами. Как только эти люди приблизятся к власти и к реальным источникам информации, всё станет на свои места. Главное — чтобы они руководствовались русскими интересами. Давайте вспомним, сколько денег СССР потратил на помощь врагам Израиля. Как вы помните, общий долг стран третьего мира Советскому Союзу составил к моменту его развала сто пятьдесят миллиардов долларов. Ещё сто миллиардов было вложено в недвижимость — школы, больницы, университеты, культурные центры. Около половины этих денег пошло к прямым врагам Израиля. Я вас уверяю, что ни один русский патриот не пойдёт на такие «подвиги», даже если он не любит Израиль и евреев.

К сожалению, многие обрусевшие евреи в России пренебрегают интересами еврейского народа, а служат общему миру либеральной системе. В этом вся беда. Их не интересует Израиль, они не знают своего языка и своей традиции. Очень многие стараются искусственно рассорить нас вопреки тому, нужно ли это вам и нам. Но дружба сегодня возможна только между русскими почвенниками и еврейскими традиционалистами. Мы договоримся очень быстро.

— Времени европейских восторгов по поводу мультикультурализма прошло. Эксперимент провалился, и вот уже Италия выселяет тунисцев, Франция запрещает хиджабы, а швейцарцы голосуют на референдуме против строительства минаретов.

Но наша власть этого пытается не замечать. Формально мы стремимся интегрироваться в Европу, а сами завозим в страну миллионы мигрантов, что ничего, кроме напряжённости и грядущих всплесков масштабных межнациональных конфликтов, принести не может. Как Израиль удаётся решать проблемы с мигрантами?

— Европа обречена, если не произойдёт внезапных перемен. И главная её беда не в приезжих. Иммигранты — это симптом. А сама болезнь — это либерализм, отречение от традиционных ценностей, культурный коллапс. Европа теряет жизненную силу, а святое место пусто не бывает. Посмотрите, как позорно Запад и США реагируют на истребление белого населения в ЮАР. Они не понимают, что сами на очереди.

Совсем иначе выглядит ситуация в Израиле. У нас рождаемость растёт. Сегодня в первых трёх классах большинство детей посещают религиозные школы. Ничего подобного нет нигде в западном мире. Тем не менее Израиль впустил за последние годы несколько десятков тысяч беженцев. Но затем было принято несколько решений действовать решительно и жёстко против тех, кто проникает на нашу территорию незаконно.

— Есть у русских национальных сил перспективные идеологи, лидеры?

— Мне кажется, русская национальная идея не оформилась ещё окончательно. Среди современных патриотов остаётся открытым и вопрос вероисповедования. Кто-то причисляет себя к православным, кто-то к староверам, кто-то к язычникам или вовсе к зороастрийцам. Есть деятели, связывающие любое бедствие или любой терракст с злоущирениями всемирного Тель-Авива. Причём Тель-Авив виноват и в тех случаях, когда теракты совершали чеченскими террористами — убеждёнными врагами Израиля. Невзирая на наличие маргинальных и саморазрушительных тенденций, русское национальное движение располагает огромным потенциалом. Оно опирается на великую традицию Хомякова, Соловьёва, Леонтьева, Сергея Булгакова, Бердяева и Ильина.

— Вы отстаиваете интересы Израиля, но при этом задерживали спецслужбами своей страны и даже получили условный срок. И в то же время ваше правительство проигрывает арабских террористов, выпускает их из тюрьмы. У васматриарх здесь вполне очевидные аналогии с Россией, где патриотов и националистов сажают по 282-й статье, а боевиков амнистируют...

— Полагаю, что каждому мужчине под стать служба в армии и некоторый срок пребывания за решёткой. В прошлом я провёл в заключении около трёх лет. Это немало способствовало моему духовному развитию и становлению. О 282-й статье очень много написано русскими публицистами, и вряд ли я смогу что-то добавить, а вот по военной теме скажу.

Известны факты особо жёсткого отношения к российским солдатам и офицерам, заподозренным в превышении полномочий во время боевых действий на Северном Кавказе. Опасаюсь, что в некоторых случаях прокуратура и судьи начали забывать, кто враг, а кто свой. Своих военных надо уметь прощать за проступки. Вы только подумайте, через какие адские испытания прошли российские солдаты и офицеры! Если у кого-то сдали нервы и он действовал противозаконно, то его следует передать суду. Но судить надо милосердно, учитывая его заслуги перед Отечеством и всем народом.

КНИЖНЫЙ РЯД

Эхо Февраля

Вячеслав Никонов. **Крушение России. 1917.** — М.: АСТ: Астрель, 2012. — 926 с. — 3000 экз.

Само название книги ясно говорит о том, как оценивает автор события, произошедшие в феврале-марте 1917 года, — крушение, катастрофа, гибель.

На обложку вынесены слова великого русского мыслителя Питирима Сорokinа: «Кто может быть вполне уверен, что, заживая маленький костёр революции, он не кладёт начало огромному пожару, который охватит всё общество, испепелит не только дворцы, но и хижинки, уничтожит не только «деспотов», но и самих зажигателей вместе с тысячами невинных лиц? Нико!».

Тут же, на обложке, фрагмент картины Илья Репина «17 октября 1905 года». Об этой картине Василий Розанов писал: «Конечно, все жившее в 1905–1906 годах в Петербурге скажут о картине: «Это — так! Это — верно!» Несут на плечах маньяка с сумасшедшим выражением лица и потерявшего шапку. «До шапки ли тут, когда конституция?» Лицо его не ясно в мысли, как именно у сумасшедшего, и видно только «глаза в одну точку»... Репин нарисовал «маслину русской революции», карнавал её, полный безумия, цветов и блаженства».

Пройдёт двенадцать лет, и в 1917 году «карнавал, полный безумия» снова затопит улицы российских городов. Обернётся он никем не ожидаемым лавинообразным распадом и тотальной деградацией великой державы, которая, сумев пережить трагические военные неудачи, уже стояла на пороге победы в мировой войне. Страна понесёт колоссальные человеческие жертвы, потеряет огромные территории, будет отброшена на десятки лет назад в экономическом развитии.

Что же и почему произошло тогда? Вячеслав Никонов ищет ответы на эти вопросы, приводя мнения и свидетельства как участников и героев тех событий, так и историков, изучавших причины крушения государств уже много лет спустя. Все они сходятся в одном: революция — сложное и запутанное событие, которое вызвали к жизни весьма различные, часто противоположные и даже ненавидящие друг друга силы, к сожалению, искавшие в сложившейся ситуации лишь собственную выгоду.

Сам Никонов склонен поставить на первое место «элитный раскол, противопоставивший огромную часть активного политического класса и интеллигенции правящему режиму. Идею и организационную подготовку осуществляли партии и организации либеральной и социалистической ориентации, а также некоторые представители финансово-промышленной олигархии... Именно эти каналы, как и каналы масонства, были основными для выхода оппозиционеров на армейскую верхушку, которая в решающей степени обеспечила успех переворота. В революцию была повинна и действующая власть в лице императора Николая II. Однако вина его была не в том, в чём его чаще всего обвиняют: отсутствию либеральных реформ или предательстве национальных интересов под влиянием «тёмных сил». Его главная слабость заключалась в том, что он не был монархом-политиком...» Тут стоит отметить, что царь и его супруга много лет были объектом самой изощрённой травли и прямой клеветы. Царя превратили в одиозную фигуру, объект насмешек, издевательств и презрения, что, конечно, сыграло свою роль в февральских событиях.

Ещё один безусловный вывод книги. Группы олигархической и интеллигентской элиты, подогранные и осуществившие переворот для установления собственной власти, не понимали ни природы власти, ни страны, которой намеревались управлять. Результат известен. «В течение нескольких дней февраля-марта 1917 года была разрушена российская государственность, а с ней и великая страна». Именно Временное правительство, будучи в здравом уме и твёрдой памяти, самостоятельно, без всякого принуждения, просто по собственному недомыслию ликвидировало весь государственный аппарат России, воплотив, по сути, в реальность ленинский план полного слома государственной машины. Как выяснилось, это был и их собственный план. Большевики пришли потом на пустое место, им пришлось строить новое государство.

«У сентиментальных дилетантов до политики всё расплзлось и пошло прахом», — напишет потом в эмиграции философ Иван Ильин.

А Иван Бунин в ужасом вспомнит: «Сатана Каиновой злобы, кровожадности самого дикого самоупраства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода. Тогда вдруг сразу наступило иступление, острое умомелешательство. Все орали друг на друга за малейшее противоречие: «Я тебя арестую, сукин сын!»

Деятели февраля были убеждены, что они — умнейшие люди России. Но через два месяца их правительство станет объектом насмешек и издевательств, у него не окажется ни сторонников, ни защитников. Да они и сами разбегутся, убедившись, что ни на что не способны. Оставив страну растерзанной и беззащитной. «Впервые со времён Золотой орды мы перестали быть субъектом международных отношений и оказались их объектом», — констатирует Никонов. — Все с упоением делили российское наследство. Великая страна стояла на коленах, и падение не могло быть более мучительным, унижительным, кровавым».

Книга Никонова — обстоятельный исторический труд, написанный, что называется, без гнева и пристрастия. Но автор не скрывает, что предпринят он для того, чтобы, понаув страшного крушения 1917 года, предостеречь новое. Тем более что было ещё и крушение 1991 года, которое удивительным образом напоминало февраль 1917-го. Удастся ли предотвратить? Увы, в событиях последнего времени нельзя не заметить все характерные черты того самого февраля. Да и сама верхушка нынешней оппозиции не скрывает своего восторга по адресу героев этого страшного для страны времени.

ПЕРСОНА

Сигурд ШМИДТ:

«Я занимался в жизни тем, чем хотел»

— В этом году у вас серьёзные юбилеи. Как ощущаете свой возраст — как невыносимое бремя или как драгоценный багаж для новых свершений?

— И так, и так. Бремя, конечно, ощущаю. Но пока ещё посильное. Благодаря за то, что живу и могу действовать. Я понимаю, что жить долго можно только старая. А стареть — только боля. Другого пути нет. Придётся с этим мириться. Опыта становится с годами больше, и осмысление становится иным, чем это было раньше, но утрачивается темп работы, утрачивается способность быть многостаночником. Скорая сообразительность ещё сохраняется, но в памяти всё больше выпаден. Безусловно, очень приятно, что мой юбилей был так тепло отмечен, и совершенно неожиданно для меня столько раз в СМИ. Издали к апрелю три толстые книги моих трудов: РГГУ — книгу «После 75» — работы 1997–2001 гг., и сейчас готовится к печати книга написанного после 80 лет. В издательстве «Языки славянских культур» подготовили книгу статей о моём университетском учителе, академике М.Н. Тихомирове и очердную книгу многогранного, в пяти книгах, издания моих сочинений «Памятники письменности в культуре познания истории России». Это принесло удовлетворение и радость, значит, что-то в жизни сделано. Хотя, конечно, юбилеи всегда сопровождаются преувеличением числа восклицательных знаков. Восклицательный знак — единственно общепринятый в такой ситуации, тут уж куда не деться.

— Вы человек очень энергичный, занимаете много ответственных постов. Вопрос к вам как к заведующему кафедрой москвоведения Московского историко-архивного института. Есть ли сегодня у молодёжи интерес к истории? Какой курс лекций вы будете читать им в новом учебном году?

— Конечно, я и исследователь, и педагог, и, пожалуй, преподаватель. Кстати, своё согласие стать заведующим кафедрой я дал, когда мне было уже сильно за восемьдесят. Наша кафедра вызывает большой интерес. Интерес этот проявляется и в том, что в Историко-архивном институте каждую последнюю пятницу восемь месяцев в году собираются люди, интересующиеся новой литературой по москвоведению и краеведению. Появляется много свежих изданий. Студенты тоже проявляют интерес. Но сейчас, к сожалению, мы наблюдаем печальное явление: абитуриенты в первую очередь думают о тех профессиях, где их труд будет лучше оплачиваться. Профессия учёного-гуманитария никогда не была в числе высокооплачиваемых. Поэтому я лично очень ценю, когда среди студентов оказываются молодые люди не из обеспеченных семей, готовые заниматься историей, краеведением, москвоведением без надежды на большие заработки. Я совершенно убеждён: главное в жизни — это заниматься делом, которое тебе интересно. Работать нужно по призванию. Могу с чистой совестью сказать: я занимался в жизни тем, чем хотел, и не ради гонорара, конъюнктуры или славы.

Пожалуй, самое значительное из сделанного мной — это созданная научная школа в Историко-архивном институте. А самое для меня дорогое — пятидесятилетнее руководство, с 1949 по 2000 год, студенческим научным кружком источниковедения. За время существования там собирались не только студенты, но и выпускники вузов, кандидаты, доктора наук, уже состоявшиеся учёные. Это действительно объединение людей, с искренним интересом занимающихся своим делом, людей, дружески относящихся друг к другу, толерантных. Всё это очень способствовало развитию и моего собственного творчества, стимулировало. Сейчас сверстники мои уже ушли из жизни, поэтому самые близкие люди — мои ученики. Согревает то, что некоторые из них я дорог и интересен не только потому, что занимаю какие-то посты и имею какие-то звания, а просто по-человечески.

Студентам в новом учебном году буду читать спецкурс и первокурсникам — введение в специальность. Это примерно пять вводных лекций о том, что такое история, что такое исторический источник и так далее. А спецкурсы разные. Некоторые — «Пушкин и Москва» или — «Арбат в культуре России» одновременно и краеведческие, и источниковедческие.

Однако едва ли не самое значимое дело, которым занят последнее время, — не работа в Академии наук и преподавание в РГГУ, а подготовка «Московской энциклопедии». В конце прошлого века в канун 850-летия Москвы мне в издательстве «Большая российская энциклопедия» предложили стать главным редактором одноимённой энциклопедии «Москва». А в начале же нашего века я предложил издать «Московскую энциклопедию» в нескольких книгах. Председателем редакционного совета стал мэр Москвы. Ныне выходит немало региональных энциклопедий, наше из-

дание своеобразно по построению: два тома в нескольких книгах. Первый том «Лица Москвы» с данными о людях, памятных в истории Москвы (и уже скончавшихся). Это отнюдь не только должностные лица, но и священнослужители, купцы, воины, защищавшие Москву, или жившие в ней учёные, врачи, писатели и журналисты, спортсмены, деятели театра и др. О многих из них подробности биографии я узнал впервые (адреса их проживания и места захоронения). Создан первый Московский биографический словарь, чем горжусь. Если в одном томе «Москва» было около тысячи имён, в пяти книгах нашего издания более одиннадцати тысяч. Сейчас принято решение готовить дополнительную шестую книгу, так

поступает в библиотеки, школы. На книжных ярмарках и у нас, и за рубежом стенды с нашими книгами неизменно привлекают посетителей.

— Какой период из отечественной истории вызывает у вас наибольший профессиональный интерес?

— Раньше — период Ивана Грозного. Я защитил по нему обе свои диссертации. И даже в нынешнем году написал статью о припиках, которые сделали в официальных летописях того времени — была изменена трактовка событий, характеристика исторических лиц. Считается, что это сделано самим Иваном Грозным или под его диктовку. То есть, по сути, это, безусловно, фальсификация истории своего времени в интересах власти. Я пытался опреде-

ление необходимо в таком масштабе, но то, что оно нужно в принципе, нет никаких сомнений. Сама идея расширения Москвы кажется мне справедливейшей — иначе невозможно.

У нас очень много критикуют разные руководящие инстанции Москвы за то, что Москва в XX веке очень сильно перестраивалась. И перестраивалась чаще всего не так, как хотелось бы. Но совершенно не учитывают одного. Москва не могла не перестраиваться. Мы забываем элементарные вещи. Все европейские столицы уже в Новое время были столицами. Они постепенно приобретали облик города Нового времени, с более высокими зданиями, более широкими улицами, более развитой инфраструктурой, с обеспечением мест

В него, конечно, тоже втралгались большие дома и неизбежно уродовали облик города, но сохранялся ещё привычный уют, сейчас исчезнувший.

В такой перестройке Москвы нужно винить не столько руководителей, сколько архитекторов, потому что именно они построили эту безобразную «челюсть» Москвы на Новом Арбате. Я бывал во многих столицах мира и такого безвкусицы, полного отсутствия оригинальности не встречал. Те же высотки 1940–1950-х годов были как-то связаны между собой, создавали своеобразный ансамбль, единое целое. Всё это сегодня, при строительстве новой части Москвы, нужно учесть.

— Ясно, что в ближайшее время появится много новых улиц и проспектов. Встанет вопрос: как их называть? Не хочется, чтобы повторилась та же бредовая ситуация, что и с названиями многих московских улиц. Надеюсь, улицы новой Москвы не будут дублироваться с манакальным упрямством, и поколениям будущего не придётся гулять по Стандартным и Монтажным и недоумевать, почему дом их находится на площади, названной в честь какого-нибудь позабытого всеми антигероя... Обо всём этом писал Юрий Поляков в статье «Где проспект Ивана Калиты?»

— Юрий Михайлович сделал доброе и важное дело. Статья его очень актуальна. Вздолнованна и искренна. И очень точно показывает хаотический подход к наименованию московских улиц. Ведь если уж переименовывать, то с учётом исторических реалий. В 1990-е годы членам Комиссии по переименованию я неоднократно говорил об этом, за что меня обвиняли в консерватизме и поступили и механически, и лукаво. Потому что возвращать старые имена стоило отнюдь не все, а только те, которые свидетельствовали о явлении, показательно для данной местности. Ну, к примеру, Остоженка — стога сена близ Кремля. Здесь всё понятно. Или — названия по занятию жителей: Мясницкая, Поварская, Кисловский переулок... Или — напоминание об утраченных храмах, монастырях. Или — о поимённых стрелецких полках. Но восстанавливать по случайным фамилиям домовладельцев, про которых мы ничего не знаем, которые ничего не сделали, это несерьёзно. Таким образом исчезла память о целых пластах культуры. Ведь топонимика Москвы как всякого города — источник познания города, его прошлого. Но что мы видим на деле? Возьмём Николаевскую эпоху. Переодовые люди той поры — Герцен и Огарёв, историк Грановский, критик Белинский, Станкевич, — их сразу убрали с карты Москвы, то есть как бы отменили их вклад в развитие России. Или вот ещё факт. Совершенно стёрли память о Художественном театре. Этот театр произвёл переворот в мировом представлении о театре. Конечно, необходимы улицы Станиславского и Немировича-Данченко, первых главных актёров. Этих улиц нет. Улиц Вахтангова и Щукина тоже нет. Не следовало убирать и имена всех видных советских деятелей, топонимика — память и объяснение прошлого, а годы советской власти — значимый период отечественной истории. Скажем, Куйбышев — человек большой культуры и административно-организаторского дара. С его именем связан план первых пятилеток, а между тем имя его упущено с карты Москвы и присоединившихся к ней местностей! В то же время сохранили в пределах Садового кольца, где улицы подвержены массовому переименованию, улицу Серафимовича — побоялись, ведь это же «Дом Правительства»! Правильно Поляков возмущается по поводу отсутствия улицы, названной в честь главы Москвы князя Голицына, которому мы обязаны восстановлением города после пожара, улицы, хранящей память о жившем в конце XIX века выдающемся мэре Москвы Алексееве. Их улиц не найдёшь! Также нет улицы великого москвича, историка, ректора университета Соловьёва. Безусловно, с присоединением новой территории появится немало поворачивающихся наименований. Необходимо будет создать специальную комиссию, состоящую из специалистов и обязательно учитывающую общественное мнение, обсуждая свои проекты не в узком кругу. Прежде всего наименование улицы должно иметь связь с тем, что там имеется или строится. Это надо подойти к этому процессу с умом и уважением к местным жителям.

— Текущий год — Год истории. И так совпало, что и год вашего юбилея тоже. Это знаменательно. Какие мероприятия планируется провести в 2012-м?

— Год истории, то, что он вообще был объявлен, явил уважительное отношение к тому, чем я занимаюсь. Но очень бы хотелось, чтобы это не было просто декларацией внимания к истории. Нужно, чтобы интерес к истории проник в широкие слои населения. В своё время краеведение, то есть история своего края, считалось обязательным предметом в средней школе.

Потом стала факультативом, а затем практически исчезла. А между тем это архинеобходимо! Особенно в больших городах, где значительная часть населения — новоприходцы, у которых нет корней. Это нужно прежде всего для объединения людей. Краеведением могут заниматься только те люди, которые являются частью населения. Надо любить предмет, надо чувствовать его. Не обязательно преподавать его должен историк. Это может быть учитель литературы, учитель географии, учитель труда, даже физкультурник — ведь можно организовать какие-то походы по историческим местам. Целесообразно было бы даже иметь одного преподавателя на несколько школ, он бы объединял таким образом ребят. Посмотрите, как изменилась сама система обучения! Вель в 20–30-е годы все жили в коммуналах, имели общие дворы, общались друг с другом, а сейчас никто никого не знает даже в своём собственном доме! Об этом стоит, по-моему, подумать Министерству образования.

Но вернёмся к Году истории. Создано Общество историков. И оно будет заседать в сентябре месяце. Инициаторами этого общества выступили и научные организации, и высокопоставленные лица.

Кроме того, в этом году юбилей войны 1812 года, поэтому в Историческом музее будет открыт особый музей, посвящённый войне двенадцатого года, планируются различные тематические выставки, заседания, научные конференции.

Но вот что огорчает. Полгода прошло, а особой активности не наблюдается. Учёные, конечно, своё дело делают. Они пишут работы, проводят научные конференции. Но хочется, чтобы Год истории был значимым не только для специалистов, но и для всего населения, тем более что интерес к истории, судя даже по телепрограммам, велик. Увы, он не всегда качественно удовлетворяется. Пожалуй, только канал «Культура» делает подобные передачи на подлинно научном уровне. Например, лекции «Академия», где и мне предложили прочитать пять лекций. Желательно ввести больше исторической тематики, и главное — научной проренной — в программы других каналов.

— К сожалению, элитарная литература малотиражна, а произведения массовой литературы, наоборот, выходят большими тиражами, активно рекламируются и захватывают книжный рынок. Как пробудить интерес читателей к серьёзной книге?

— В целом о этой ситуации справиться нелегко. Самое главное — переделать программу обучения в школе, вернуть обязательность выпускных сочинений. Меня чрезвычайно огорчает, что часы преподавания гуманитарных предметов резко сокращаются, дети практически перестали читать. Это безобразно, абсолютное непонимание того, что нас ждёт в будущем. Основные каналы телевизионных передач мало пропагандируют классическую литературу. А ведь чтение книг отражается на самой способности мыслить. Конечно, Интернет, в котором всё можно найти, ускоряет и облегчает работу. Но мыслить он не учит. Чтение — это, по сути, сотворчество, самый верный способ научиться самостоятельно размышлять.

Здесь есть ещё такой момент. Книги нужно дарить. Когда бабушка приходит к внуку, она должна что-то принести. Лучше всего, конечно, книгу. Но когда детские книги, эффективные, в твёрдых переплётах, стоят баснословно дорого, то бабушка просто не имеет возможности эту книгу купить... Детские книги должны быть доступны для всех, в том числе и для малоимущих семей. Чтение хорошей книги не должно быть роскошью в материальном смысле. Ребёнок должен сжиться с книгой, рисовать в ней, не опасаясь, что его за это накажут. Вот я нашёл у себя «Маугли» Киплинга с иллюстрациями Вагагина в чудовищном виде... Но она сохранилась!

— Вы сами какие книги читаете или перечитываете?

— Я для себя всё в большей мере и со всё возрастающим удивлением открываю Пушкина. Его перечитываю чаще других классиков. Это такое необычайное совершенство простоты, совмещённой с мудростью, так гармонически выраженной! И как он мог так глубоко, проникновенно ошутить переживания людей, которые были намного старше его... Ведь он погиб в тридцать семь лет.

О Пушкине много пишу, сейчас готовится моя книга о нём. Иногда возвращаюсь к Толстому, к отдельным главам из «Войны и мира», иногда к Чехову. Очень люблю Лермонтова. В юности я прочёл довольно много. Но моё теперешнее восприятие обретшего жизненный опыт старого профессора, к тому же усатривающего во всём источник исторической информации, настолько отличается от восприятия тех лет, что надо бы заново перечитать классику... Но, к сожалению, этого уже сделать не успею.

Беседовала

Анастасия ЕРМАКОВА

Александр РАЙЧЕНКО

В гостях у «ЛГ» замечательный историк, широко известный и как москвовед, советник Российской академии наук, академик Российской академии образования, заведующий Россией в нашей стране кафедрой москвоведения Московского историко-архивного института РГГУ (где преподаёт с февраля 1949 года!), почётный председатель Археографической комиссии РАН и Союза краеведов России, главный редактор Московского энциклопедии, председатель Московской городской экспертной комиссии книгоиздания, заместитель председателя Московского городского совета книгоиздания, член многих научных советов и редколлегий, лауреат высоких премий, автор двадцати книг и множества статей по отечественной истории, истории культуры, по проблематике специальных исторических дисциплин — источниковедения, историографии, археографии, краеведения, заслуженный профессор РГГУ Сигурд Оттович ШМИДТ.

Неслучайно, что мы беседуем с историком, этот год для Москвы особенный в историческом плане — вступил в силу проект расширения Москвы, кроме того, 2012-й богат юбилеями: двухсотлетняя дата войны 1812 года, 90-летие образования Советского Союза и 90-летие самого Сигурда Оттовича.

как с начала века ушли из жизни немало лиц, достойных включения в энциклопедию, изданы новые справочные издания о Московской городской думе, о преподавателях и выпускниках Московского университета, о космонавтах и другие — с данными о лицах, о которых должны помнить в широких общественных кругах. Основной костяк сотрудников редакции — мои ученики по Историко-архивному институту, и я был руководителем их работы над дипломными сочинениями и диссертациями.

— Энциклопедия издаётся по программе книгоиздания Москвы? Какие ещё наиболее значимые книги увидели свет по этой программе?

— Да, энциклопедия издаётся по программе книгоиздания Москвы, возглавляет которую теперь Александр Николаевич Горбенко, заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы по вопросам работы с СМИ, межрегиональному сотрудничеству, спорту и туризму, рекламе. По городской издательской программе издаётся много разнообразной литературы: и по истории Москвы, и об известных москвичах, и о современной Москве — градостроительство, городской жизни, городском хозяйстве, и о Москве в изобразительном искусстве и в фотографиях. Много книг религиозно-просветительской направленности, особенно изданий для детей. Издаются избранные сочинения классиков, непременно разного типа издания к юбилейным датам: особенно много изданий о Великой Отечественной войне и пушкиниана, в том числе о выставках в Музее А.С. Пушкина. Выставка кратковременна, а в книге она навсегда воспроизводится в изображении, с научной информацией, также издаются мемуары, дневники. Есть и парадные, и дешёвые издания. Значительная часть тиража бесплатно

лит время, когда это было сделано. Известно, кстати, что Сталин возлечивал Грозного и находил в его деятельности оправдание собственным злодеяниям. О фальсификации Сталин, характеристика Ивана IV, в 1940-е годы ещё не знал, но, редактируя «Краткий курс истории ВКП (б)», сам поступал так же.

Возвращаясь к другим прежним темам — к творчеству историков начала XX века, и к истории краеведения, и к Карамзину, запланировал в связи с Годом истории доклады: Карамзин об отличиях «самодержавия», воплощением которого был для него Иван III, и «самовластия», воплощением которого был Иван Грозный, и о том, какую роль сыграл тот же «История государства Российского» в общественном сознании современников Отечественной войны 1812 года. Близкий к историографу князь П.А. Вяземский писал позднее: «Карамзин — наш Кутузов двенадцатого года: он спас Россию от нашествия забвения, воззвал её к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в двенадцатом году».

Последние два года писал и по новой тематике — этюды об Отто Юльевиче Шмидте «Соображения и воспоминания сына-историка». Отец заметную роль сыграл в развитии культуры, но об этом почти не писали, потому что материалы были закрыты. Сейчас редактирую четвёртый том его сочинений.

— А как вы относитесь к расширению Москвы?

— Это вынужденная мера. Очевидно, что Москва в своих прежних границах уже не могла выполнять все необходимые функции мегаполиса. Не должны в одном месте концентрироваться все правительственные учреждения, невозможно бесконечно расширять улицы, всё это идёт за счёт домов, в конечном счёте — за счёт людей. Не уверен, что расши-

для государственных и культурных учреждений. Для иностранных посольств Москва была великой средневековой столицей, восхищавшей своей необычной архитектурой. И Кремль, и позже появившийся собор Василия Блаженного не всегда вызвали восторг, но всегда производили сильное впечатление. Ведь Москва в то время — большой европейский город! Её размеры, раскинутость, посередине достаточно широкая река... Но когда появилась Российская империя, Москва перестала быть столицей, стала «порфиросной вдовой», как определил Пушкин. Конечно, она всё равно осталась сердцем Родины, потому что здесь венчались государи, оставалась местом пребывания богатой знати. Здесь основали первый университет, здесь собиралась Уложенная комиссия во второй половине XVIII века, но всё управление сосредоточилось в Петербурге. И вот когда после революции Москва вновь сделалась столицей, встал вопрос: как же всё в ней разместить? Ну хорошо, в центре богатые коммерсанты построили свои, как бы сейчас сказали, офисы. Неслучайно на Китай-городе обосновались и ЦК партии, и Наркомтяжпром, и другие учреждения. Было ещё какое-то количество приличных особняков, которые годились для размещения посольств. А дальше что? Москву всё равно в 30-е годы нужно было как-то изменять, потому что улицы не годились для оживлённого движения. И, естественно, столица росла, количество различных государственных учреждений увеличилось, появлялись научные институты, в 1934 году в Москву перевели Академию наук. Другое дело — как это делалось. Я вот, например, родился и всю жизнь живу в одном и том же доме возле Арбата, в одном из самых уютных районов старой дворянско-особняковой Москвы.

ЖОРЖИ АМАДУ — 100

Сочный плод и скучный йогурт

10 августа весь мир отмечает столетний юбилей великого бразильского писателя, у которого в новые времена появился антипод

ЖОРЖИ АМАДУ и Пауло Коэльо — две ключевые фигуры двух периодов русско-бразильских литературных контактов. Это самые известные в мире бразильские писатели, их произведения переведены почти на все языки мира, а тиражи исчисляются десятками миллионов экземпляров. При этом причины международного признания этих авторов диаметрально противоположны. Творчество Амаду интернационально, а Коэльо — воплощение глобализма в литературе.

На первый взгляд интернационализм и глобализм — понятия близкие, но на самом деле они антагонистичны по своему содержанию. Интернационализм — идеология, проповедующая дружбу и сотрудничество между нациями, это основа взаимопонимания народов, это взаимопонимание культур, знаний и технологий. Интернационализм не подразумевает доминирование одной культуры над другими или уничтожения национальных культур. Напротив, взаимообогащаясь, национальные культуры развиваются и расцветают.

Глобализм — это вырождение и утрата национальной культуры. Глобализм рассматривает человечество как однородную массу индивидов без национальных и культурных различий. Везде на земном шаре — в Нью-Йорке, Рио-де-Жанейро, Париже, Москве или Череповце — на полках универсамов стоят одинаковые продукты, по улицам ездят одинаковые автомобили, люди ходят в одинаковой одежде и смотрят одни и те же фильмы.

Если интернационализм в идеале видит создание единой общечеловеческой культуры на основе того лучшего, что имеется в каждой национальной культуре, то при глобализации культуры разных народов не обогащают друг друга, а унифицируются и уничтожаются. Ошибочно думать, что такая денационализация приведет к созданию некоей наднациональной культуры. Отнюдь — это приведет к уничтожению культуры вообще, потому что культура, лишённая национальных корней, засохнет и погибнет, как срубленное дерево.

Суть интернационализма в литературе выразил сам ЖОРЖИ АМАДУ в выступлении на Втором съезде советских писателей: «Для того, чтобы наши книги — романы или поэзия — могли служить делу революции, они должны быть прежде всего бразильскими: в этом заключается их способность быть интернациональными». Творчество Амаду — живое воплощение этого тезиса. Самый бразильский из всех бразильских писателей, он известен и любим во всём мире, потому что сумел раскрыть душу своего народа. Отличительная черта бразильцев — радостное восприятие жизни, природный оптимизм. Благодаря таланту Амаду эта особенность стала такой же принадлежностью мировой литературы, как и «загадочная русская душа». Во всех произведениях Ж. Амаду, начиная с самого первого романа «Страна карнавала» и до последнего, «Чуда в Пираниясе», раскрывается национальная самобытность бразильского народа, которая дополняет и обогащает духовную жизнь других стран, таких, как Россия, где трудно оставаться оптимистом, когда семь месяцев в году перед глазами бескрайняя снежная равнина

под пасмурным небом, и кажется, что весна не наступит никогда. В таких условиях роман Амаду, как ударная доза витамина С, возрождает к жизни.

Герои Амаду — не схемы, не бледные тени, не ходульные персонажи. Это люди из плоти и крови. У каждого своя внешность, свой характер, своя жизнь и судьба. Никто никогда не спутает дону Флор с Габриэлой или Терезой Батистой, а Капрала Мартина с Педро Пулей. Как живые предстают они перед читателем, и миллионы людей во всём мире плачут и смеются вместе с ними. Они живые, потому что Амаду видел их вокруг себя, на улицах родной Бани, в гуще народной жизни, частью которой он был.

В книгах Коэльо нет героев, там нет даже персонажей — только намеченные пунктиром фигуры, ни национальность, ни возраст, ни характер которых невозможно определить. Эти фигуры якобы принадлежат разным странам и эпохам, но они очень похожи, практически неразделимы. По сути, это одно действующее лицо, которое переходит из книги в книгу. И это лицо самого Пауло Коэльо, примеряющего для разнообразия карнавальные маски. Коэльо не выбирается за пределы собственной головы, бесконечно препарируя и раскалывая по полочкам её небогатое, увы, содержимое. Об этом, кстати, он сам прямо так и сказал в «Принципе домино»: пишу, мол, о единственном человеке, которого хорошо знаю, то есть о себе самом.

В своё время в Советском Союзе ЖОРЖИ АМАДУ был избран на роль «главного бразильского писателя» по идеологическим причинам. Однако с первой восприимчивости жизни, природный оптимизм. Благодаря таланту Амаду эта особенность стала такой же принадлежностью мировой литературы, как и «загадочная русская душа». Во всех произведениях Ж. Амаду, начиная с самого первого романа «Страна карнавала» и до последнего, «Чуда в Пираниясе», раскрывается национальная самобытность бразильского народа, которая дополняет и обогащает духовную жизнь других стран, таких, как Россия, где трудно оставаться оптимистом, когда семь месяцев в году перед глазами бескрайняя снежная равнина

Пауло Коэльо даже в этом отношении — полная противоположность Амаду. Его первый переведённый на русский язык роман «Алхимик», вышедший в 1998 году, был полностью проигнорирован читателями.

Издателям пришлось немало потрудиться, чтобы он стал бестселлером. Продвижение произведений Коэльо сопровождалось мощными PR-акциями, о которых Жоржи Амаду не мог и мечтать. Коэльо регулярно посещает нашу страну с 2002 года, и его визиты подробным образом освещаются в средствах массовой информации. Особой пышностью отличался его первый визит: интервью с писателем опубликовали самые популярные издания, Первый канал показал о нём фильм, сам Коэльо принял участие в нескольких ток-шоу вроде «Принципа домино», в пресс-конференциях и встречах с читателями. А культурный центр «Белые обла-

ка» даже подготовил специальный этноатеатральный фестиваль по книгам Коэльо. Естественно, эта акция тут же сказала на популярности автора. В сентябре 2002 г. его книги достигли пика раскупаемости: все пять изданных к этому моменту на русском языке произведений Коэльо попали в десятку бестселлеров.

К настоящему моменту на русский язык переведено 13 книг Коэльо. Таким образом, он стал вторым после Амаду бразильским автором по числу переводов на русский язык. Хотя Коэльо вообще вряд ли можно назвать бразильским писателем. «Бразилец, который никогда не пишет о Бразилии», — так сказано в одной из первых статей о нём. В его книгах вообще нет ничего бразильского, они лишены каких бы то ни было национальных черт, то есть являются глобалистскими по своей природе.

Дискурсы Коэльо невозможно отнести к художественной литературе. В них нет образов, нет живых героев, которым сопереживает читатель, нет страстей и эмоций. Скорее, они похожи на шитаник, где автор с патологическим постоянством твердит прописные истины. В каждом произведении десятки раз повторяется одна-единственная мысль, что у каждого свой путь, но не всем достаёт мужества идти по этому пути, добиваясь встречи с заветной мечтой. В этой связи надо признать, что Пауло Коэльо удалось воплотить завет классика: писать надо так, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно. Единственной его мысли очень просто на ста с

лишним страницах — ни с какой другой идеей она не сталкивается, не пересекается. О чём бы или о ком ни писал Коэльо, у него получается набор наставлений и назиданий: все его произведения очень похожи друг на друга. После прочтения нескольких книг остаётся ощущение, что это одна и та же книга. Коэльо со всей своей назидательностью и морализаторством, всеми этими «знаниями» и «поисками пути» скучен до оскомины. Вот что он говорит про свою книгу «Одиннадцать минут»: «Это роман о пути к пониманию сути секса. Я писал эту книгу, чтобы понять свой собственный путь». Пауло Коэльо ужасно напоминает Герцогиню из книги Льюиса Керролла, которая в ответ на робкую просьбу Алисы не читать ей мораль отвечает: «Ах, моя прелесть, ничего кроме морали я не читаю никогда». Беда в том, что Коэльо мораль не читает — он её пишет. Но неужели 50 миллионам человек (таков, говорят, тираж его книг) нравится это читать?

Язык творений Коэльо примитивен, лишён всяких красок. В отличие от Амаду у Коэльо вообще нет авторского стиля, поэтому его книги очень легко перевести на любой иностранный язык. Скорее всего, именно с таким расчётом они и создавались изначально.

Хорошая художественная книга — это, конечно, учебник жизни. Учебник, но не прописки! Такая книга воздействует в первую очередь на чувства человека, она захватывает, от неё невозможно оторваться. Таков ЖОРЖИ АМАДУ: мы любим или ненави́дим его героев, восхищаемся или удивляемся им. Потом размышляем — о них, о себе. Задумываемся, как жить дальше.

Коэльо не даёт такой возможности. Его тексты не будят воображение, не захватывают. Они невообразимо занудны. Коэльо начисто лишён чувства юмора. К себе и своим творениям он относится с неадекватной и какой-то напыщенной серьёзностью. Ничего сумняшес он заявляет: «Я — отличный писатель...» А вот ЖОРЖИ АМАДУ всегда говорил о себе: «Я всего лишь маленький писатель из штата Бания».

Выражаясь метафорически, творчество Амаду — сочный тропический плод, а Коэльо — безвкусный йогурт, в котором нет ничего, кроме синтетических добавок и красителей. Произведения Коэльо отвечают вкусам среднего потребителя, при этом льстят его самолюбию своей псевдоинтеллектуальностью. Настоящая литература заставляет читателя размышлять о мире и о себе, лишает его душевного покоя, порождая вечные вопросы. Произведения Коэльо уютны, как домашние тапочки, и единственное, что они порождают, — это сытое довольство собой.

Это только кажется, что литература, подобная творениям Коэльо, лишена идеологии. На самом деле она несёт вполне определённую мировоззренческую нагрузку: идеологию глобализма. Книги ЖОРЖИ АМАДУ воспевают борьбу и творца, а книги Коэльо — потребителя, для которого книга — такой же продукт, как йогурт или пылесос.

ЖОРЖИ АМАДУ versus Пауло Коэльо: кто победит в этой борьбе? Судя по тому, что интерес к Коэльо падает, а к Амаду — растёт, у человечества есть шанс.

Елена БЕЛЯКОВА

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Вспоминая покинутый порт

Пятнадцатый раз прошли в Гданьске ставшие традиционными международные литературно-образовательные чтения. Приветствовали приехавших из разных стран литераторов проректор Гданьского университета профессор Юзеф Арно-Володарский, декан гданьского филфака Анджей Цейнова, представитель Россотрудничества в Польше Андрей Потёмкин, директор Русского центра науки и культуры Елена Волгина. Тема чтений — «Постсоветское литературное пространство: между реализмом и символизмом».

Старинный город со своей исторической аурой, портом, сверкающим балтийской волной, толпами туристов на узких улицах, располагал к исследовательскому погружению в прошлое, к полемическому переосмыслению настоящего. В прозвучавших выступлениях предстал пёстрый спектр проблем духовной жизни начала XXI века. О стратегии защиты великих традиций Серебряного века говорила доктор исторических наук Лола Звонарёва, организатор и вдохновитель Гданьских чтений. Поэт Григорий Певцов, лауреат международных литературных премий, представил доклад «От Констан-

тина Бальмонта до манифеста нового символизма».

Тема выступления писателя Владислава Бахревского — «Современная отечественная историческая проза и детская литература: измена традиции или её отрицание?». Историк Александр Шарипов проанализировал этику и эстетику постмодернизма как проявление цивилизационного кризиса. Писатель Игорь Дуэль говорил о кризисе очерка как жанра. О проблемах международной публицистики рассказала Жанна Лельчук, профессор университета Аляски. Прозаик Игорь Гамаюнов представил новую книгу «Жасминовый дым». Художник Виктор Степаншин (Москва) и Марина Попова (Канада) развинули выставку своих живописных полотен. Евгения Доброва и Эльмара Фаустова прочитали новые подборки стихов. Опыт работы над переводами русской литературы поделилась приехавшая из Варшавы Валентина Миколайчик-Тшинска.

Завершили чтения музыкальным вечером композитора Веры Астровой и её талантливого сына Алексея (12 лет), читавшего свои стихи под мамин аккомпанемент.

Соб. инф.

ЗОЛОТАЯ СОТНЯ

По мере взросления

Немало вариантов «Зотых сотен» было прислано в «ЛГ». К сожалению, мы не можем откликнуться на всё и сегодня заканчиваем обзор списков. Поскольку сама «Литературка» не может не поучаствовать в трудном и ответственном деле составления «100 книг», мы оставляем за собой право представить свою версию решения этой задачи.

Завершаем же обзор двумя списками: журналиста Олега Морозюка из Республики Марий Эл и Подгайского Ю.П., инженера-гидроакустика, кандидата технических наук, Подгайской Н.С., ныне пенсионерки, а в прошлом — научного сотрудника, химика.

Никакого противоборства физиков и лириков тут не случилось, напротив — оба списка составлены по одному принципу: книги подобраны по мере взросления человека.

Свою сотню Олег Морозюк предвывает так: «Надо сознаться, что работа над списком была настолько интересна, насколько же и сложна, потому что первая радость от перечисления любимых с детства книг сменялась необходимостью постоянно жертвовать какой-то из них в пользу другой, не менее, а может быть, и более важной. Буквально от сердца приходилось отрывать и книги про Петрушку, и «Без семьи», и «Рыжика», и «Динку»...»

Кроме ста книг Морозюк прилагает ещё дополнительный список книг, «крайне желательных» для прочтения. Но всё-таки ограничимся кратким обсуждением основного списка. В одном из первых пунктов — сказки народов мира (русские, татарские, мордовские, марийские, чувашские, немецкие, французские, китайские и др.) Вообще сказкам здесь уделяется особое внимание. Вошли сюда и книги, которые обычно читают скорее дошкольники, чем школьники: Корней Чуковский «Айболит», «Телефон», «Мойдодыр» и др., Сергей Михалков «Дядя Степа», Ганс Христиан Андерсен «Снежная

королева», «Стойкий оловянный солдатик», «Гадкий утёнок» и др., Редьярд Киплинг «Маугли», Лазарь Лагин «Старик Хоттабыч», Евгений Носов «Приключения Незнайки и его друзей» и др. Около двадцати книг из всего списка — это книги для малышей.

Далее литература «взрослеет». Приятно, что здесь появились Салтыков-Щедрин «Сказки», «История одного города», Борис Полевой «Повесть о настоящем человеке», Василий Шукшин «Рассказы», Эрнест Сетон-Томпсон «Рассказы о животных». Русская и зарубежная классика даны вперемешку, но, возможно, это и неплохо, ведь принцип здесь иной — важно отследить по книгам взросление человека.

Основные русские писатели представлены достаточно полно, правда, поэтов больше, чем прозаиков, но подобную ситуацию мы уже наблюдали в некоторых из предыдущих списков.

В сотне Подгайских работает тот же принцип взросления. Но точка отсчёта иная: если у Морозюка — это дошколята, то у Подгайских — шестнадцатилетний. Мы выбрали более точно возраст тех, кому рекомендуем этот список: от шестнадцати до двадцати трёх лет; старшие классы и институт, т.е. сказки Пушкина и Андерсена, «Чук и Гек» и «Судьба барабанщика», «Том Сойер» и т.д. уже позади, а «Тихий Дон», Джойс, Кафка, Фолкнер — ещё впереди. Составляя список, мы решили придерживаться (более или менее) только хронологии создания этих произведений, не разделяя литературу на русскую и зарубежную.

Что ж, принцип вполне ясен. В первых пунктах данного списка появились произведения, которых не было в предыдущих или встречались очень редко: Омар Хайям «Рубайяты», Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», Данте Алигьере «Божественная комедия», Бомарше «Женитьба Фигаро». Пушкину отдают четыре пункта, Лермонтову, Гоголю, Ахматовой, Гого, Островскому, Достоев-

скому, Чехову, Горькому, Булгакову — по два. Любопытно, что два пункта занимает и Е. Шварц с произведениями «Тень» и «Дракон». Можно, наверное, было писать их в одну строчку, оставив место для других писателей.

Отрадно, конечно, что появился Константин Паустовский (тоже два пункта), но возникает вопрос: почему этому, несомненно, прекрасному писателю отведено два пункта, а, к примеру, Курпихин и Гончаров по одному? Два пункта у Ильфа и Петрова, столько же у Стругацких. Хемингуэй занимает три позиции, а вот, скажем, Мопсану не выделено ни одной.

Замечательно, что в списке есть Василий Шукшин, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Юрий Трифонов. Из современных авторов наиболее достойными признаны поэт А. Кушнер «Избранная лирика» и прозаик Л. Улицкая «Даниэль Штайн, переводчик». Ранее мы уже писали о том, что включать в список наших современников несколько некорректно, это, естественно, будет вызывать больше всего разногласия и споров. Классики должны быть проверены временем, а то ведь может случиться то, что бывает с молоком, оставленным на жару...

Жаль, что мы в этом, ни в другом списке, да и в предыдущих тоже, вообще не представлена литература русской эмиграции. «ЛГ» благодарит читателей за присланные «Золотые сотни», за предельную большую и трудную работу, за неравнодушие к судьбе подрастающего поколения России. В каждой сотне было то, что необходимо принять во внимание. Случались, конечно, и забавные курьёзы, без которых работа была бы скучной и однообразной. Но главное — все эти усилия направлены в один котёл — мировой культуры, и мы не спорим — кто умнее и лучше, мы стараемся солидарными усилиями прийти к оптимальному варианту, найти золотое сечение «Золотой сотни».

Ульяна БОЧАРОВА

ЛИТ ИНФОРМБЮРО

ЛИТАКЦИИ

В Саратове прошли мероприятия, приуроченные к 184-й годовщине Н.Г. Чернышевского. Состоялось возложение цветов к мемориалу в честь Н.Г. Чернышевского на Воскресенском кладбище и к его памятнику, где была организована акция ко дню рождения писателя. На ней гостей и жителей города ожидала «встреча» со знаменитой Верой Павловой и супругой Николая Гавриловича Ольгой Сократовой. Саратовские поэты прочли стихи, посвящённые Н.Г. Чернышевскому.

Экспедицию «Енисей» организовало Агентство по печати и массовым коммуникациям при поддержке Французского института и посольства Франции в рамках француз-

ско-русских сезонов — большого межконтинентального проекта, начавшегося в этом году. Экспедиция продолжалась 11 дней — от Абакана до Красноярка по земле, от Красноярска до Норильска по Енисею. Во время остановки путешественники, среди которых были лауреат Гонкуровской премии Доминик Фернандез, контр-адмирал Франсуа Белёк, автор 20 книг Оливье Блейк, Кристиан Гарсан и их русские коллеги по цеху, не только заходили в музеи и любовались косягами, но и общались с местной интеллигенцией. Они посетили Овсянку — родину писателя Виктора Астафьева, побывали в Шушенском — месте, где жил в ссылке Владимир Ульянов, в Красноярске были в усадьбе художника Василия Сурикова.

По инициативе Псковской областной универсальной научной библиотеки каждое лето отмечается День воспоминания любимых книжек. В этот день читающих псковичей приглашают поделиться своими впечатлениями и рассказать о настоящих книгах.

ЛИТПРЕМИИ

Объявлен список претендентов на Бунинскую премию. Премия, среди учреждений которой — Московский гуманитарный университет и Общество любителей российской словесности, каждый год меняет номинации. В этом году награждают «За достижения в области поэзии». На премию было выдвинуто 138 публикаций, из которых оргкомитет отобрал 94. Краткий список обещают объявить в конце сентября. Торжественная церемония состоится в день рождения Ивана Бунина 22 октября.

В Омске прошло вручение литературной премии имени Достоевского. Престижная награда для молодых поэтов и прозаиков была учреждена ещё 14 лет назад. Лучшим молодым прозаиком года стала Елена Щетинина. В номинации «Поэзия» премию разделили два лауреата — Дарья Решетникова и Василий Алексеенко. Поощрительные награды в номинации «Поэзия» получили Ирина Шевелёва и Марина Лященко.

Двенадцать книг вошли в лонг-лист английской Букеровской премии. Здесь и книга лауреата Букера-2009 британки Хилари Мэнтел, и книги писателей, уже входивших в длинные и короткие списки номинантов премии в разные годы, — Никола Баркер, Андре Бринк, Тан Тван Энг, Майкл Фрей, а также четыре литератора-дебютанта.

ЛИТПРОЕКТ

В Республике Коми в рамках серии «Народная библиотека» выходят четыре новые книги «Библиотеки молодых». Все авторы серии — дебютанты моложе 25 лет. «Без четверти восход» 19-летней Марии Размысловой — сборник гражданских поэзии. Автору сборника «Дыхание» Анны Чалышевой — 18 лет. Первый сборник «На грани времён» Анастасии Даньшовой опередил рождение её первенца. Поэтесса — сотрудница Национальной галереи, а теперь ещё и молодая мать. Максим Чупров — студент Литературного института им. Горького. В сборник «День дураков» вошли два его произведения. Тираж каждой книги — 200 экземпляров.

ЛИТКОНКУРС

В УМВД России по Магаданской области прошёл региональный этап литературного

конкурса МВД России «Добро слово», участие в котором приняли сотрудники и ветераны органов внутренних дел, а также члены их семей. Около 30 стихотворений и два рассказа участника представили на суд жюри. Лауреатами конкурса стали пенсионер МВД России, подполковник полиции в отставке Дмитрий Караваев, старший психолог отдела морально-психологического обеспечения УМВД области Тарас Вороневский и инспектор ДПС по Ольскому району Елена Куняева. Жюри также отметило стихотворение «Доза» Дениса Гусьца, сына сотрудника МО «Булганский», и «Право на мечту», автор которого — Анастасия Цянда, дочь сотрудника ОМВД России по Среднеканскому району.

ЛИТФЕСТИВАЛЬ

На юге Италии прошёл второй ежегодный литературный

фестиваль Trame (переводится как «заговоры», «интриги»). Его уже назвали первым культурным мероприятием в Италии, посвящённым книгам о мафии. В программе фестиваля были семинары, встречи авторов с журналистами, выступления прокуроров, историков и писателей, знающих о мафии из личного опыта. Он длился пять дней и проходил в Ламецца Терме на западном побережье Калабрии. Это небольшой город, находящийся

в самом центре деятельности мафиозной организации «Ндрангета», которая активно присутствует в жизни местного населения.

ЛИТБИЛЕИ

6 августа исполнилось 80 лет со дня рождения Владимира Бурича (1932–1994), одного из основоположников современного русского верлибра, практика и теоретика, переводчика поэзии со славянских языков.

Издательство «Перо» предлагает:

- ✓ Издание книг, монографий, брошюр, научных трудов
- ✓ Также Вы можете опубликовать свои произведения в нашем литературном журнале «Современная литература России»
- ✓ Срочные публикации научных статей

г. Москва, 109052, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27 офис 105
www.peroprint.ru peroprint@yandex.ru
Тел. (495) 973-72-28; (495) 665-34-36

ПОЭЗИЯ

«Как плачут яблоки во сне...»

Юрий МОГУТИН

***
Десант декабрьских стрелок
В дублёнку запечатал душу,
Уже нештучный мороз
Трясёт прохожего, как грушу.

За прыткой феней воробья
Следят прослушка и наружка:
Какое в нём таится «я»?
В мозгах — утруска и усушка.

Цыганский табор облаков
Кочует («сами мы не здешние»),
Стога, как мамонты веков,
Сосредоточенно неспешные.

Снег созидаёт мир с нуля,
(Хотя его и не просили),
Укрылась саваном земля,
Метут поэмки по России.

На запорошенном дворе
Колодезный певучий ворот
С утра выводит ноту «ре»,
Рыбак осваивает Сорочь.

Зима, которой несть числа,
Поминки в лагерном конверте...
Снега пройдут, как жизнь прошла, —
Банальный путь — от взлёта к смерти.

***
Конский топот созревших яблок,
Деревянные думы изб.
Глухари, наклевавшись ягод,
Освелело сползают вниз.

Этот рай вызревал подспудно,
Как в корчагах тёмных вино.
В эту ночь захмелеть нетрудно
И влюбиться немудрено.

Вызревают на лунном гриле
Немурящий харч рыбаков,
Белоснежные перси лилий
И каштаны майских жуков.

Спит серыйный убийца — коршун,
Спит его мелкокоственный корм,
Снят Урюпинск, Прпойск и Корсунь,
И Гурзуф, проморгавший шторм.

Лишь луна над вселенским вечем —
Для прохвостов и недотёл —
Льёт прохладный елей на плечи,
А на лоб почившим — иссоп...

***
Бедный сапиенс! —
Не успел родиться — уже хоронят.
Смерть и жизнь, как лазинья, —
идут слоями.

Впрочем, кто из живущих думает
о Хароне?
Самодостаточны люди, сиречь славяне.

Даже кто ростом с груздь, грехов —
как песка морского,
За короткий век успеваем накурлесить.
И пока несёт нас борт от Чыты

до Пскова,
Успеваем прожить не часы, а, наверно,
месяц.

Дальше некуда ехать, то бишь лететь,
Ибо дальше для вас раскрывает
объятия Вечность
И с венками встречает

в пункте конечном
Смерть,
И Харон-паромщик вас ждёт
воспитанно на конечной...

***
Где медлит невод и мечется карп,
Чтоб выплеснуть смертный страх,
Свой куш не упустил воровка кар-р,
Таясь на стрёме в кустах.

Неделю — week, а как будто век,
Сетями тралят затон
Речные хищники Чук и Гек.
Куда ты смотришь, закон?

Гребут на лодках, сужая круг,
Вокруг сумятицы рыб.
В придонный слой уходит испуг,
Предсмертный жаберный всхлип.

Сквозь сито сети — вплоть до малька —
Процедят братья затон,
Пока от боли корчась, река
Русалочьим бьёт хвостом.

***
Как плачут яблоки во сне,
Ошеломлённые паденьем!
А время копится на дне
Ничком лежащего растенья.

Крадётся вдоль покатых крыш
Луна серебряною кошкой.
И промышляющая мышь
Её пугается немножко.

Лягушка гладит свой живот...
Усталость в нас перегорает.
Не мы живём — нас Бог живёт,
Но вряд ли доживёт до рая.

Нас там — увь! — никто не ждёт,
Как не давали жить на этом,
Где жизнь как скверный анекдот —
С женой и выпавшим скелетом.

***
Я — один. Всё своё ношу с собой.
Моему носимому сносу нет.
На шпану гляжу: у них — по ношу,
В кустах по божьку: «— Остограмься, дед!»

То ли голпики здесь собрались на разбой,
Чтобы счёты свести с судьбой.

Я — один. Всё своё уношу с собой.
Дождь плетётся за мною вслед.

Помолитесь, вывернув звук к нулю.
Не хотел терять — не имей.
Чтоб Господь услышал твои «молю»,
Не нужны ни гугл, ни е-мейл.

***
Глазунья луны на сковородке небосвода.
Хочется жрать, но зато — зашибись! —
свобода.

Вещи лишь кажутся — сало в прожилках,
булка.

Только в брюхе пустом, как в пещере, гулко.

Божже, Тебе звонит бездомный один человек:
Мне бы сучкича с хлебом, Ласковый,
Добрый Божже!

А в ответ: «— С вами говорит автоответчик.
Абонент недоступен. Перезвоните позже...»

Абонент недоступен.
В молчанье Его неизвестный грамматике вид.
Человеков, как тьма, накрывает Его немота.

Поцелуй распяты, и пекло Его любви
Превратит в графит целующие уста.

***
Как из ведра изобилия, льёт.
И просвета нет.
Смыло коту Базилио и унесло в Бразилию,
Как неживой предмет.

Ливень нас превращает в глубоководных рыб,
В неизвестный грамматике вид.
Жестикულიра плавниками, лови,
как планёр, поток,

Чешуёй обрстая, лети-пльви, индивид!
Твоё дело — вода, песок, вот уже и Владивосток.
Снова Дарвин в чести: всё вернулось на круги своя —
Мать-пучина, жабры, североюжный хвост...
И напрасно нас ждут на земле необсохшей дела, семья
И лошадка, везущая в хлябях великих хворосту воз.

ВПЕРВЫЕ В «ЛГ»

«Наполненный светлой травой и беспомощной речью»

Алексей МАВРЕНКОВ

Автору 32 года. Родился в г. Находка Приморского края. Живёт в Москве. Пишет стихи и прозу. Публиковался в приморских периодических изданиях, в сборнике литстудии «Жизальмо» и др.

ЗА УРАЛОМ

В таёжном краю за Уралом
Есть брошенная застава,
Домикши стоят устало,
Травы позарастали.

Мышиным горошком увиты
Заборы, калитки, корыта,
Не помнят мосязные плиты
Тех, кто под ними зарыты.

И летят составы
Мимо той заставы
Домиков со ставнями
Резными, старыми.

В таёжном краю за Уралом
Простые суровые нравы,
Холодные долгие зимы,
Там почва, в которой лежим мы.
Которой принадлежим.

И летят составы
Мимо той заставы
Домиков со ставнями
Резными, старыми.

САМОЛЁТ

Мой самолёт умер ещё до взлёта,
Мой самолёт умер в сухой траве, и
Вот он, на полароидном фото,
Не в центре, а чуть левой.

Геометрия смерти, треуголка распоротых крыльев.
Рулёжка, разбег и взрыв.
Дуэлянты винтов смотрят, спорят:
жив, не жив...

Медленный выход. Из тела тело выкинул,
Отодвинув потрескавшийся колап.
Губы солнца с земли выглядели, как пули,
А само солнце поблёскивало, как пятак.

И пусть не сгниёт, пусть не съедят черви,
Пусть не тронет огонь или сволота,
Не перетянет дыхание вервием.
Мой самолёт умер ещё до взлёта.
Покойся. Реквием.

БРАТ

Мой маленький брат гуляет один по дороге.
Улыбка, как чайка, торчит на немом лице.
Водители мчатся, родные и лживы, и строги.
Встречают его по утрам на парадном крыльце.

Мой маленький брат среди тысяч горячих машин.
Они бесконечны, как сон беспризорного, зайцем
Проникшего в полдень в каюту Юнайтед Марин,
И лишь потому, что домой нельзя возвращаться.

Мой маленький брат мочит в лужах разбитые ноги.
И веток порезы, и хрупкие гнойные ссадины.
Поробрик продолжит к зиме потемневшие стог.

Мой маленький брат снова гуляет один,
Светлые плечи, от солнца шершавые плечи,
И неприглядный слезка и слезка нелюдям.
Наполненный светлой травой и беспомощной речью,

Маленький брат снова гуляет один.

«Нарисуй невозвратное»

***
Юрию Байбордину, художнику
Нарисуй мне, пожалуйста,
перелук Тукаева,
Флигельки, пятистенники
у пологой горы,
Белопенное облако,
золотистое марево,
Радость непреходящую
той далёкой поры.

Нарисуй палисадники
и метель тополиную,
Время вешнее, бражное,
что похоже на сон.
Нарисуй удивлённого
и немного наивного
Долгоногого мальчика
с волосами, как лён.

Нарисуй дни, счастливые
на забавы и шалости,
И девчонку, насмешницу,
что жила за углом.
С чудо-времени этого
так немного досталось нам,
И не только дома пошли
на безжалостный слом.

Не жалей красок радужных,
создавая идиллию,
Позабудь, что для контура
подходящ чёрный цвет.
Неужель отмечали мы?
Неужель отлюбили мы?
Нарисуй в невозвратное
перелётный билет.

Там идут наши матери
с голубыми ведёрками
Зачерпнуть в речке утренней
переливы зари,

Нина ЗИМИНА

Живёт в Белорецке (Башкортостан). Первая книга вышла в 1984 г. Вслед за ней — ещё шесть стихотворных сборников. Сборник прозы «Белая птица счастья» был признан лучшей книгой года в Республике Башкортостан на русском языке.

Чтобы краски твои всегда
были яркими, зоркими,
Чтобы слово моё несло
тёплый свет изнутри.
...Нарисуй невозвратное.

***
Барыня-сударья! —
Бусы мильям дарёны,
Сине польмя — глаза,
В узел стянута коса,
Круглый вещей разговор
Да весёлый каблучок
Половцы дробью жжёт, —
Много радостных хлопот.

Мужем барыня красна,
Сыном, дочкою ясна,
И желанна и добра,
Словно солнышко с утра.
У неё колечко есть —
Красота, Любовь и Честь.
А укутается колечко,
Приснув с чистого крыльца,
В людном мире сгинет след —
Опустеет в окна свет.
Ах ты, барыня-растяпа,
Дорога теперь расплата.
Ах, сударья-ворона,
То колечко — что корона,
Крепь счастливого венца.
Не теряй того кольца!

***
Деревенька. Ситцевые дали.
Выцветшая зелень на ветру.
И, как образ всей мирской печали, —
Старенькая церковь на юру.

Покосился крест. На колокольне
Голуби нашли себе приют.
В голубином золотом приволье
Тихим гласом ангелы поют.

Вслушайся — охватит душу трепет,
И тебе захочется взлететь,
Где святое солнце глаз не сплит,
Где колоколов пылает медь,

Сброшенных когда-то с Божьей выси.
Погребальный звон гудит в веках.
Старенькая церковь. Поклонись ей,
Поклонись — покайся во грехах.

Тень мелькнёт, юродивый на паперть
Высочит копеечку просить.
За его спиной Божья Матерь —
Цит, ограда всей святой Руси.

ТОЛЬКО У НАС

С сентября в редакции «ЛГ» начинает работу литературная консультация

Вы пробуете свои силы в стихах или прозе, но не можете самостоятельно оценить их качество?
Вы хотите получить совет профессионала?
Вы мечтаете о публикации, но не имеете представления, как подготовить рукопись к печати?
Мы поможем вам!

Именно здесь начнётся ваш путь в большую литературу.
Именно здесь ваша рукопись получит шанс стать книгой.
Именно здесь известные поэты и прозаики станут вашими наставниками.
Именно здесь наши консультанты поделятся с вами секретами литературного мастерства.
Лучшие произведения будут опубликованы в легендарной «Литературке».

Наш телефон: 8 (499) 788 02 05
Наш электронный адрес: mnats@lgz.ru, litgazeta@lgz.ru
Наш почтовый адрес: 109028, Москва, Хохловский переулок, д. 10, стр. 6
Время работы литературной консультации: по средам с 12.00 до 18.00
Пусть сотрудничество будет взаимовыгодным!
Информация об условиях получения консультации размещена на интернет-сайте «ЛГ»
www.lgz.ru

ПАРОДИИ

СТИХОШТАННОЕ

идут штаны по улице а в штанах-то я куда идуёте вы штаны куда несёте меня молчат чёрные штаны идут себе вперёд и грозен мрачен и суров штанов неумолимый ход
Алексей Денисов

куда идут мои штаны большой-большой секрет куда несёте вы меня они молчат в ответ и грозен их ритмичный ход и мрачен и суров их не хватает материть всяких цензурных слов а может к критикам ведут меня мои штаны где их ругаясь могут снять и ниже дать спины несли по улице штаны меня куда не знал а посмотрите привели в известный уважаемый журнал

НЕ НАДО МОЯ

Бесчувственной пяткой надкусан паркет или так ламинат пине-понг антрекота с арбузом бойца не заметил отряд.
Александр Самарцев
Мы ехали вроде бы шагом ямщик не гони лошадей.
Чапаев промчался оврагом пугая неразумных людей.
И с яблочко-песней украдкой на падуру вышел моряк ударил бесчувственной пяткой и свистнул взбешенный рак.

от Евгения МИНИНА

Прощайте девчонки-мальчишки и вот он последний парад.
Откуда в телеге дровишки ещё не заметил отряд.
Пусть годы проносятся мимо ещё наломал бы я дров,
но вышел из леса вестимо навстречу с дубинкой Светлов.

ОЗАБОЧЕННОЕ

Я с Митей Карамазовым напился,
Ноздрёву морду нагую набил,
в Каренину влюблённым приторвался,
у Лариных в усадьбе погостил...
Александр Рудт

Нет в мире благороднее затеи,
чем день и ночь по классике гулять,
и бунинские «Тёмные аллеи»
собой гениальным освещать.
С Мазеем зайцев мы спасали вместе,
Базарова я вылечил на спор,
с Раскольниковым выпили грамм двести,
а после молча выбросил топор.
Татьяну потрясал стиха рифмовкой,
и лишь невольный страх в душе бродил,
чтобы меня Онегин с Ленским Вовкой
не перепутал и не пристрелил...

ШТРИХ-КОД

Краткий курс истории Московского отделения Союза художников

Московское отделение Союза художников России насчитывает около семи тысяч членов. Искусствоведы знают всех, но человеку обычно ни познакомиться с каждым, ни охватить их творчество целиком не по силам. Поэтому когда мы решили поразмышлять о цеховых особенностях изнутри, то обратились к друзьям,

которые посоветовали сделать цикл очерков — портретов художников. А через эти портреты — «фотографии смыслов» всего творческого союза, который в судьбе советского изобразительного искусства был тем же, чем до сих пор является Большой театр для русского балета. Не ищи, читатель, тайный смысл в выбо-

ре героев: будут все, кто олицетворяет МОСХ. Чиновники и академики, и каждый — преходный мастер, график или живописец. Они расскажут сами историю арт-цеха. По крайней мере та её часть, которая имеет значение. Чему-то они были свидетелями, что-то знают в устных преданиях, во многом приняли участие.

Ровесник МОСХа

Конспект первый — Геннадий Ефимочкин: живопись без кокетства

Знакомьтесь, это Геннадий Ефимочкин, народный художник СССР. Он москвич, родился в год основания МОСХа. Как и союз, членом которого он не без проблем стал, Ефимочкин не только дееспособен — его производительность поражает. В мастерской — сотни полотен, десятки из которых он неспешно поворачивает к зрителю, поясняя попутно обстоятельства создания. Он ничуть не растерян частными неудачами, спокоен и мудр, немного циничен по отношению к современности.

Геннадий Фёдорович рассказывает о себе, и кажется, что к МОСХу беседа отношения не имеет. Однако вскоре начинаешь понимать, чем был этот «союз малый» в культуре союза большого — СССР.

Когда в 1932 году различные группы художников едва не загрызли друг друга до смерти, государство решило прекратить эстетические войны и собрать всех под одной крышей. Группы не распались, но партия заставила играть всех по единым правилам. За это государство взяло на себя обязанность быть главным заказчиком творца, а тот, в свою очередь, даже в частной практике давал обет не противоречить генеральной линии. Пусть никого это не удивляет: заказами «князей» жили художники от века и считались полезными членами общества, если результат их труда был очевидным и осязаемым, то есть приносил материальные плоды. Подобно песне, помогал строить и жить. Высокое не отрицало — оно предписывало и пользе не противоречило, а лишь эстетизировало и усиливало её. Скрывать не станем, благополучно мог прожить в СССР лишь тот художник, который был готов кроме прочего писать «советские иконы», ведь они по-прежнему жил от плодов своих рук, которые нужно было обменять на хлеб. Так вот, регулировать рыночные отношения мастеров и заказчиков в нерыночном хозяйстве был призван МОСХ.

Нет, не были бедой установки партии на смысл творчества, в чём-то они были благом: что бы ни говорили сейчас, изобразительное искусство СССР ориентировалось на идеальное, почитавшееся реальным. В повседневности художника вошёл не «реализм» передвижников, но настоящий реализм в смысле западноевропейской средневековой теологии. Реализм универсалий, реальность мира платоновских идей. И главное — художник звал к высокому не столько агитсюжетами, сколько самой манерой отражать действительность, не только внешней или внутренней, но действительность взаимопроникновения этих двух. Основой творческой манеры было здоровье смотрящего и гармоничность мира в античном смысле.

Молодой Ефимочкин прекрасно соответствовал образу художника героического стиля, черпающего силы от родной земли. Он окончил школу № 606 без всякого рисования и поступил в Художественно-промышленное училище им. Калинина, которое окончил с отличием, что позволило ему поступить в Суриковский институт, попасть куда «с улицы» не было никакой возможности — там готовили лучших, поэтому и принимали лучших, зарекомендовавших себя. Отдав высшему образованию шесть лет, год из которых ушёл на подготовку дипломной ра-

Г.В. Живов. Портрет Геннадия Ефимочкина

боты, Геннадий Фёдорович оказался в списке трёх первых выпускников, что давало ему прекрасные шансы на скорое вступление в МОСХ.

Чего, однако, сразу не случилось, а рассказ о путешествиях и службах до вступления Ефимочкин мог бы оформить в увлекательную книгу. О себе, о необычной стране, о Союзе художников и о том, почему в него рвался.

Доводилось ли тебе, читатель, сидеть без работы? Если да, то ты поймёшь, о чём речь. Было тогда такое предприятие, как Комбинат графических искусств. Подобное существовало для живописцев, скульпторов, монументалистов. Эти комбинаты давали заказы художникам, но работали в основном с членами союза. Поступали заказы и непосредственно от МОСХа, союзов художников РСФСР и СССР, от министерств культуры РСФСР и СССР. Огромным потенциалом арт-рынка обладали выставки. Там работу художника мог увидеть, например, союзный министр. А его министерство — купить. Деньги художники получали всегда и никогда не считали это зазорным. Художник СССР должен был быть здоровым и крепко стоять на ногах отнюдь не в переносном смысле слова: идеология Советского государства требовала не только духовной, но и физиологической гигие-

ны. СССР, как и античная Греция, не переносил дегенеративное искусство.

Государство тратило огромные деньги, которые должны не только дойти до самого отдалённого колхоза, но и обязаны были потратиться по назначению — освоены, как говорили тогда, — на культуру.

Делу «доставки культуры» служили агенты, обьезжавшие отдалённые объекты и помогавшие хозяйственникам потратить деньги. Такие агенты исполняли роль и коммивояжёров, и кураторов проектов, и арт-дилеров, и даже частично заказчиков. Агент получал заказ и привозил договор непосредственным исполнителем. Вернее, их руководству, которое коллегиально определяло, кто персонально займётся какой частью окультивирования отдалённой части страны. Реализация интегрированного плана предполагала разное, поскольку предложение делалось заказчику комплексное, скажем, от портрета Ленина в приёмной до малых архитектурных форм подле фонтана. Зачастую — в рамках проектов грандиозных сооружений: крупных библиотеки и стадионы, дворцов культуры и гостиных. Правда, сам проект при этом обязан был учитывать план по идеологии: выдать столько-то скульптурных «илуций», столько-то живописных «станхановых». Задача была не из про-

Г.Ф. Ефимочкин. Зарайск. Старый город

стых, но и на затраты государство не скупилось. И хотя цель благородная — показать героя нового времени, рабочего, активного создателя новой вселенной, судьба артефактов зачастую незавидная: они могли быть «сосланы» в подвал без малейшей возможности реализации на вторичном арт-рынке.

Ничто не мешало художнику творить «для души», но его сердце естественно билось в одном ритме с сердцем страны, а душа требовала частую того же, чего и страна. Тот же Ефимочкин неоднократно ездил в Братск, жил зимой в палатках и рисовал — от строящейся ГЭС до строящегося алюминиевого завода БрАЗ. Он не ждал, когда ему оплатят саму жизнь, он на неё тратил то, что зарабатывал в других местах. Для москвича и сейчас поездка в Восточную Сибирь — штука выдающаяся. Такое ради денег не сделаешь.

Братск, Камчатка, Сахалин — это был русский космос Геннадия Ефимочкина, небесный прорыв «художника почвы» на Северо-Восток, колонизация полюса. Но был у Геннадия Фёдоровича ещё и Китеж «художника крови» — его родная Марьяна Роша, в которой он жил, которую рисовал с детства. Которая в его работах осталась такой, какой уж нет, отражённой своим небесным двойником, платоновским зйдосом.

Настоящий реалист обязан быть мистиком, поскольку имеет дело с вечной реальностью. Советский художник — он часть магического мира СССР, который никогда не ушёл, он спит в потаённом, лежачем под спудом наследия. Но он однажды проснётся, а плоды его дела вырвутся на свободу не казённой переходящей идеологией, но вечным светом Аполлона, испепеляющим всё уродливое.

Это не угроза — это закон природы.

Да, неподвижность капиталов не позволила МОСХу успешно конкурировать на рынке, где доминируют ценности кочевников, но любая земная битва есть всего лишь отражение глобальной небесной войны, в которой победитель предопределён.

Поэтому в МОСХ по-прежнему стремятся новые бойцы.

Ровесники же МОСХа вместе с новобранцами молодеют. Ефимочкина отличает от окружающего благородное величие. Он «не жалеет, не зовёт, не плачет», он «влюблён в судьбу» не горячным порывом романтика, но холодным спокойствием стоика. Он, может быть, один из предпоследних жителей Советской Атлантиды. Величественная страна, государство титанов — на его полотнах. Картины громады, самый их размер сомаштабен громаде замысла Страны Советов. В них — тяжесть и неотвратимость тектонического сдвига самой Истории, бесконечность океана и сияние ледяных пустынь. В них не итог — проект!

Творчество Ефимочкина — не кейсовая летопись, оно в сумме и есть та страна, которая создавала художников. Левой рукой схватив русский Кёнигсберг, сжав правой русский Шикотан, Ефимочкин стягивал пространство в точку, которой был сам.

И на плечах его до сих пор советское небо.

А это значит, что история продолжится и продолжение записок будет!

Евгений МАЛИКОВ

ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Дионисий бы понял

Проект Юрия Холдина «Свет фресок Дионисия — миру», информационным спонсором которого является «ЛГ», обрёл постоянную выставочную площадку

Пять лет прошло с трагической гибели Юрия Ивановича Холдина. Художника, который сделал реальностью встречу с фресками Дионисия в XXI веке. Фотографа, который семь лет жизни, с 1995 по 2002 год, посвятил съёмке росписей Дионисия-иконника в соборе Рождества Пресвятой Богородицы в Феррантовом монастыре.

Холдин сделал ставку не только на новые методы съёмки, но прежде всего — на новое видение произведений мастера. Видение, при котором мирозерцание Дионисия воспринималось как мудрость, актуальная и сегодня, способная дать опору в нынешних тревожных временах, пролить свет на конфликты эпохи, которую называют порой «постгуманистической». Иначе говоря, он попытался увидеть Дионисия... живым собеседником, а его образы — полными света, живой энергии, мудрости.

Юрий Иванович не был учёным-схоластом, он был практиком, который решал труднейшие задачи съёмки внутреннего пространства церкви при дневном свете, сохранения тончайших нюансов цветовой гаммы Дионисия, тем более — логики развёртывания композиции. Но, решая эти вроде бы чисто профессиональные проблемы, он, говоря словами поэта, следовал за мыслями великого человека. И — раскрывал богатство, красоту этих мыслей для тех, кто приходил на выставки «Свет фресок

Дионисия» в Третьяковской галерее, в музее-заповеднике Новгородского кремля, в Ярославле, Новгороде, залах петербургской Академии художеств, в Политехническом музее... Человек страстного, мощного темперамента, неуёмной энергии, он смог подчинить себя жесточайшей дисциплине, отказаться от внешнего «самовыражения» художника ради донесения чистоты Дионисиева послания. В этом смысле этот практик, фотограф был просветителем самой высшей пробы.

Он не только издал уникальную книгу «Сквозь плену пяти веков», где представил фрески Дионисия в Феррантовом монастыре, — отмеченная в 2002-м как событие года, она стала важнейшей вехой в российском книгоиздании последних десятилетий. Он не только смог опереться на соучастие крупнейшего музея от Третьяковской галереи до Политехнического, чтобы показать уникальные шедевры, он проводил лично мастер-классы на всех прижизненных выставках... Он успел создать некоммерческий фонд «Фрески Руси», который должен был именно что открыть шедевры отечественного мастера России и миру, поставив его в ряд в том числе и с художниками европейского Возрождения.

Чтобы оценить уровень задач, которые он ставил перед фондом, можно упомянуть, например, выставку «Иконостас Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря», которую сейчас показывают в Выставочном зале Успенской звонницы Московского Кремля. Это один из пяти иконостасов XV столетия, которые сохранились в России. Имена мастеров трёх иконописных школ, которые выполняли заказ московского князя Ивана III, остались неизвестны. Иконы побывали на выставках в крупнейших европейских и американских музеях, прежде чем приехать в Москву. Но понятно, что для музейных вещей, возраст которых 500 лет, такие «выезды» в свет — огромная и чреватая опасностями нагрузка, влекущая хлопоты реставраторов. Показ фотографических произведений, представляющих фрески Дионисия, за рубе-

жом также непростое и дорогостоящее дело. Но всё же более доступное, чем экспозиция реликвий XV века. К тому же это единственная возможность познакомиться мир с уникальной культурой росписей «северной Фиваиды». Не по альбомам, которые искажают цвета фресок, пропорции фигур и вместо светлых проёмов окон оставляют чёрные пятна, а в произведениях, которые передают фактуру фресок, строгую грацию фигур, чистоту тона и воздушную громаду храмового пространства... Насколько такие выставки востребованы, показывает опыт представления проекта «Свет фресок Дионисия» в Италии. Но понятно, что для задач, как раньше говорили, «государственной значимости» нужна и поддержка государственного уровня.

Возможно, такая поддержка могла бы стать реальностью, будь Юрий Иванович жив. Но после его гибели весь основной груз ответственности за будущее проекта лёг на семью — вдове с двумя тогда ещё маленькими детьми. Сегодня, пять лет спустя после трагедии, можно лишь восхититься тем, с какой неуклонной твёрдостью, самоограничением во всём, что касается быта, самоотверженностью и любовью к проекту семья работала над продолжением его дела, или, точнее, их «общего дела». Екатерина Данилова, вдова Юрия Ивановича (под её руководством работает теперь фонд «Фрески Руси»), смогла вместе со спод-

вижниками мастера подготовить и провести выставки в Аптекарском приказе в МУАРЕ (2008), в музее-заповеднике «Коломенское» (2010), в нескольких городах России и Италии. Более того, на сегодняшний день мы можем видеть на выставке огромное число произведений, которые раньше не публиковались, были в архивах автора. В том числе и серии «Соловецкая Голгофа», которую Холдин снимал в 1990-е годы. Екатерина Владимировна продолжила подготовку и выпустила «Акафист Пресвятой Богородице» — раритетное издание, в котором слово молитвы и образ фрески предстают в единстве. Юрий Иванович работал над этим изданием последние два года жизни. Наконец, фонд выступил организатором проекта «Страна Воскресения» (2008, 2010). Тогда на разных площадках, в том числе в Большом зале Московской консерватории, звучал концерт «Страна Воскресения», в котором, в частности, «Песнопения и молитвы» Георгия Свиридова сопровождалась проекцией работ Юрия Холдина.

За эти годы проект «Свет фресок Дионисия — миру» обрёл верных поклонников, зрителей, которые приходят фактически на каждую выставку. Те, кто, как аспирантка университета в Новгороде, писал в книге отзывов: «Творчество фотохудожника оказалось конгенально творчеству Дионисия, они прозвучали словно на одной ноте...» Те, кто, как умудрённый профессор, замечал: «Художник, искусствовед, просветитель, фотограф, гражданин — всё это в одном человеке! Много!!!» Именно эти люди создали инициативную группу, собравшую подписи в пользу открытия в Москве постоянной экспозиции проекта «Свет фресок Дионисия — миру». Сегодня можно сказать, что постоянная экспозиция обрела наконец очень правильное, по мнению многих зрителей, пространство, где «её самое место», — она открывает Свет его ищущим и тем, кто ещё в пути... Один из залов музея храма Христа Спасителя отдан для экспозиции Юрия Холдина, которая обрела на сегодняшний день черты «Поэмы о России», некогда задуманной автором, включающей 2 монументальных цикла: «Фрески Феррантова монастыря» и «Соловецкая Голгофа». В марте 2012 года выставка перемонтирована в 3-й зал круговой музейной галереи (справа от входа) и сохранена в полном объёме.

Путь к произведению Холдина и дорога к храму, похоже, становятся неразделимы. Что ж, Дионисий бы это понял...

Жанна ВАСИЛЬЕВА

ФЕСТИВАЛЬ

Выборгский пересчёт

С 12 по 19 августа в Выборге пройдёт XX фестиваль российского кино «Окно в Европу». Его президент Армен Медведев определяет основную задачу этого замечательного зрелища — нести фильмы людям, знакомить зрителя с наиболее значимыми кинособытиями года.

сценарист, продюсер Роман Балаян, сейчас проживающий в Киеве, а потому — редкий и значимый гость для любого российского фестиваля. Главный редактор «ЛГ» писатель Юрий Поляков станет председателем жюри, оценивающего ленты в неигровом конкурсе. В жюри конкурса анимации председательство отдано режиссёру, сценаристу, аниматору Олегу Ужину.

По давно заведённой доброй традиции в рамках фестиваля отмечают юбилей наиболее запомнившихся фильмов минувших лет. На этот раз программа «События. Юбилей» покажет фильмы самых первых лауреатов фестиваля

— «Сны» К. Шахназарова и «Макаров» В. Хотиненко, которые в 1993 году разделили главный приз I фестиваля российского кино «Окно в Европу».

В рамках XX кинофестиваля пройдут четыре круглых стола, на которых будут обсуждаться актуальные проблемы современного отечественного кинопроизводства и проката. Для этой цели ежегодно ведущие продюсеры и прокатчики нашего кино съезжаются в Выборг, откладывая все свои дела. Свообразная лаборатория фестивалей помогает понять тенденции кинопроцесса, критерии и предпочтения как тех, кто фильмы делает, так и тех, кто их смотрит.

К этой же категории определения приоритетов относится присуждение приза зрительских симпатий «Золотая ладья», осуществляемого по итогам общего голосования зрителей, участников и гостей фестиваля. Особое место в программе уделяется, как всегда, конкурсу «Выборгский счёт», где будут показаны фильмы, уже принёсшие своим создателям награды других фестивалей и заставившие о себе говорить. «В тумане» С. Лозницы, «Жить» В. Сигарева, «За Маркса...» С. Басковой, «Орда» А. Прошкина, «Я буду рядом» П. Руминова также претендуют на «Золотую ладью».

Юбилейный фестиваль «Окно в Европу» обещает

стать не только зрелищным праздником для Выборга и его гостей, но и площадкой для продуктивного, дискуссионного, профессионального общения отечественных кинематографистов.

Арина АБРОСИМОВА

ЭПИТАФИЙ

Творец и учитель...

На 78-м году ушёл из жизни замечательный сценарист, педагог, авторитетнейший кинематографист Валентин Константинович Черныш. Он пришёл в профессию, что называется, из народа: по окончании фабрично-заводского училища работал сборщиком на судостроительном заводе. В 1967-м получил диплом сценарного факультета ВГИКа, но уже в 1963-м был поставлен фильм по его сценарию «Земля без бога». Потом были такие известные картины, как «Человек на своём месте», «Вкус хлеба», «Любовь земная», «Москва

слезам не верит», «Выйти замуж за капитана...» В 1987 году совместно с кинорежиссёрами Э. Володарским и В. Фридом на киностудии «Мосфильм» Валентин Черныш создал студию «Слово», став её президентом. В родном ВГИКе руководил сценарной мастерской, выпустил несколько курсов. Оskarосная лента «Москва слезам не верит» покорила сердца миллионов зрителей во всём мире, потому что каждый видел в этой истории что-то близкое, понятное, доброе. Заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Госу-

дарственной премии СССР и премии «Оскар» Валентин Черныш, безусловно, оставил свой след в кинематографе, внёс ощутимый вклад в отечественную культуру и поделился со зрителями собственным представлением о смысле человеческой жизни — все его фильмы о любви.

«ЛГ»

ИСТФАКТ

В мае исполнилось 100 лет со дня рождения самого известного у нас в стране венгерского руководителя — Яноша Кадара (родился 26 мая 1912 года в Фиуме, Австро-Венгрия). Ушёл из жизни он в дни, когда

в новой Венгрии реабилитировали его главного политического противника — Имре Надя (6 июля 1989 года). Партия Кадара — как называли Венгерскую социалистическую рабочую партию — раскололась на

две: Венгерскую социалистическую партию (в народе прозванную партией номенклатуры), которая в коалиции с венгерскими либералами пробывала у власти в новой Венгрии в общей сложности 12 лет, и Вен-

герскую рабочую партию, до сегодняшнего дня верную идеалам социализма. Как говорится, одним достался капитал, другим — Маркс. «ЛГ» попросила написать о Кадаре — неоднозначной для венгерской

внутренней политики и самой загадочной фигуре для её политики внешней, бывшего рядом с руководителем в его последние годы, ныне председателя Венгерской рабочей партии Дьюлу Тюрмера.

Победы и поражения Яноша Кадара

Сто лет назад родился Янош Кадар. Государственный деятель, выдающийся деятель венгерского и международного рабочего движения. С его именем связан самый успешный период истории XX века — десятилетия социализма.

Его имя не хранят названия улиц, нет ему и памятника. При жизни он был против того, чтобы совместные успехи венгерского народа связывали с его именем. Сегодняшняя же политическая элита стремится освободиться от всего, что напоминает о его эпохе. В мае 2007 года неизвестные злоумышленники осквернили и разграбили его могилу, полиция быстро закрыла дело.

В эти недели, однако, многие приходят на могилу Кадара. Было бы преувеличением говорить о массовой ностальгии по нему, но одно бесспорно: в нынешние кризисные времена всё больше становится тех, кто считает, что деньги — это ещё не всё. Сегодня многие начинают понимать, что главные завоевания эпохи Кадара — полная занятость, бесплатное образование и здравоохранение, уверенность в завтрашнем дне — вещи очень даже ценные. Сегодняшняя Венгрия ничем подобным похвастаться не может.

12 ЛЕТ РЯДОМ

Последние 12 лет жизни Яноша Кадара я имел возможность работать вместе с ним. Писал для него выступления, несчётное число раз переводил ему, многие тысячи километров проехал с ним в поезде по дороге между Москвой и Будапештом. Я видел, как он смеялся, нечасто, но от всей души. В Москве, в особняке на Воробьёвском шоссе вместе смотрели мультфильмы «Ну, погоди!», и он искренне радовался победам зайца. На Московском ЗИЛе он смеялся вместе с девушками-работницами, когда они ему говорили: живём мы хорошо, товарищ Кадар, но найдите нам женихов! Он смеялся чистосердечно, как смеются дети и как смеются хорошие люди.

Плачущим видел его два раза. В декабре 1983 года я встретился в Москве со своим старым знакомым, Игорем Андроповым, сыном тогдашнего Генерального секретаря ЦК КПСС. «Отец передаёт, что иногда ему становится немного лучше, но врачи ясно сказали, что ему осталось один-два месяца, не больше». Кадар принял меня сразу, как я вернулся в Будапешт. Рассказал ему, что узнал. Первый человек Венгрии, глава венгерской партии заплакал, заплакал в моём присутствии. Он терял друга, а возможно, и надежду на спасение социализма.

В феврале 1989 года нас было трое. Кадар пригласил и меня присутствовать при его беседе с Кароём Гроссом, ставшим тогда первым секретарём ВСРП. «Обратитесь к китайскому руководству! Вы один не справитесь... на Горбачёва рассчитывать нельзя. Поддерживайте с ним

Союзом. Открывался реальный путь: оставаться в союзе с СССР и добиваться возможно большей свободы действий для осуществления венгерских национальных интересов.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОВАЛ

В своё время Кадар был очень популярен в Советском Союзе. Советские люди по достоинству могли оценить, что значит, когда на прилавках достаточно мяса и не надо за ним стоять в очереди. Эпоха Кадара (1956–1988 годы) обеспечила лучшую жизнь миллионам венгров. Все, кто хотел, могли работать. Восьмичасовой рабочий день обеспечивал всем нормальные условия жизни. Никто не мог стать миллиардером, но у преобладающего большинства были приемлемая жизнь, обеспеченное настоящее и надёжное будущее.

Эти успехи — во многом заслуга Кадара. Однако всё было не так просто. В практике венгерского социализма немало ошибок, которые нельзя отделить от роли Яноша Кадара. Кадар знал, что ВСРП, будучи партией, насчитывавшей сотни тысяч членов, не была идеологически единой, а была, скорее, союзом различных течений. В её руководстве одновременно присутствовали мелкобуржуазное, социал-демократическое и либеральное направления, а также революционное марксистское крыло.

В 1956–1957 годах Кадар сознательно пошёл на этот компромисс, так как считал, что он необходим для укрощения рабоче-крестьянской власти. Однако позже этот компромисс позволил представителем мелкобуржуазного, социал-демократического и либерального течений завоевать позиции внутри партии, более того, с начала 60-х годов они стали наращивать свои силы. Они явились главными инициаторами и прототипами экономических реформ. Кадар и сам согласился на реформы, но он ясно сознавал, что реформы, по сути, означают принятие капиталистических методов. Он знал, что это приведёт к обогащению определённой части общества, росту социальных различий. Однако считал, что можно идти на такие конфликты, что их можно будет регулировать.

Бдительность революционно-марксистского крыла партии снижалась, и Кадар оказался не в состоянии затормозить этот процесс. Партия, венгерское общественное мнение остались в плену успешных на первый взгляд реформ. Кадар понимал, что внимание капиталистического мира адресовывалось той Венгрии, которая шла несколько иным путём, чем другие социалистические страны. Он надеялся, что партия окажется достаточно сильной для того, чтобы нейтрализовать подрывные намерения капиталистических сил. Но случилось не это. Над социализмом нависла угроза, а руководство отказывалось это признавать.

Руководство ВСРП, начиная с 1970-х годов, видя успехи социализма, приходит к ошибочному и в

конечном счёте роковому выводу: победа социализма окончательна и необратима. В результате этой стратегической ошибки система встаёт на путь либерализации. Не приняла всерьёз формирующуюся внутри страны буржуазную оппозицию и её иностранных покровителей. Трудящиеся же начали забывать, что достижения социализма стали возможными лишь потому, что власть находилась в руках рабочих и в стране был социалистический строй.

«ТАК ПОБЕДИМ!»

В 1979 году Михаил Шатров написал пьесу «Так победим!». В пьесе Ленин раздумывает о том, что делать, чтобы предотвратить грозящие социализму опасности. Спектакль показали и в Будапеште. Кадар лично при показе не присутствовал, но хорошо знал пьесу. Тогдашняя публика смотрела на сцену, затаив дыхание, — что будет, если Ленину не удастся? Что будет, если нам не удастся?

Начиная с 1985 года Янош Кадар создал грозящую социализму угрозу. Он понимал, что Запад стремился к ликвидации Советского Союза и социализма, и принимал во внимание возможность контрреволюции, но считал, что её ещё можно было избежать. Пробовал спасти, что ещё можно было спасти.

Кадар выработал новую концепцию спасения социализма. Об этом тогда молчали и, естественно, молчат и сейчас. При определении задач будем исходить из конкретной реальности, а не из благих пожеланий! Реформу надо рассматривать как отход в сторону от исторического пути, но надо пойти на это небольшое отступление! Надо начать лучше использовать национальные ресурсы, национальные особенности! Необходимо обновить сотрудничество социалистических стран!

Кадар видел, что горбачёвская перестройка угрожает социализму. Он надеялся на то, что окрепнет китайский социализм. Китай он считал не просто экономическим партнёром, а стратегическим союзником в создании нового социализма.

Новая концепция Кадара была правильной, но уже запоздавшей. Советское руководство уже не партнёр в этом, оно уже мыслит категориями капитализма. Китай, видя, что Советский Союз ни на что не способен, оставляет Восточную Европу с её проблемами и решает все силы направить на укрепление своей страны.

История на этом, конечно, не заканчивается. Нынешний кризис наглядно свидетельствует о том, что система, строящаяся на власти денег, порочна. Должно прийти что-то новое. Я хочу закончить словами Николки из пьесы «Дни Турбиных»: «Господа, знаете, сегодняшний вечер — великий пролог к новой исторической пьесе».

Дьюла ТЮРМЕР,
председатель
Венгерской рабочей партии,
БУДАПЕШТ

отношения, но не надейтесь на него! Делайте сами, у меня в этом новом руководстве уже нет опоры! Сделайте это для меня, ничего другого я уже не хочу», — сказал Кадар, и словно у него камень с сердца упал, заплакал, плакал как бы с облегчением, сложив с себя тяжёлое бремя. Это была моя последняя с ним встреча.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Летом 1989 года не стало Яноша Кадара, и через пару месяцев не стало и его партии — Венгерской социалистической рабочей партии. Тогда мы вместе с тысячами честных людей создали новую партию, имя которой сегодня — Венгерская коммунистическая рабочая партия. Признаюсь, я скоро понял: если мы хотим продолжать дело социализма, ведь социализм — это дело Кадара, нам надо прежде всего дать критическую оценку его фигуре. Нужно освободиться от тех наносов, в которых повинны отчасти эпоха, а отчасти и он сам. Мы должны открыто заявить, что было хорошо и что было плохо.

Во время Кадара существовали определённые табу. Так, например, умалчивали о том, какую роль Кадар играл в период до 1956 года. Выглядел так, словно он вышел на политическую арену в 1956 году, к тому же вышел политически «девственно чистым». Сегодня мы уже знаем, что это было не так. Кадар участвовал в принятии ошибочных и неправиль-

ных решений начала 1950-х годов. Он знал о них и в конце концов сам стал жертвой этого процесса. Кадар находился на вершине власти, он был министром внутренних дел, более того — заместителем Матяша Ракоши, генерального секретаря партии. Его подпись можно увидеть на важнейших документах Венгерской партии трудящихся.

Кадар во многом мыслил иначе, чем Ракоши и члены узкой руководящей верхушки партии, но он не был героем оппозиции, не организовывал оппозиции ракошистскому руководству. Кадар был уже в тюрьме, когда в июне 1953 года Центральный комитет ВПТ выступил с разоблачением ошибок прежней политики. До конца своей жизни Кадар был убеждён, что это было правильное решение, более того, оно было доказательством того, что при социализме действует самокоррекция. Ошибки и заблуждения, совершённые от имени социализма, могут быть исправлены, так как исходят они не из сути социализма, а из ошибок отдельных людей. Кадар сказал это и Горбачёву в сентябре 1985 года. Горбачёв точно понял слова Кадара, да только внимать им не хотел.

1956 ГОД: ПРЕСТУПНИК ИЛИ РЕАЛЬНЫЙ ПОЛИТИК

Проблему 1956 года, в общем-то, лучше всего было бы оставить в покое. Как бы мы ни оценивали те

драматические события, от этого сегодня не будет ни больше рабочих мест, ни больше еды на столе. Однако официальная Венгрия объявила 23 октября 1956 года государственным праздником, канонизировала свой подход к тем событиям.

А ведь имело бы смысл отложить в сторону идеологические фильтры и интересы текущей политики. Действия Кадара в 1956 году демонстрируют ту дилемму, которая не раз вставала в венгерской истории и, судя по всему, избежать её не удастся и в будущем. Что может сделать маленькая страна, зависящая от соотношения сил на международной арене, от соотношения сил между великими державами?

В 1956 году Янош Кадар был просто-напросто реалистом. Понимал, что возможны только два пути: или обратно к капиталистическому строю, либо вперёд, к лучшему, освобожённому от ошибок социализму. Третьего пути не было. Ни тогда, ни позже.

Понимал и то, что Советский Союз и социалистический мир были заинтересованы в восстановлении социализма в Венгрии. Действовали тогда и соглашения между великими державами, заключённые по окончании Второй мировой войны. Имре Надь, ставший на волне октябрьских событий 1956 года премьер-министром, надеялся на приход американцев. Кадар же понял, что Соединённые Штаты не пойдут из-за Венгрии на войну с Советским

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

Мэрия поделилась властью с москвичами

С 1 августа вступил в силу закон, который существенно расширил полномочия муниципальных депутатов столицы. Московскому градоначальнику Сергею Собянину удалось за два месяца инициировать и реализовать то, чего в городе ждали десять лет. Отныне депутаты МСУ будут утверждать перечни работ по благоустройству территорий, а также по выборочному капитальному ремонту жилых домов и будут входить в комиссию по приёмке этих работ. Они также получили право требовать с руководителей управляющих компаний отчёт о текущей работе по содержанию дома.

Кроме этого, депутаты отныне согласовывают строительство объектов местного значения площадью до 1,5 тыс. кв. метров. И, наконец, муниципальные депутаты получили право смешать с должности или отклонять представленную префектом кандидатуру главы управы и ежегодно заслушивать доклады не только главы управы, но и руководителя ГУ ИС, руководителя МФЦ и главных врачей поликлиник.

«Депутатам было разъяснено, что они могут выражать недоверие чиновникам вплоть до главы управы района, и положительный эффект мы увидели на второй день! Так, вчера не давали рабочую документацию, а сегодня уже за нами бегут со всеми документами» — так комментирует произошедшие перемены депутат муниципального соб-

рания ВМО «Тропарёво-Никулино» Леонид Ольшанский. И добавляет: «Если работать добросовестно, то депутаты теперь не успевают реализовывать все те полномочия, которые на них возложены».

Объём переданных муниципалам полномочий говорит о том, что реформа затянута отнюдь не для галочки. В ведении депутатов оказались наиболее актуальные сферы жизнедеятельности города. По словам руководителя ВМО «Тропарёво-Никулино» Сергея Куликова, «с 2004 года местные депутаты постоянно выступали о необходимости расширения полномочий местного самоуправления. И вот с приходом нового мэра Москвы начался реальный процесс по перераспределению полномочий от города на местный уровень. Именно сейчас мы по-

лучили реальную возможность принимать решения по самым актуальным вопросам развития муниципальных округов».

В финансовом выражении объём переданных полномочий составляет 66,5% от собственных бюджетов муниципалитетов. Очевидно, что новые порядки в городе могут не понравиться ряду чиновников, которых лишили права единоличного решения многих важных вопросов, включая согласование строительства на территории муниципальных образований. Зато у горожан появилось больше возможностей влиять на жизнь собственного района и эффективно решать возникающие вопросы.

Как отмечают многие эксперты, вопрос об эффективности принятого закона во многом связан с уровнем готовности муниципальных депутатов принять на себя новые полномочия, и как следствие, немалую ответственность за свои решения, а также с уровнем зрелости самих горожан, их заинтересованности в жизни своего района. Без этого невозможно говорить о местном самоуправлении как таковом. По мнению руководителя ВМО «Ростокино» Алексея Шапошников, «закон, безусловно,

нельзя назвать формальным, он действенный, всё зависит от того, как построят работу сами депутаты — насколько эффективно организуют свою деятельность, насколько ответственно будут относиться к полученным полномочиям. Конечно, ответственность возросла, забот прибавилось — объём работы значительный, но реальный!».

Не секрет, что муниципалы, не находящиеся на жаловании, по-разному относятся к своим обязанностям и мандату. Есть те, кто считает его формальностью, и те, кто даже в условиях крайне ограниченных полномочий умудряется найти возможность повлиять на управу или префектуру, чтобы добиться нужного для своих избирателей решения. То же справедливо и по отношению к горожанам — многие из них не выбирали и не знают своего депутата либо воспринимают его как абстрактную фигуру, от которой в случае чего можно что-то потребовать или попросить.

Принятие закона о расширении полномочий муниципальных депутатов — это прекрасный шанс выстроить реальное самоуправление в городе. Ведь именно муниципальные народные избранники по определению

ближе всех к своим избирателям — все они сделали осознанный выбор представлять интересы жителей своего района, все они живут в своих районах, а потому ясно представляют себе проблемы каждого двора и лично заинтересованы в том, чтобы по всем спорным вопросам, связанным с жизнью и благоустройством своего района, принимались оптимальные для его жителей решения.

При этом муниципальный депутат не имеет собственного кабинета и большого аппарата помощников, специфика его работы такова, что для реализации своих обязанностей ему нужно наладить неформальное общение с активной частью жителей своего района, чтобы совместно усилиями оперативнее реагировать на злободневные проблемы и предлагать их решения. В тех районах, где это сотрудничество налажено, жители зачастую сами составляют проекты в сфере благоустройства и с помощью депутатов добиваются их реализации.

Мнения жильцов собираются по домам с помощью опросов и анкетирования, затем данные обобщают и формулируют конкретные варианты решения насущных задач. Где-то

не хватает лавочек для отдыха, где-то — спортивных площадок, кто-то недоволен качеством уборки дворов — назначаются волонтеры для проверки, и по результатам депутат выходит на управляющие компании либо на конкретных чиновников в управе или префектуре и вопросы решаются.

По реакции муниципальных депутатов на расширение своих полномочий зачастую можно судить об их отношении к своему делу. Как правило, те, кто и до этого не проявлял особой активности в работе, жалующая на малый объём полномочий, после принятия закона об их расширении продолжают жаловаться, но уже на то, что им не предоставлены инструменты для их реализации. Те же, кто и раньше активно работал, в большинстве своём приветствуют закон и прекрасно представляют, как эффективно построить сотрудничество с избирателями, чтобы воспользоваться новыми возможностями. По их мнению, закон расширяет их полномочия именно в тех сферах, которые вызывают наибольший интерес у горожан. Как сказала руководитель ВМО «Мещанское» Ирина Бельх, «каждый для себя решает сам: готов — работаешь,

не готов — будь честным и сложи полномочия».

По мнению тех депутатов, которые не один год вовлечены в систему МСУ, реальное местное самоуправление начинается не тогда, когда в муниципалитеты приходит «креативный класс», а когда этот класс рождается ещё ниже — на уровне домов и подъездов. Если жители города начинают понимать, что их дом не заканчивается порогом собственной квартиры и что комфортность жизни в их собственном районе в немалой степени зависит от их активной позиции, именно тогда зарождается основа эффективного местного самоуправления.

Если раньше иные скептики ссылались на то, что МСУ гонимы лишь на организационном уровне, то после принятия этого закона даже у них появились все причины для того, чтобы иначе взглянуть на взаимодействие с местными депутатами и свои возможности влиять на жизнь города. Для эффективной работы муниципальным депутатам необходимо выстроить обратную связь со своими избирателями, заложив фундамент реального местного самоуправления в городе.

Анна АРТЕМОВА

ТЕЛЕДИСКУССИЯ

Танатос и Эрос. Истоки войны

Телевидение убивает не только себя, оно убивает нас. Банальность и ложь сериалов, новый, сонный официоз, уверенный, что всё под контролем, и агрессивная, лицемерная, бравурирующая собой пустота — всё это уже однажды привело к катастрофе. Если цивилизация хочет жить, она не может не вглядываться в то, что её уничтожает.

О существовании воли к смерти миру сообщил Зигмунд Фрейд. Он истолковал её парадоксально — как ностальгию живого по неорганическому покою. Когда-то, безумно давно, жизни не было, и всё живое несёт в себе эту память — какая-то часть нас взывает о возвращении в безмятежность.

Нормальный, не повреждённый рассудок сомневается в наличии воли к смерти, записывая её в учёные бредни. Однако происходит мощное историческое событие — рушится огромная страна, занимающая шестую часть света, и, отмытая назад плёнкой её истории, ты вдруг с удивлением обнаруживаешь, что воля к смерти действительно существует. Ты видишь её сначала робкие, а потом всё более смелые проявления. Ты видишь, как она вершит своё дело: расплывается туманом, в котором исчезают символы веры. И ты видишь, как она побеждает, уничтожая культуру, а вслед за ней — и само бытие.

БРАТСТВО ТАНАТОСА

Любое определение бесполезно, если оно не досталось тебе в результате пережитой трагедии. Когда за спиной — миллионы жертв «временным перемен», а впереди маячит новая катастрофа с последствиями, уже необратимыми, ты имеешь полное право переосмыслить открытие гения и дать собственное определение воли к смерти. Ты даже обязан столкнуться в этот феномен, творящий беду.

И вот перед тобой два волнующих слова: «воля» и «смерть». С волей всё ясно. Это осознанный выбор или неосознанное влечение. Но как определить смерть, которая вне мифа непостижима? Как понять, к чему направлена воля? Только одним способом — вглядываясь в проекцию смерти и её зримое отражение. То есть в небытие.

Небытие — это жизнь, сведённая к потреблению, при которой вещами и удовольствиями заполняют растущую духовную пустоту. Это блуждание тела, от которого отлетел дух.

Докопавшись до этого, ты находишь определение источника былых и будущих катастроф. Воля к смерти — это бегство от истории и социальной мечты. Это вытеснение всего, что чуждо покою и эгоизму, — всего того, что, взывая к человеческой гордости, упрамо зовёт на войну. Это изгнание духа.

Стремление это вполне проявило себя в былые эпохи. Римская империя в период упадка, Европа на рубеже XIX и XX веков — в эти времена воля к смерти проявила себя со всей очевидностью.

Когда жажда покоя и наслаждения стала преобладать над жаждой власти и подвигов, языческий Рим начал гнить и в итоге рассыпался при нападении варваров, которых в период расцвета пара легионов загнала бы на край света, в те сучья болота, из которых они выбрались, и утонула там.

Когда научное знание отменило молитву, а вслед за ней — борьбу за Царство Божие на земле, христианский Запад стал гнить и рассыпаться на завистливые и драчливые нации. Его культура показательно отразила этот процесс, породив декадентство, — этот танец на краю пропасти опустошённой и обречённой плоти.

Более полувек Запад убивал в себе Эрос (волю к жизни, побуждающую любить будущее и двигаться за мечтой) и соединялся с Танатосом (волей к смерти, побуждающей жить сегодняшним днём и следовать за своими желаниями). Он настолько ослаб духовно, что в нём ожил побеждённый феодализм. И если бы не русская революция, наш мир давно бы лишился надежды.

Когда возникло Советское государство, в его культурных целях осталось то, что юный Платонов называл «отрыжкой мертвеца», — гимны ананасам в шампанском и прочее. Новая, набирающая силу культура бойко атаковала безжизненный декаданс.

Эрос и Танатос недолго сражаются в молодой советской культуре. Всё танталовое горю вытеснилось на свет и обреченность на «суровую перековку» или уничтожалось карательной машиной юного государства, обретая ореол мученичества.

Насилие не бывает красивым. Оно порождает сострадание к жертвам и ощущение, что люди стоят за правду — за некие простые и великие истины, раздражающие безумную власть. Произведения мучеников начинают ходить по рукам, формируя корпус подпольных текстов и специфический круг читателей, живущих с фигурой в кармане. Так формируются культурная оппозиция. Она сидит на голодном пайке, против воли встраивается в советскую жизнь, делает то, за что платят, но в душе несёт фундаментальные отрицания. Она смеётся над потугами власти, мажет карикатуры и утверждает, что мир и человека не переделает. Она призывает одуматься и вернуться к воле. Она знает, что рай на земле невозможен, грезит покоем и проклинает дух революции.

Именно этим пронизаны «Самоубийца» Эрдмана, «Собаке сердце» и «Мастер и Маргарита» Булгакова. И если Эрдман поверхностен и опаслив, если он боится приписать себе самому в том, какая воля им движет, то Булгаков совершенно бесстрашно всё договаривает. Он показывает, что им движет Танатос, и идёт до конца — до утверждения на советском материале чисто гностических истин. Мир лежит во зле, он груб, смехом, отвратителем, и только вырвавшись из этой тюрьмы, ты обретишь счастье. Только там, за границей этого нелепого, карикатурного бытия, тебя ждут любовь, покой и неслепое полноценное творчество.

В период мятарств и разочарований, в период законства с писательской фрондой Платонов пишет «Чевенгур», «Котлован» и «Счастливую Москву». Эти произведения танталовы. Они пронизаны мраком, который Платонов, увидев бездну, преодолел и поднимается на великую высоту. Но тогда-то, в конце двадцатых, он этот мрак утверждает. Он смеётся над мечтой своей юности. Он топчет свою веру, внимая Танатосу. И вместе с Булгаковым шлифует грани Чёрного Обелиска, сверкающего в советской культуре.

Советская власть не может запретить всё. Она не может и не хочет карать без разбора всех, кто шагает не в ногу. Ей нужно формировать образ новой страны, где дан простор творчеству и залы содрогаются от дискуссий. Власти нужны свои беспорные гении. И когда они появляются, она готова мириться с их волюнтаризмом. Поэтому она даёт работу и Эрдману, и Булгакову. Она содержит журнал «Литературный критик», защищающий всё нестандартное и дающий заработок Платонову. Власть допускает хождение на своём культурном просторе авантюриста Остапа Бендера. Ильф и Петров — не диссиденты, а советские журналисты. Но они одеситы и, как все одеситы, — двусмысленны. Ильф и Петров играют в рамках цензуры, легко обманывая её. Они описывают, как Бендер заставляет страдать паразитов, живущих в прекрасном теле Советской Зоны, похожем на уруго и жующее себе тело Зоси Синицкой. Но читатель не идет. Он понимает: с такой иронией верить в «светлое будущее» невозможно. Советский мир, изображённый сатириками, так засорён приспособленцами, голователя-

пами, рвачами, аферистами и лоботрясами, что «нового человека» здесь можно вывести только в секретной лаборатории. Читатель делает неизбежный вывод: ностальгия Бендера — это ностальгия самих творцов.

Но что это за ностальгия? Это ностальгия по «загранице», только не реальной, где будешь вкалывать от зари до заката и в ночных кошмарах видеть неоплаченные счета, а чисто мифической. Они неслучайно шутят: «Заграница — это миф о загробной жизни. Кто туда попадёт, тот не возвращается». Это показательное сравнение, потому что такой заграницы уязвляется с абсолютным покоем, а абрак покой даёт только смерть.

Ностальгия Бендера танталовна. Он ностальгирует по тому, чего нет, потому что жизнь исполнена токов, противостояний, идей. И очень жаль, что Ильф и Петров не дали герою сбежать, а вернули его в СССР, сохраняя миф о загробной жизни.

Слова исполнены силы. Они срываются со страниц книг и поселяются в душах. Слова маркируют людей, притягивая их друг к другу. Они ткут социальный туман, который то распаляется, то вновь становится зримым.

Именно эти словечки в духе Подсекальникова, Преображенского, Воланда, Коровьева, Бендера станут условными фразами, по которым люди начнут выделять друг друга в толпе. Эти вздохи, эти ироничные афоризмы, эта густая ностальгия по мифической загранице, где гуляют в белых штанах и верят в золотого телёнка, и формируют малый народ внутри народа большого. Не по национальности, а по идеологии.

оанальному признаку он сформирован. Его сформирует общая воля к смерти. Пессимизм, материализм и жажда покоя (когда «не потревожит никто: ни безосный убийца Гестаса, ни жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат») объединят мрачного функционера и насмешливого интеллектуала, всеильного куратора и жалкого сексота в чудовищное по сути своей социальное братство.

Этот туман будет сгущаться, рассеиваться, снова сгущаться и копить заряд отрицания, копить злобу, порождая возможность освободиться от истории, памяти, боли и оттянуться в гедонистическом, чисто танталовом порыве.

В ПОДПОЛЬЕ

Подготовка к войне и её великая драма загнали культурную оппозицию в такое подполье, из которого уже, казалось, не выбраться.

Победа СССР вообще поставила её в ужасное положение. В мире авторитет Красного вырос невероятно. А внутри страны почти всё культурное поле оказалось затоплено воспоминанием об отремевшей войне.

Танталовая оппозиция не смеет пикнуть, не смеет заявить о своём праве на небытие. И молчать её заставляет не страх перед властью, которая далеко, а страх перед обществом. Человек, ищущий покоя и заряженный безверием, в это время глубоко презираем. Остаётся одно — ждаться.

Советский культурный фронт (официоз) фокусируется на теме войны. Он формирует культ воина-победителя, воина — спасителя мира.

На этом пути официоз совершает ошибки. Он обходит сколько-нибудь темы: лагерь, заградотряды, коллаборационизм, катастрофические потери. Он боится грязи, натурализма, жестокой правды. В результате тема войны бронзовеет и обретает музейный запах.

Эта общая катастрофическая тенденция в советской культуре, которая бронзовеет по всем направлениям. Она множит пафос, беспольных ангелов, бездарные монументы. Она исследует «конфликт хорошего с прекрасным» и стыдливо указывает на «отдельные недостатки».

Общество начинает тяготиться официозом. Не талантливым, который принимает на ура, а вот этим — убогим, лживо-пафосным, с его картонными персонажами и нудной проповедью.

Этот просчёт официоза, эту тенденциозность и исполняет культурная оппозиция, которая позиционирует себя как новое, свежее, пробившееся из-под снега по зову наступившей весны. Оппозиция ещё ничего своего, затённого, не может произнести. Она движется в официальном контексте и проявляет свою оппозиционность весьма специфически. Она намекает на забвение идеалов! Она трясёт письмом Ильича. В её глазах — блеск советского фанатизма.

Этот концерт будет длиться долго. Культурная оппозиция будет присягать и присягать революции. Шатров и Коротин будут вылизывать революционные монументы. Любимым будет гореть классовым чувством и поджигать зал. Окуджава будет ронять слезу на пыльные комиссарские шляпы. Неслучайно потом, когда они обратятся в ярых антисоветчиков, им укажут на их яростный пафос. Их спросят: вы лицемерили? И вся эта рать будет мямлить, путаться, намекать на естественность мимикрии, а потом хлёстко признается в том, что долбала по власти «святым Ильичом». То есть была частью системы, паслась на лужайке идеологии и тихо точила основы.

ОТ МАЙСКОГО ДОЖДЯ ДО ИЮЛЬСКОГО

Есть два фильма, которые созданы одними руками и не совместимы никак — «Мне двадцать лет» и «Июльский дождь». Они просто друг друга опровергают.

«Мне двадцать лет» Худиева — это кино, воспевающее советское общество. Это кино, влюблённое в советскую жизнь, советские ценности, советскую молодость. В этом фильме наглядно проявлен Эрос. Там отражено одинокое и страстное влечение к женщине и идеалам. Майский дождь — налетающий и звенящий дождь великих советских праздников — увлекает, зовёт. Он всё проясняет и вводит жизнь в крепкие, надёжные берега.

Трое друзей, размотав третий десяток, получают первые душевные раны. Реальность атакует их, но они пере-

жат удар и докапываются до сути. «Нельзя просто плыть по течению. Я не хочу перетирать время» — так начинается внутренний монолог героя, страстно желающего разобраться — понять, как жить. И истина ему открывается. Есть любимая женщина, есть друзья и есть Родина, завещанная погибшим отцом. Вот — главное. Это разные лики любви, которая тебя наполняет. И любовь эту нужно хранить. Не сохраняй — погибнешь. Тебя сожрёт пустота.

Казалось бы, режиссёр выразил свою философию. Он предъявил свои символы веры и будет их защищать. Но происходит иное. Он снимает фильм, который всё перечёркивает.

«Июльский дождь» — это кино, отпевающее советское общество. Это кино, которое хоронит его при жизни.

Оно очень понятно построено. Камера выхватывает из толпы живую душу и за ней следует. Молодая симпатичная девушка спешит по своим делам, и вскоре мы понимаем, что это не просто девушка. Уж слишком цельный характер. Это именно Живая Душа.

Нам показывают общество, в котором она обитает. Серая уличная толпа туло уставилась на посольские машины и иностранных господ. Скушная интеллигенция тусуется, болтает о ерунде, и неизбежный бред обнимает гитару, изливая свою тоску по чему-то простому и ясному.

Девушка всюду видит проявления слабости и эгоизма, какую-то вопиющую пустоту. Она открыта, ищет общения и при этом катастрофически одинока.

Нам показывают мир банальный, убогий, где все бескрылы, одиноки, потеряны и где всё удручающее предначертано. И в этот мир грозно и буднично входит смерть. Она забирала близких людей, наполняя страданием и без того невесёлую жизнь.

Живая Душа одиноко бродит по улицам, улыбаясь фронтовикам, вспоминающим дни сражений, и глядя в бесконечно тоскливые глаза молодёжи.

Настроение картины гармонирует с настроением многих европейских картин, как бы говоря: мы тоже дошли до некой черты, тоже растеряли все смыслы и суть у нас с вами общая. Все наши подвиги и свершения — в прошлом. Мы влод движемся к краю, что-то лениво прихвываясь по пути. Мы уже почти что мертвы. И давайте в этом честно признаемся.

МОДНАЯ НОТА

1966–1968 годы — это время культурного прорыва Танатоса. Он заявляет о себе в инферальной подпольной литературе, сходящей в ад. Он заявляет о себе во фрондёрской авторской песне, оваянной скепсисом и обращённой к природе. Но главное — он прорывается на советский экран. Возникает целое направление. Худиев, Муратов, Оселья, Шалаиков и Шепитко создают фильмы в одном ключе, с навязчивой демонстрацией социальной апатии и удручающей безнадёги.

«Июльский дождь», «Короткие встречи», «Три дня Виктора Чернышёва», «Долгая счастливая жизнь», «Крылья» — это фильмы-констатации, фильмы, убивающие надежду. Они показывают страну бездвиженную, погасшую, вшапнувшую в сон. Её люди скучны и бессильны. И подвиг воинов-победителей на этом удручающем фоне выглядит странно, поскольку смерть торжествует.

И дальше всех здох, увы, заходит Шепитко, показывая мир, который не изменить, как ни бейся, мир, полный злобы, эгоизма, уныния, и героино, которая в отчаянии устремляется в небо — на встречу со своим погибшим возлюбленным. Её уносят от земли крылья смерти.

В дождливых фильмах 60-х звучит одна мучительно протяжная нота. Смотришь сегодня это кино и поражаешься: всюду стройки, заводы, дворцы культуры, всюду новоселья, самолёты, дельтапланы, движение, а режиссёры нас тычут носом в тоску, безнадёгу и смерть.

Почти все эти фильмы пинают официоз — показывают убожество официальной культуры с её танцующими матрёшками и казённым кино, выходящим на широкий экран.

Есть предельно глупая точка зрения: художник указывает на болезнь общества, не осмысляя её и не предлагая рецептов. Так разводят лохов. Так формируют батальоны манерных критиков, пьющих кофе и рассуждающих о «потрясающих кадрах» и «новаторских замыслах».

Искусство всегда сражается, всегда доказывает: надежда жива или надежда погибла. Оно обращается либо к человеческому, либо к звериному. Оно заряжено либо верой, либо безверием. Оно расписывается либо в любви, либо в ненависти. Оно исполнено либо воли к жизни, либо воли к смерти. Эрос и Танатос ведут искусство. Причём ведут его в разные стороны.

В 60-е годы культурная оппозиция конгирует модным словечком. Она упорно привязывает себя к экзистенциализму, хотя на деле чужда ему.

В чём суть «советского экзистенциализма»? В чём его борьба, его драмы, его подвиг? В ответственной поведении, о котором говорит Сартр? В борьбе без надежды? В обречении себя на сизифов труд? Где всё это у наших «экзистенциалистов», этих людей дождя? Этого нет и в помине.

Экзистенциализм — это протестная реакция на буржуазный миропорядок, на его отчуждение, атомизацию и безнадёжность, вызванную отсутствием горизонтов. В СССР экзистенциализм с его гордым презрением к окружающей мертвечине можно было имитировать. И ради этой имитации рисовать соответствующий фон.

Вот поэтому советский мир и показывается нарочито превратно — как серая, пыльная и готовая обрушиться декорация.

Этот фон, демонстрирующий смерть общества, снимает с плеч интеллектуала бремя борьбы. Он убеждает его вернуться к войне за прекрасное будущее, потому что она бесплезна. Кино утверждает: никакой земной рай невозможен. Смерть побеждает. И поэтому история, порывы и подвиги — всё это тебе, дружище, не нужно. С этим покончено. У тебя теперь забота одна — уцелеть и жить для себя. Об этом в «Июльском дожде» и поёт Визбор. «Не путай конец и кончину, Рассветы, как прежде, твоят...»

Всмотритесь в дождливые фильмы 60-х. Вслушайтесь в однообразные авторские песни этой поры. Вчитайтесь в роман «Мастер и Маргарита», опубликованный в том же 1966-м. И станет вполне ощутима эта сладость освобождения от земных энергий, схваток, надежд. И станет вполне зрима связь танталового творчества.

ЖИВОЕ И МЁРТВОЕ

В те годы культурная оппозиция не могла омертвить общество — начать его безверием, меланхолией. И мешала этому не только цензура, которую можно было обманывать, заявляя о «лучших намерениях». В советское искусство ворвалось живое.

Оно проявилось в новой литературе, влюблённой в русскую почву или советскую техносферу. Оно проявилось в авторской песне — рвущей аорту, категоричной, драматичной. И оно удивительно мощно проявилось в кино.

Тарковский, Шукшин, Михалков и Губенко совершили страшное преступление с точки зрения танталовой интеллигенции. Они не позволили выбить главную оп-

ору официоза — хилизм. Они укрепили эту опору. Испытывая какое-то потрясающее безразличие к моде, к нездешним идеям, они обратились к русской истории, душе и судьбе.

Как-то задыхалось в советском кино. Вдруг развеялся тонкий запах гниения. В кино неформатном, делающем ставку на подлинность, в кино свободном, парящем, появились герои. Не антигерои, отпадающие от жизни, а герои, преодолевающие отчаяние, подлость, безверие. Это кино заявляло, что мир не оставлен, и в нём есть место подвигу. Что в нём живут интересные, восходящие люди, для которых долг — это не груз, а бремя человечности. В этом кино прозвучали потрясающие, берущие за живое слова. «Иваново детство», «Андрей Рублёв», «Зеркало», «Печки-лавочки», «Калина красная», «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Пять вечеров», «Подранки» — это кино стало иллюстрацией веры.

Неслучайно оно предвещало потрясающую эстетику. Это было одной из сторон проявления Эроса.

Возник негласный союз, укрепивший хилистическое основание советской культуры. Талантливый официоз и живое неформатное кино не дали червям источить эту твердь в 60-е и 70-е годы. Благодаря этому союзу ожила и удивительно зазвучала тема русской истории, революции и Победы.

Эта мужская сила, мужская воля, не боящаяся натурализма, жестокой правды, вытащила из модного болота инфантилизма многих творцов. В этот лагерь, в это братство перешла Лариса Шепитко, обратившись к неформатной, но утверждающей прозе Платонова и вполне официальной повести «Сотников». И в этом живом творчестве родились два подлинных шедевра — «Родина электричества» и «Восхождение». Так Шепитко по-платоновски вырвалась из котлована, обхватив смерти, и стала воином жизни.

Поиграв в экзистенциализм, вернулся к живой работе Худиев.

Эрос советской культуры способен был отбить все атаки Танатоса. Он мог отбиться и победить даже тогда, когда пали запреты и такие творцы, как Оселья и Муратов, оторвались по полной программе. Танталовое творчество (вся эта перестроенная чернуха вместе со всем, что достали с полка и притащили из-за бугра) не могло омертвить советское общество. Не по зумам оно было всей фрондирующей богемной тусовке с её скандальным искусством.

Живое в культуре представляло огромную силу. Да, оно ослабло, испытывая двойной гнёт. Оно было измотано властью, шагающей от маразма к безумию. Оно опеченело и замкнулось в себе под воздействием диссидентской литературы. У него развился особый комплекс, побуждавший покровительствовать «изгоям». Ему было трудно разобраться: где правда, а где провокация?

Живое кино, это важнейшее искусство, было травмировано потерями. Умер Шукшин. Уехал и умер на чужбине Тарковский. Губенко ушёл создавать Театр на холме. Но всё созданное живым талантом работало и держало культуру.

Советская культура бы выстояла, если бы её не начали разрушать сверху. Если бы сами вожди, заряженные единой волей с малым народом, не протянули смерти руку и не сказали: «Милая, заходи!» Если бы к диссидентам, ломавшим культы, не прибавились маргиналы, ломавшие нормы.

Этот поощряемый маргинальный кураж в итоге и нанёс смертельную травму. Не диссиденты прикончили советское общество, а те, кого они открыли, кого освободили от культов и накачали цинизмом, — алчная саранча, бросившаяся зарабатывать на кино, спектаклях, выставках, книгах, песнях и телепрограммах. С ними в культуру ворвался мусорный ветер. Их трудами в обществе возмечтался хам.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Один фильм, созданный на закате советской эпохи, автор этих строк пересматривает с особым чувством. Это история о тихом подвиге интеллигентной женщины, которая пришла на работу в дом престарелых и смогла изгнать из него дух смерти. Она зажгла огонь, который всё преобразил в доме скорби: прояснил память, осветил лица и заставил заблестеть ордена.

«И жизнь, и слёзы, и любовь» — это один из взлётов советского киноискусства. Только сегодня в восхищении прибавляется горечь. Ты прекрасно осознаёшь, что этот триумф, этот праздник жизни продлится недолго. Перестроенный ветер принесёт свежую «весеннюю» прессу, из которой старики узнают, что жили в ужасной стране и отставили в боях не Родину, а тоталитарный режим. Их обзовут «совками» и призовут к покаянию. Их стравят между собой. Вдруг выяснится, что кто-то из ветеранов служил в частях НКВД, и его начнёт травить «прозревший» сосед. Ему бросят в лицо его орден, полученный на линии фронта (где-нибудь под Киевом, где рота НКВД возглавляла прорыв окружения и спасла тысячу советских солдат). Стариков шокирует «правдой» о советских героях, голодоморе, ГУЛАГе, уничтожившем сто миллионов людей, советской промышленности, построенной экзам. В мире, окружающем дом, станет происходить что-то страшное. Там разгорится лютая ненависть к Родине, к самой идее патриотизма. Там зазвучат дикие песни и чёрный, беспощадный, разящий смех. Мир, за который они воевали, во имя которого жили, начнёт опускаться. Он состроит хамскую, свирепую речу. И снова зарастёт сад вокруг дома и откроются теки. И погаснет надежда.

Старикам будет невдомёк, что это всё технология. Что через разрушение культов уничтожается государство. Что с помощью шока выбивается хилистическая опора официальной культуры. Какой «коммунистический рай», если его фундамент закладывался с помощью лагерей и расстрелов? Какой вообще может быть «рай», если всюду невозможно было вообразить!

Это сегодня известно о роли партийных иезуитов и Пятого управления КГБ в разрушении государства. Это сегодня мы знаем, как взрачивался «диссиджоник» и вкачивалось в общество всё танталовое: отморозенная литература, чернушные фильмы, маргинальный рок, уголовный шансон, публицистический стёб. А тогда такое невозможно было вообразить.

Не выдержат старики этой атаки. Смерть вернётся и соберёт свою жертву. Погибнут и они, и эта прекрасная женщина, и дом с райским садом вскоре переидёт во владение какому-нибудь чиновнику или хорьку.

Так и всё советское общество. Шокированное «разоблачениями», ошеломлённое ударами по культуре, оно рассыпалось атомами, которые не могли собраться, потому что исчезли культы.

Малый народ хорошо поработал. Заряженный своей волей, он разрушил общество, где лицемерил и таился в подполье, и построил общество, где раскрепостился и занял верхние этажи. Он расселся по высоким кабинетам и приступил к воспитанию масс.

Он создал целую индустрию, выбивающую из сознания идеалы.

Но это уже другая история.

Валерий РОКОТОВ

Полный текст статьи — на сайте www.lgz.ru

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

televed@mail.ru

Бронзовый век, каменный?

Лондонская олимпиада в нашем ящике не задалась с открытия. Многим (но не всем) показавшееся грандиозным (кому-то помпезно мешанским), оно было совсем испорчено пошловатыми комментариями К. Набутова и В. Гомельского. Далее большей частью грустные репортажи с эмоциональной поддержкой спортсменов, борющихся за... бронзу. Гордимся, что наши попали в квалификацию. Куда спрятать боль тех, кто помнит Сеул 1988-го с 55 золотыми медалями? Очевидно, что без перемет в «консерватории» дел в спорте не поправши. Нет идеологии развития, вместо советского патриотизма — антисоветский пофигизм.

Даже оппозиция сама не заметила как, но идеологически низко пала. В 1988-м символом протеста был лоб академика Сахарова, теперь — губы Нади Толочко. Фоном Олимпиады идёт освещение процесса над «взбесившимися прошмандовками» (с сожалением, но мой термин — А.К.). Телевизионщики, большей частью их тайные симпатизанты, ограничиваются блёклыми комментариями. Они молчат о «творческом пути режиссёра». Главная «узница совести» (господан либералам не совестно, что Толочкошикова на посту «морального авторитета» сменила Ходорковский?) начала в группе «Война» (помните член на Литейном мосту?), а порношу на девятом месяце беременности в Зоологическом музее? Подписанты знают, что в этом злостно аморальном хулиганстве она не раскаялась? Что в США за подобное она бы ещё сидела в тюрьме? Как таких без искреннего раскаяния отпускать на свободу? Кто даст гарантию, что кощунства в общественных местах не продолжатся?

С такой тупо либеральной идеологией нам грозит не бронзовый век, а каменный.

Александр КОНДРАШОВ

ЮБИЛЕЯ
Речь как музыка

Александр КОНДРАШОВ

ЮБИЛЕЯ
Речь как музыка

Путёвку на телевидение Борису Ноткину дала наша газета. Его в связи с публикацией в «ЛГ» пригласили в программу «Добрый вечер, Москва!» в качестве гостя, с тех пор он — на «третьей кнопке». В гостях у известного телеведущего побывало столько именитых людей, что сам Борис затрудняется сказать, кто из них самый яркий. Крупнейшие политические деятели, популярные актёры, деятели искусства... У Бориса Ноткина много всяких званий и титулов, но больше всего он гордится тем, что сразу три института русского языка — имени Пушкина, имени Виноградова и Академии наук — присудили ему первое место в конкурсе «Лучший русский язык на отечественном телевидении». Для него главное, что в передаче звучала живая русская речь. «Я редко заглядываю в орфографические словари, — говорит юбиляр, — но у меня в ушах звучат голоса моих замечательных учителей, наших великих актёров, моей мамы, наконец. Когда кто-то хорошо говорит — это для меня как музыка, я наслаждаюсь, просто потому что слышу хороший русский язык».

«ЛГ» поздравляет одного из самых ярких ведущих телеканала «ТВ Центр» Бориса Ноткина с юбилеем! Новых необычайных собеседников и неиссякаемого оптимизма!

ОЧЕРК ПРАВОВ

Один в океане

Моего приятеля положили в больницу. Внезапно. Вначале попал он на консультацию к известному специалисту — доктору медицинских наук. Рассказывает: сижу полурасдетый, доктор же, массивно-медлительный, в больших летах, уткнулся в медкарту, читает не торопясь. Потом поднимает скучный взгляд, смотрит и вдруг оживает.

— Ну-ка, ну-ка, повернитесь к окну! — говорит, а сам шарит в ящике стола. Извлёк фотоаппарат, стал азартно щёлкать затвором, как коллекционер, наткнувшийся на бабочку редкой расцветки. — Так-так! Рисунок яттен изумительный! Вы просто ходячее учебное пособие!..

И велел врачу, сидящему здесь же, за прилавком столиком, оформлять госпитализацию. Срочно!

— А дома нельзя лечиться? — встревожился мой приятель, никогда не лежавший в больнице. — Да и вдруг тревога ложная, лучше выждать?

— Можно выждать, — покивал доктор, пряча свой «Никон» в стол. — Можно вообще не лечиться, всё равно ведь у всех — и у меня, и у вас — конец один. К тому же то, что мы сейчас видим, извините за прямоту, — не из-ле-чи-мо! Это болезнь-загадка. Механизм её возникновения до сих пор неизвестен. Известно одно: от двух месяцев до двух лет — вот срок, за который человек стареет как спичка.

— Вы так шутите, доктор? — Не шучу. Всё, что современная медицина сейчас может, это притупить процесс, укоротить срок.

Он оказался в больнице на второй день. Жена его в тот момент гостила у друзей в Канаде, взрослый сын (менеджер успешной компании) был в командировке в Германии, срывать их оттуда ему не хотелось. Да и в точности тревожного диагноза он поначалу не верил. Ничего толком не сказав сослуживцам, срочно взял отпуск. И позвонил мне. С юмором (по его замечанию — *висельника*) рассказал о том, как его назвали холодным учебным пособием, затем определили в самую «привилегированную» в этой общедоступной клинике палату на четверых (остальные — на пять или шесть человек). С общительными сопалатниками: низкооплачиваемым, но неунывающим говорливым преподавателем вуза (прозванным здесь *Профессором*); молодым непоседливым гастарбайтером (прозвище — *Узбек*); эти оба в стадии ремиссии, очень бодрые, без конца о чём-нибудь спорят. Третий же — молчун, *Студент*, судя по всему, болеющий тяжело, почти всё время — под капельницей.

— А как ты попал в эту клинику? — спрашиваю. — Мог бы в платную...

— Сам сюда попросился. Узнал: среди специалистов по такому роду недугов здешняя завотделением — лучшая в Москве. Поразительная женщина! Входит в палату, и всё вокруг меняется, такую она излучает уверенность.

Я смог навестить его несколько дней спустя. Купил антоновских яблок и абхазских мандаринов и в солнечный воскресный день оказался в старинном здании больницы, построенном очень давно — в конце позапрошлого века. Высооченные потолки. Широкие окна. Гулкий просторный коридор с неторопливо гуляющими по нему пациентами в клетчатых пижамах. За стойкой, с постоянно включённой настольной лампой, плотная женщина в белом халате, неприступно сердитая, листающая какую-то толстую тетрадь, — дежурная медсестра.

— Вы к кому? — К Фёдорову, в седьмую палату. — К Вадиму Олеговичу? Проходите. Массивно-тяжёлая дверь. Открываю. Вхожу.

Палата № 7, когда я вошёл туда, переживала очередной полемический бум. *Профессор*, высокий человек, увенчанный седой растрёпанной шевелюрой, в мятой большой пижаме нараспашку, стоял у своего персонального столика, на котором светился синеватым экраном включённый ноутбук, и, эффектно жестикулируя, говорил о чувстве вины, необходимом каждому воспитанному человеку... Он прервался, отвечая на моё приветствие, подождал, пока я здоровался с Вадимом (усадившим меня на койку со словами, произнесёнными шёпотом, как в театре, «У них второй день дискуссия, давай послушаем»), и продолжал рассуждать о том, что любые испытания судьбы следует воспринимать как заслуженное наказание... Что болезнь — это возмездие если не за свои, то за грехи твоих предков...

— Роптать бессмысленно!.. Ведь подобное наказание осуществляется безличной силой, её называют Высшим разумом. Или, если вам так удобнее, — Богом. Вот ведь и народная мудрость прямо, без обиняков называет эти испытания судьбы Божьей карой.

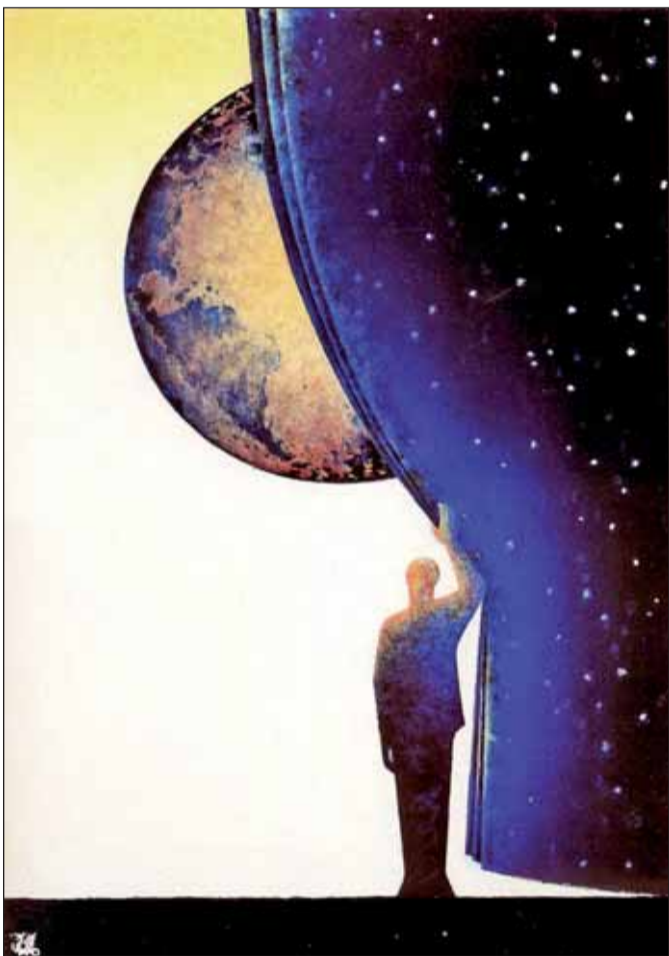
Его оппонент, чернявый гастарбайтер *Узбек*, коротко стриженный 28-летний парень, сидел на своей койке по-кошачьи пригнувшись, будто изоготовившись к прыжку.

— Значит, я сам виноват, что у меня дома не было работы? — ворвался он наконец в словесный поток *Профессора*. — Нас таких полсотни привезли в Тверь, там фабричка, семь лет работала, а она закрылась, — тоже я виноват? У меня образование среднетехническое, а квалификация сейчас в Москве грузчиком. Наказание? За что? С четырнадцати лет работаю и учусь, отец умер, мать болеет, она с высшим образованием, экономист, а выгнали сразу же, после первого большого листа. Виновна? В чём?

— Стоп! — поднял руку *Профессор*. — Давай разбираться: есть вина индивидуальная, а есть коллективная. Для того чтобы их разграничить, нужно определить...

Тут речь его была прервана: с решительным стуком отворилась высокая дверь, и в палату, будто подталкиваемая сквозняком, влетела та самая дежурная, читавшая в коридоре за стойкой какой-то свой кондукт; правая её рука была вооружена поднятым вверх шприцем.

— Оразкулов, жёлёшь особого приглашения? — огласила она палату басистым голосом. — Всех у вас в процедурной укололи, а ты здесь ласы точишь.

Узбек вздохнул, пробормотав: «Опять виноват!», лёг на кровать лицом вниз, спустив фланелевые штаны. И пока длилась инъекция, оправдывался, бубня в подушку.

— Тёт-Варь, сегодня воскресенье, да?! Ну я и расслабился. Может, отпустите меня к другу съездить? Вы же самая справедливая женщина на свете. Здесь недалеко — метро «Преображенская», я к отбою вернусь.

— К другу не отпущу, — сварливо возразила медсестра и вдруг отрывисто захохотала. — Только к подруге! Да и то, если расписку напишешь, что вернёшься. Писать-то умеешь?

— Обижаете, тёт-Варь, я строительный техникум кончил, дома бригадиром был.

— Ладно тебе обижаться. Пиши давай.

Профессор, отодвинув ноутбук, достал чистый лист и ручку. Пока *Узбек* писал, медсестра склонилась над четвёртой кроватью; там, прикрывшись одеялом, лежал под торчащей рядом капельницей ещё один здешний постоялец — худой, длинноволосый, с редкой чёрной бородкой. *Студент*. Его бледное лицо с остановившимся взглядом, словно бы обращённым внутрь себя, показалось мне знакомым. Где-то я его видел, но — где?.. Владелец же ноутбука прохаживался по палате от двери к широкому окну, за которым сиял нежарким солнцем сентябрьский день, золотились клёны у массивной, ажурно-каменной ограды, сновали за ней автомобили и прохожие. Подмигнув мне, *Профессор* негромко сказал, улыбаясь: «Такая вот у нас здесь психотерапия».

Но не суждено было ему, видимо, скачавшему по студенческой аудитории, продолжить полемику. Оразкулов дописывал последнюю строчку, когда запел-запиликал мобильник в оттянутом пижамном кармане *Профессора*. Присев к своему столику, он заговорил приглушённым голосом, пододвинув к себе ноутбук... О каких-то текстах, полученных по Интернету... О схемах и оглавлении... «Не переживайте вы так, — убеждал, — защита, в общем-то, ру-

тинное дело... Да вы подъезжайте ко мне, поговорим, здесь сегодня день посещений...»

Вадим, выходя из палаты, сказал про него: «Он отсюда ещё и защитой диссертаций ухитряется руководить...» Во дворе больницы, под громадными каштанами, ронявшими на асфальт тронутые ржавчиной листья и колючие коричневые шарики, на садовых скамейках грелись в лучах сентябрьского солнца люди в пижамах. Сели мы на самую дальнюю скамью, у краснокирпичного корпуса с вывеской «Лаборатория», и Вадим сказал о главном своём ощущении: несмотря на то что больница в лучшем случае не узнаёт, а возвращаясь на скамью, к каштанам, сказал себе вслух: «И ничего не изменится в этом мире...» Он выбросил газету в урну, не читая. Вернулся в палату, принял снотворное. Уснул — среди дня.

Сейчас мы сидели с ним на той самой скамье, под каштаном, и он, нервно поглаживая себя по коротко стриженной, начавшей лысеть голове, говорил о мурдрости латинян, у которых был девиз: «Memento mori!» — «Помни о смерти!»

— Древние жили коротко, в постоянной опасности, — рассуждал Вадим. — Зато очень эмоционально. Ценили каждую минуту. А мы живём дольше, но скучнее, не думая о неизбежном конце. Мы не готовы к нему. Но наступит момент, когда каждая человеческая козявка ужасается, ощутив близость небытия, и туповатое наше спокойствие разлетается в пыль...

— Да ведь невозможно жить в постоянном страхе смерти. Вспомни: даже после жутких терактов в Москве люди пребывали в шоке совсем недолго.

— Там — другое. В конце концов каждый, спускаясь в метро, надеется, что если теракт и случится, то не на этой станции. Или если на этой, то его не заледят. Когда же ты приговорён, а исполнение приговора отодвинуто и механизм его исполнения ты несёшь в себе, никакой надежды не остаётся. С этим ты должен жить. Тут дело не в страхе. Дело в осознании конечности жизни — постоянном, а не эпизодическом. Необходимым и здоровому человеку.

— Ну, допустим. Но что изменилось бы, если бы такое осознание появилось у тебя лет 20—30 назад?

— Изменился бы взгляд на самого себя. На близких. На свою судьбу. Стал бы более независим от обстоятельств, от чужих мнений. Ведь я бы постоянно осознавал, что жизнь у меня одна, повторения не будет! Да я после своего финансово-экономического, очень модного сейчас, образования получил бы ещё и гуманитарное, к нему меня всегда тянуло. И ушёл бы из своей мутной сферы. Я ведь когда в эту клинику ложился, своим на работе соврал, будто лечу на Канары! Чтоб не звонили. А то начнут грузить новостями...

— Полагаешь, в гуманитарной сфере ты был бы успешнее?

— Не знаю. Да это и неважно. Я бы прожил другую жизнь. Понимаешь? Другую! Свою, а не чужую. А всё то, что у меня сейчас, — чужое, мне в нём тесно, тошно, хотя, конечно, денежно... Возможно, вот этот дисконфорт и послужил, как сказал бы мой сопалатник *Профессор*, «спусковым механизмом».

— А что врачи? Обнадеживают?

— Разумеется. Особенно — заведующая отделением. Не знаю, религиозна ли она, но её лицо, жесты, спокойная, даже деловая манера вести разговор словно бы говорят тебе: всё преодолимо, главное — душевное равновесие, и помните: что бы ни случилось, душа ваша бессмертна.

— Но ты-то, насколько я знаю, атеист.

— Я в этом и раньше не был уверен... А теперь время от времени слышу в себе диалог двух своих субстанций — Ума и Души. Он ей трезво и сурово о том, что со мной, их носителем, происходит: «Ничего с ним необычного, это логика конца». Она же упрямо не соглашается: «Но я-то живу по другим законам, моя жизнь лишена логики». Так, может быть, она права в своём неприятии «конца», если, как утверждают, она бессмертна?.. Возможно, она и есть та частица Высшей силы, рассеянная в человеческом сообществе, о которой говорил в палате *Профессор*.

Мне пора было уходить. Вадим провожал меня к воротам, когда под каштаном зазвучал знакомый лекторский голос. *Профессор* (всё в той же клетчатой пижаме с оттянутыми карманами) шёл навстречу не один — рядом с ним, цокая каблучками, семенила девушка в чёрной юбке и красном жакетике. Судя по всему, это была звонившая ему аспирантка.

— Духовность не исключает гедонизм, — громко объяснял своей спутнице *Профессор*. — Даже включает в свой арсенал понятие «удовольствия» как «удовлетворения», когда речь идёт, например, об излечении людей от эгоизма, разрывающего тонкую ткань человеческих отношений...

Он не заметил нас, так был увлечён своей речью.

У ворот, возле будки охранника, где мы прощались, Вадим, сказал: — Почему-то все верные проповеди почти всегда отдают прекрасным духом... Да разве заставили бы они тех же родителей *Студента* восемь лет назад прекратить полугодовое испытание своего сына судебной тяжбой?.. Но про «тонкую ткань» *Профессор* сказал точно. Она ведь настолько тонка, что вот уже, казалось бы, в ключья разорвана, а мы этого не видим...

Игорь ГАМАЮНОВ

ЖИТИЁ-БИТИЁ

Земные неприятности

На роскошном рыбном рынке в Хельсинки Гриша Горин нагнулся к моему уху и прошептал: «То, что от нас люди уезжают, понять можно. Но почему от нас вся рыба уплыла?»

Не в рыбе же дело! Если вы думаете, что переехать из Сызрани в Люксембург — решение проблемы, вы заблуждаетесь. Вопрос стоит гораздо шире. Мне иногда кажется, что я не туда попал, не на ту планету.

Как точно известно из гороскопа, мировая война начнётся 5 февраля 2043 года. Причём ровно в полдень, так что вы успеете позавтракать. Я к тому клону, что как только позавтракаете, тут же немедленно валите с этой несурьезной планеты, она не годится, чтобы на ней жить.

Нет, кое-какие достижения есть. Например, в Техасе научились из огурцов делать помидоры. В Дубае физики-ядерщики припаяли к самому аппарату компьютер. Добрая весточка пришла из Центральной Африки, из племени людоедов: оказывается, не так уж много людоедов и едят, успокоил нас смелый путешественник Сундаков. А в Монако так и вовсе государственный оркестр гораздо больше, чем вся армия государства.

И тем не менее, чтобы жить на этой планете, подходящих условий нет. Например, в Москве почти невозможно найти урну, чтобы бросить в неё окурки. В Зимбабве закончилась бумага, на которой неустанно печатали деньги. Искусство планеты так и вовсе безнадежно уперлось в «Чёрный квадрат» Малевича. Казимир Северинович не успел человечеству объяснить, что никакой это не супрематизм, что он просто нарисовал экран выключенного телевизора.

И в чём ведь ещё трудность — на этой планете опасно быть руководящим работником. Из 73 римских императоров было весьма насильственно свергнуто 48. А затем под варварами и сама империя рухнула. В преддверии Февральской революции в России террористы и любители митингов убили премьер-министра, двух министров МВД, 33 генерал-губернаторов и вице-губернаторов, 16 губернаторов, а всего было совершено 263 кровавых акта. Вот такая горемычная судьба у здешней номенклатуры.

Что касается экологии, то тут уж и вовсе запредельно — даже океаны мелеют. Недра планеты люди опустошили добычей полезных для себя ископаемых, под поверхность Земли теперь гигантские пустыни, куда проваливаются целые поселки. То есть происходит сущий суицид планеты.

И о безнадежном! Даже столь плохонькая жизнь на планете Земля, как я понимаю, долго не протянется. Уже 37 процентов мужчин от 45 лет до 60 лет вообще не ведут половую жизнь, присучила она им. Таким путём в недалёком будущем на Земле людей, выходящих, вообще не останется — ведь с чьего бы? Правда, в долине реки Амазонки нашли каких-то насекомых, у которых самки прекрасно размножаются без участия самцов. Но это сколько же надо ждать, пока люди превратятся в насекомых?

И всё-таки жить надо! Но не здесь. А где? Куда драпать-то?

А на Марс! На Марс, совершенно точно вам говорю, жизнь есть. Там две старушки-вековухи — Королева Нина Михайловна да Соколова Анна Александровна покуда обитают. А вот «жених» Иван तो осенью на 82-м году жизни помер, хотя и помоложе их был. Впрочем, у бабушки для общения есть ещё и коза Фросячка. Такая, значит, деревушка под названием Марс неподлабку от Нижнего Новгорода, такая уж какая-никакая жизнь на Марсе. А вот в 20 000 деревьев никакой жизни не стало, совсем никакой там уже нет, даже козы Фросячки.

Подсказывают выход из положения: никуда не уезжать, приспособиться здесь, научиться справляться с земными неприятностями. Вот в стране Бутан научились. Астрологи там, например, предсказывают своим гороскопом какое-то неблагоприятное событие на сентябрь. Так этот месяц специальным государственным указом в стране отменяется. В прошлом году в Бутане не было ни одного сентября, зато — сразу два августа. Видать, на август гороскоп пообещал что-то хорошее. Из Бутана и уезжать-то никуда не надо.

Конечно, с нашей планетой кое-что не совсем ясно. Помнится, в космос послали аппарат со сложнейшей техникой, чтобы узнать: есть ли хоть какая-то жизнь в созвездии Кассиопеи? Аппарат слетал, сообщил: в созвездии Кассиопеи никакой жизни нет. Тогда его перенацелили на осмысление планеты Земля. Сложнейший космический аппарат добросовестно сообщил: на планете Земля никакой жизни нет.

Только не спрашивайте меня, почему мы все до сих пор живы? Я не знаю. Вполне возможно, нас тут просто нет.

Эдуард ГРАФОВ,

местный житель

КНИЖНЫЙ РЯД

Виталий ЕРЁМИН. Судно болото. — М.: Детектив-Пресс, 2011. — 284 с. — 1000 экз.

В этой публицистической книге живописно представлен приволжский город, в котором идёт ожесточённая война молодёжных банд. Конечно, памятный читатель вспомнит о знаменитых в недавнем прошлом казанских группировках; корректно поминает их и автор, подчёркивая, что исто-

А правосудие дремлет...

действия в его книге — не Казань, а некий «город Энск». И правильно делает — многие наши города типа Люберец и сёла типа Кушёвки страдали и страдают от засилья ОПГ, молодёжных и немолодёжных. Но молодёжных, наверное, страшнее — недоросли легче впадают в беспредел, жизнь в их глазах имеет меньшую цену, чем в глазах взрослого. А невежество приводит к тому, что для них нет святых, они могут и гадить у Вечного огня, зажжённого в городе в честь павших героев Великой Отечественной, и сжечь на этом огне человека.

Виталий Ерёмин искусно показывает читателю, что внешне «бессмысленная и беспощадная» молодёжная преступность искусно направляется закулисами кукловодами, выполняющая кроме всего прочего и камуфляжную функцию. Террор уличных банд прикрывает «пятую власть» — так в романе называются наркоторговцы. Определение это очень точное: денежные потоки в наркобизнесе таковы, что позволяют легко подкупать представителей всех остальных ветвей власти.

И ещё писатель напоминает о том, что родители нынешних

недорослей — поколение, половозное, запущенное и разращённое. Во многих семьях уже нет людей, способных направить юных отпрысков на верный путь. Но если в рецензируемой книге, как и во множестве других, так или иначе разбирается «кто виноват?», то другой сакраментальный вопрос — «что делать?» — повисает в воздухе. Разумеется, повествование завершается если не хеппи-эндом, то внушительным успехом сил добра, но приводит к этому героическая борьба немногих одиночек.

И всё-таки к какому-то выводу писатель читателя подталкивает, пусть не в открытую, не прямо. Почему-то у нас о «праве человека» больше говорят тогда, когда следователи нарушают правила ведения следствия или когда тюремщики грубо обращаются с заключёнными. Но не тогда, когда речь идёт о жертвах этих самых подследственных и заключённых и о родителях убитых, искалеченных, изнасилованных ими детей. Современная шпана хорошо знает свои права. И не боится зоны. А смертная казнь

в отличие от амнистии, помилования и досрочного освобождения отменена.

Один из главных героев повествования, сидя в тюрьме за убийство, которого он не совершал, вспоминает из Библии рассуждение о том, что убийца должен быть лишён жизни. Так совпало, что после прочтения этой книги я слушал новости. В них сообщалось: пьяного водителя, который насмерть задавил двух студентов, стоявших на остановке, и покарлил ещё нескольких, приговорили лишь к семи годам.

Причём подавалось это как торжество правосудия...

Юрий КОНСТАНТИНОВ

Рапсодия любви и законы коммерции

Анатолий Горохов — поэт-песенник, оперный и эстрадный певец, музыкант, радиоведущий... Как не расспросить его о дружбе с Муслимом Магомаевым, которому 19 августа исполнилось бы 70, о работе в эфире, о вчерашнем и сегодняшнем дне легкой музыки?..

Муслим Магомаев и Анатолий Горохов

— Анатолий Сергеевич, первую песню вы написали, когда учились в консерватории?

— Нет, там я только решил опубликовать стихи в стенгазете, да и то под псевдонимом Анатолий Волгин. Я же с Волги! Хотя друзья, конечно, знали, чей это псевдоним. Стихи пишу с шести лет, но показывать их, а тем более публиковать — стеснялся. Как-то показал маме, а она сразу: «Откуда сплелся?» Это уж потом, на радио, я встретился с композитором Виктором Купривичем, он по консерваторской ассоциации знал, что я пишу, и предложил вместе поработать. Такое же предложение сделал мне Юрий Стрелинский. Мы с ходу написали две песни — «Оттепель» и «Песня туристов».

— Оттепель — остроактуальная тема по тем временам.

— Это чуть не повредило песне. Повесть Эренбурга к тому времени уже вышла и о политической «оттепели» уже шли разговоры. На худсовете возник шум: «Ну сколько можно? Опять эта «оттепель», опять эти ассоциации. Не хватит ли?» Тогда встал Юрий Визбор: «У вас мания преследования. Там про «оттепель» в политическом смысле ничего нет, это явление природы, а вам всё мерещится на мёки». Мои песни всегда успешно проходили худсовет, кроме одной — «Магелланы». А худсоветы дряни не принимали... Но это я забегая вперед. Первые песни были добротными, за них не стыдно, но шлягерами они не стали.

— А первый ваш шлягер назывался...

— «Эхо», которое замечательно спел вокальный квартет «Акорд». Композитор Женя Стихин (ученик Шебалина, замечательный мастер) так и сказал сразу: «Ребята, шлягер, поздравляю!» Чуть позже, ближе к зиме, с «Акордом» мы написали «Пингвинов»: «В Антарктиде льдины землю скрыли...» Обе песни зашли в народе, они вошли в число лучших песен года по письмам слушателей. По радио в «Доброе утро» последняя передача декабря была посвящена лучшим песням года.

— С письмами всё было по правде?

— Да, это был честный показатель. И справедливы: «Эхо» и «Пингвины» и впрямь получились интереснее наших первых песен. К тому времени мы познакомились с Муслимом и сразу с ним сроднились. Слишком многое нас объединяло:

любленность в оперу, итальянскую и русскую, вкусы в современной легкой музыке. А главное, конечно, родство душ.

Отец Муслима погиб в последние дни войны, мой отец — вскоре после Победы в Германии, в производственной командировке. Муслим, как и я, не был деловым человеком. В те времена вообще люди всё-таки меньше думали о деньгах, но мы и на том фоне выглядели думсбренниками. Старались заниматься тем, что нам интересно, не зависели от конъюнктуры, жили музыкой... Не измеряли успех квартирами, машинами, жили непринужденно. Помню, в консерваторском общежитии у нас в комнате был общий котёл. Туда мы складывали все стипендии, мою пенсию, все «халтурные», сколько у кого было, — и покупали на всех треску горячего копчения, конфеты «Кавказские», хлеб... Вот и с Муслимом у нас был общий котёл, мы не считали, где чьи деньги.

— Легко было сотрудничать с другом и единомышленником?

— Мы работали одержимо, оттачивали каждую песню. Ко мне обратился Бабаджанян: «Толя, давай напишем с тобой песню, но, знаешь, потулее. Это нравится публике».

— Чем пошлее, тем башлее.

— Да, это Лёни Дербенёва афоризм. Он как раз в те времена опубликовал его в «Коридоре радио». И вот Арно сел за инструмент и заиграл, напевая: «Та-та-та-та, моя Маруся!» Просто безобразие какое-то, ни один худсовет не примет, да я и сам не принял бы. Но за работу я взялся и написал сюжетную песню. Надеюсь, без душка». Я почти всегда пишу, чтобы сюжетец был и поворот в конце — репризка какая-нибудь. Там у меня была девушка-экскурсовод, герой в неё влюблялся и становился постоянным посетителем музея. Одним словом, чушь собачья. Показал я песню Арно — ему понравилось. Текст с мелодией совпадает, поётся легко. А мне неохота такую песню выпускать!

— А по переулкам как раз бродило лето...

— Эта строчка пришла не сразу. Очень хотелось, чтобы песня получилась «из ряда вон». И вдруг, как в романах, я увидел в киоске журнал с яркой обложкой — то ли советский, то ли соцстрановский. Смотрю: ба, на обложке — полуголая мулатка, ко-

ролева красоты. У нас тогда конкурсы красоты не было, а на Кубе они проводились. Купил, прочитал про этот конкурс и подумал: каждый человек рано или поздно влюбляется, а его любимая девушка, его идеал, для него становится королевой красоты. Она для него прекраснее всех. Раз влюбляются все, то это и будет песня для всех. Пока сочинял эти стихи, Муслим часто бывал у меня. И я «опозитировал» мелодию на его глазах. В июле мы записали песню, а в августе её уже играли на всех танцплощадках, в чём я убедился, отдыхая в Мисхоре.

— В те годы поэты-песенники пробовали себя и в жанре художественного перевода. «Белая ча», «Я дам тебе больше» — все эти популярные песни звучали в вашем переводе.

— Тогда так было принято: если иностранная песня — непременно нужно перевести на русский хотя бы один куплет и припев. Из этих песен Муслиму больше всего нравилась «Любовь, прости меня». Он так радовался строкам: «Прости, что вечер так тревожно тих. Прости, что стынет на губах моих слеза твоя...», обнял меня... Эти слова совпали с его настроением, с его восприятием этой итальянской мелодии. Она прозвучала в нашей передаче «До ре ми фа соль» и на многих концертах Магомаева.

— Вокруг вашей радиопередачи крутилась вся эстрадная жизнь...

— Я всё и готовил популярную музыкальную передачу «До ре ми фа соль», которая выходила по воскресеньям. И у нас сложилась традиция, за которую миллионы слушателей были мне благодарны: каждый выпуск завершалась новая песня в исполнении Муслима. Много лет мы выдерживали этот ритм.

— Вы ведь сотрудничали ещё и с композитором Магомаевым...

— Он с первого выступления стал фантастически популярен, все поняли, что на сцену, на эстраду пришла личность с большой буквы. При этом он, зная себе цену, бывал стеснительным. Никакого нахальства! Вот Арно предлагал нам перейти на «ты». Я постарался Муслима, и вскоре стал называть Бабаджаняна на «ты», а Муслим так и не сумел. И до конца почитательно обращался на «вы» к композитору, с которым дружил и записал десятки песен. И вот однажды как-то смущенно в зале Чайковского Муслим сыграл мне на рояле красивую мелодию. «Ты знаешь, а ведь это я сочинил, ещё в детстве. Как ты думаешь, может что-нибудь получиться из этой мелодии?» Так родилась первая песня композитора Муслима Магомаева — «Соловьиный час». Мне приятно, что он записал её по-новому незадолго до ухода. Первая песня не забывается. Потом мы написали «Шахерезаду» — песню, полную восточных мотивов. Муслим красиво выпевал изящную витиеватую мелодию. Эта песня надолго осталась в его концертном репертуаре.

Единственный раз в жизни Муслим написал и спел лезгинку — «Ревнивый Кавказ». Лезгинка обычно звучит воинственно, агрессивно, а мы сделали лезгинку наоборот — добрую, ироничную: «В небе высоко скрыли тебя облака, чтоб не смотрела ты на меня свысока».

— Сейчас это чуть ли не самая популярная лезгинка — её поют и не знают, что автор — знаменитый певец.

— На этом мы не остановились. Были ещё драматичная «Тревога рыбацки», шлягерная «Далёкая-близкая» — «Ты и за тысячу три версты для меня близка». Мне кажется, Муслима недооценивают как композитора. Однажды он написал песню, фонограмму оркестровую записал. Слушаю: удивительно красивая мелодия, всё сделано блестяще. Мелодия запева является контрапунктом к мелодии припева, можно одновременно пускать. Я всем композиторам приводил эту песню Муслима как пример композиторской техники.

— Ну, неслучайно же Муслима Магометовича приняли в самый малочисленный и престижный творческий союз, куда безуспешно стремились многие именитые композиторы...

— В коридоре на радио он меня спросил: «Понравилось?» По моим глазам было видно, что понравилось. Написи песню. Потому что, если ты не напишешь, я этот ролик сейчас раскачу по коридору к чёртовой матери... Я увидел, что у него в глазах слёзы, он не шутил. Оказывается, уже и в Баку, и в Москве на эту мелодию писали стихи — но они не подошли Муслиму. Роберт Рождественский сказал ему: «Ничего, привыкнешь». Но песня эта ему была дорога, он не стал привыкать и пришёл ко мне. У меня получилась история автобиографическая — воспоминания о моей первой консерваторской любви. Запева я написал в прозе, это была неожиданная форма. Только припев в стихах. У Муслима выразительно получались речитативы. В речитативе — основная содержательная часть: на фоне его музыки читается неотправленное письмо. «Не стоит посылать писем в прошлое. Прощай». И — взлёт, кульминация, фортиссимо. Прямо слезу вышибает. Песня называлась «Рапсодия любви». Вообще почти всё, что я написал, — это истории о любви.

— А потом вы стали голосом полуночного радиовещания...

— Как-то возвращаюсь из отпуска, и меня огорчили: «У нас большие перемены в большой политике! Перестали глушить «Голос Америки», а они нас. И теперь нужна конкурентоспособная передача, потому что с того берега вешает музыкальный комментатор Коновер. Его будут свободно слушать, а нам бы не хотелось». А незадолго до этого я выиграл международный конкурс музыкальных радиорежиссёров — точнее, дуэль с венгерским коллегой. Я первым из советских музыкальных комментаторов стал говорить о себе не «мы», а «я». Для передачи «После полуночи» именно такая интонация и была нужна. Резонанс получился огромный, Коновера удалось «перевести», я получил мешки писем не только из СССР. И вдруг случилась беда с Муслимом: его стали снимать с эфира.

— Всеобщего любимца? В недалёком будущем — самого молодого в истории народного артиста СССР?

— Дело в том, что Днепротетровская филармония тогда села на мель. Счёт арестован, гонорары не выплачиваются... Они обратились к Муслиму: «Выручайте, у нас голодные дети плачут! Положение спасут только ваши сольные концерты на стадионе!» Выступать на стадионе — это каторжный труд: в зале ты чувствуешь отдачу, а тут — как в прорву. От тебя ушло — и не вернулось. Это тя-

жело, поэтому за выступления на стадионе ставка утряхивалась. И Муслим вполне по закону получил крупные суммы. Никакой его вины не было! Пока в этом разбирались — его «закрыли». Мы это связывали ещё и с кознями Кухарского — зама Фурцевой, который в отличие от неё не благоволил к Магомаеву. Эта ситуация меня взбесила. И тут меня пригласили на Ленинградское телевидение — там готовилась большая передача о моей работе, «Дела полуночные». Оказалось, что они ещё не знали об опале Магомаева! И я пригласил на запись Муслима. А передача транслировалась на весь СССР! Это было в телевизионном театре на Петроградской стороне, где пел Шалалпин. Ковровая дорожка, столики, массовка... Я вхожу с песней. Камера держит меня. Я рассчитал, что песня закончится у моего столика. Раскланялся, сел — и камера взяла столик, за которым сидел Магомаев. Как рвался в кушак! И я задаю ему вопрос: «Слушатели «После полуночи» в последнее время постоянно спрашивают: куда девался Магомаев? Я надеюсь, что наши слушатели сегодня являются с нашими телезрителями». Муслим ответил: «Я — студент Бакинской консерватории, сейчас прервал гастроли и готовлюсь к экзаменам». Это правда: он воспользовался паузой в выступлениях и окончил консерваторию. «Но сегодняшним вечером у вас свободен? Так спойте для нас!» И начался великолепный концерт Магомаева на всю страну!

— Сегодня такое самоуправство в эфире вряд ли возможно: «за всё заплачено».

— Двадцать лет назад коммерция одержала победу над музыкой и над самим жанром песни. Конечно, и раньше не всё было талантливо и ярко, но пресловутые худсоветы поддерживали высокий профессиональный уровень песен. И талантливый человек мог пробиться к слушателю. И пробивались! На эстраде были личности, несмотря на давление идеологии, доходившее подчас до идиотизма. Много ли вы знаете композиторов, которые появились в последние двадцать лет? А поэтов-песенников? Мы стали не нужны. Помните, как раньше говорили, если понравилась новая песня? «Спиши слова!» Вы заметили, что в последние годы на концертах и по радио редко объявляют авторов песни? Мы никому не нужны. И музыка стала обезличенной. А ведь песня была плодом творчества трёх авторов: поэта, композитора и первого исполнителя. А нередко бывало, что и второй или четвёртый исполнитель привносил в песню что-то новое, создавал свою оригинальную трактовку.

Никому не нужны и настоящие певцы. Никому не нужно, чтобы певец совершенствовался, чтобы старался преподнести песню. Зачем эти хлопоты? У шоу-бизнеса другая цель: зарабатывать деньги. Чем быстрее, тем лучше. Это гибель для жанра. И неслучайно все эти годы мы практически не видели на эстраде Муслима. Он ушёл в Интернет, где чувствовал себя свободным, а подчиняться законам коммерции не мог. Сегодня эфир заполнен коммерческой продукцией, которую забывают через месяц, самое большое — через два. Я вижу в этом осознанное обольвание публики.

Беседовал Арсений АЛЕКСАНДРОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

представляет:
книжная коллекция

Узнай все тайны первым!

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Новый том — в продаже
каждую среду!

В киосках печати
Москвы и Московской области.

с 8 августа

99*
руб.
за одну
книгу

Тибетский гамбит
А.П. Редько

Жизнь автора этой книги так же непредсказуема и романтична, как у героев Фенимора Купера и Жюль Верна. Знаменитый путешественник и действительный член Русского географического общества, профессиональный врач-спасатель, участник экстремальных экспедиций в «затерянные миры» нашей планеты, посвященный шаман Алтая, Монголии, Камчатки и Тропической Африки, Александр Петрович Редько мог бы похвастать (хотя никогда этого не делает) тем, что является членом тайных магических братств нескольких континентов.

Загадки 11 сентября. Почему упали башни?

В.И. Королёв

Кровавые события 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне, обернувшиеся гибелью тысяч людей, транслированной средствами телевидения на весь мир, не просто потрясли человечество. Подобно катастрофам древности, эти события породили самые настоящие мифы о борьбе мирового Зла с мировым Добром...

с 15 августа

Карфаген. «Белая» империя «черной» Африки

А.В. Волков

Столица великой державы финикийских мореплавателей, владычествующей Средиземного моря, от нынешней Испании до берегов Палестины, — вот чем была Карфаген два с половиной тысячелетия назад. В непримиримом, многовековом противостоянии не менее великому сопернику — Риму — он был повержен и беспощадно уничтожен...

с 22 августа

Граф Сен-Жермен — хранитель всех тайн

П. Шагорнак

Его считали аферистом и лунолом, который дурачит простонародье по всей Европе, пользуясь покровительством ее легковесных правителей. И в самом деле, как иначе мог воспринять «просвещенный» XVIII век человека, заявлявшего, что он знал Понтия Пилата и встречался с Иисусом Христом? Другие верили, что Сен-Жермен — настоящее адепт алхимии и мудрый маг...

с 29 августа

Соберите всю коллекцию из 45 томов!
Подробности на www.lgz.ru

Дорогие читатели,
если вы не успели купить нужный вам том
в киосках печати, то вы можете приобрести его
по адресу: г. Москва, ул. Щепкина, д. 47, стр. 1

Телефон для справок: (495) 688-87-75
E-mail: osypkina@mediainfogroup.ru

*Рекомендуемая цена во всех киосках печати Москвы и Московской области

Проект музейного комплекса «Новый Иерусалим»

Напрямую министру

На сайте Министерства культуры Московской области www.mk.mosreg.ru заработала интерактивная приёмная министра культуры Московской области Антона Губанова. Теперь любой житель Подмосковья, заполнив минимальные данные о себе, может отправить письмо напрямую министру.

Новая форма обращения позволит каждому желающему высказать свои идеи или пожелания по развитию территории культуры Подмосковья, а также оперативно сообщать министру о любых нарушениях, связанных с сохранением памятников культуры в Московской области.

«Нам интересно любое мнение, любая информация. Кстати, понятие «культура» не ограничивается только памятниками, культурными институтами и событиями в области культуры. Ведь есть ещё и культура поведения, бытовая и языковая культура. Это тоже государственные вопросы», — сообщил Антон Губанов.

День Дарителя

Министр культуры Московской области Антон Губанов предложил организовать ежегодную музейную акцию «День Дарителя».

Акция «День Дарителя» будет способствовать не только значительному пополнению музейных коллекций, но и вовлечению меценатов, коллекционеров, ценителей искусства и всех жителей Московской области в орбиту подмосковных музеев. Кстати, «День Дарителя» уже не первый год успешно проводится Государственным историко-литературным музеем-заповедником А.С. Пушкина в Больших Вязёмах. Теперь акцию решено организовать в области повсеместно.

«С одной стороны, речь идёт о популяризации музеев, продвижении музейной идеологии. С другой стороны, мы хотим дать возможность людям поучаствовать в строительстве музейных коллекций. Уверю вас, очень многие готовы безвозмездно передать дороге сердцу вещи тем, кто будет их достойно оберегать и правильно экспонировать. А это могут делать только музеи», — сказал Антон Губанов.

Поможем Крыму

Министерство культуры Московской области отправило автобус с книгами и музыкальными инструментами в пострадавший от страшного наводнения город Крымск Краснодарского края. Там фактически целиком разрушена Детская школа искусств, где погибли все инструменты, и значительно пострадал литературный фонд Крымской межпоселенческой районной библиотеки.

По распоряжению министра на помощь учреждениям культуры выделено 1000 книг, в числе которых музыкальная и детская литература, и новые музыкальные инструменты, предоставленные спонсорами. Кроме того, на восстановление Детской школы искусств Министерство культуры Московской области направило 95 000 рублей.

ХРОНИКА

«Мы не могли остаться равнодушными к беде наших краснодарских коллег и друзей. Я благодарен всем, кто помог нам оперативно сформировать автобус с помощью, и надеюсь, что наш вклад поможет быстрее наладить нормальную жизнь в пострадавшем регионе», — отметил Антон Губанов.

Напомним, что в прошлом месяце министр культуры Подмосковья Антон Губанов и министр культуры Краснодарского края Наталья Пугачёва подписали соглашение о сотрудничестве двух регионов в сфере культуры.

Летний хит Подмосковья

Лето в детской библиотеке традиционно считается «тихим сезоном»: ребята разъезжаются к бабушкам-дедушкам, на моря, в лагерь отдыха. Но Московская областная государственная детская библиотека и Российская государственная детская библиотека сломали стереотипы о летнем чтении. И если читатель летом не приходит в библиотеку, то она сама едет к нему на библиотеке! Сотрудники МОГДБ и РГДБ разработали уникальный выездной проект «Летний хит! Читальня». Суть этого проекта кратко можно обозначить так: коллектив

МОГДБ проводит викторины, обзоры, мастер-классы, выставки, приглашает писателей, устраивает конкурсы, задействуя все возможности библиомобиля, который предоставляет РГДБ.

«Первой остановкой библиотеки на колёсах стал оздоровительный лагерь «Орлёнок» городского округа Коломна, а потом чудо-машина отправилась в Дмитров. Библиомобиль КИБО (комплекс информационно-библиографического обслуживания) оснащён интерактивной доской, проектором, имеет выход в Интернет. Машина может работать как площадка для проведения семинаров, встреч с писателями, презентации новых книг», — говорит министр культуры Московской области Антон Губанов.

Творческая программа библиомобиля разделена на две части: до обеда — работа с младшими отрядами, после — со старшими школьниками. «Героями дня» становятся приглашённые детские писатели, приезжающие на библиомобиле.

Программа «Летнего хита» постоянно обновляется и совершенствуется. Например, к 200-летию юбилея Бородинского сражения специалисты МОГДБ подготовили для ребят мероприятия, связанные с этой датой. Юные дмитровчане участвовали в конкурсе чтецов стихотворения «Бородино» М.Ю. Лермонтова, давали определения «заковыристым» словам — «кивер», «картечь», «булат» и другим, рисовали доблестных солдат Российской армии, узнали много интересных фактов о главном сражении 1812 года.

Реконструкция музея

Завершения реконструкции здания Муниципального бюджетного учреждения культуры «Шаховской районный историко-краеведческий музей» с нетерпением ждут жители и гости Шаховского района. Ведь ежегодная посещаемость музея — единственного в районе — составляет около 11 тысяч человек. Новые выставочные и экспозиционные площадки примут не только коллекции Шаховского музея, но и выставки других подмосковных музеев. Строительство вместительного фондохранилища расширит возможности формирования новых коллекций, а лекционный

и читальный залы будут оснащены современным мультимедийным оборудованием, что позволит проводить там мастер-классы, курсы, лекции, семинары и конференции. Общая площадь внутренних помещений — 596,45 кв. м. Кроме того, к зданию примыкает открытая галерея для проведения выставок изделий местных мастеров прикладного творчества и художников.

«Мы планируем помочь муниципальным властям завершить ремонт этого объекта культуры. Нужно активно поддерживать тех руководителей, которые понимают значение культуры и мужественно отстаивают её интересы», — сказал Антон Губанов.

Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Шаховской районный историко-краеведческий музей» до недавнего времени располагалось в небольшом одноэтажном деревянном здании на площади 171,3 кв. м. Из 9000 предметов музея 3074 — федеральная собственность и включены в Музейный фонд Российской Федерации. В их числе — коллекция предметов крестьянского быта начала XX века, письма шаховчан (начала — середины XX века), воспоминания участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла, материалы Бухоловского волостного правления Волоколамского уезда (конца XIX в. — начала XX в.), документы фондов чиновника Смирнова Е.А. (1903–1934 годы), слушательницы Высших женских курсов Казамановой С.А. (конец XIX в. — начало XX в.) и другие экспонаты.

Подготовила Анна КАСАТКИНА

ПЕРВАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Битва при Москве-реке

В Париже на могиле Наполеона в Доме инвалидов мне сразу бросилась в глаза надгробная плита, где среди географических названий, обозначающих славные битвы Бонапарта, я увидел надпись латиницей «Москва».

— Но ведь битвы за Москву не было, город просто оставили, — сказал я экскурсоводу.

— Здесь перечислены не города, а реки, на которых состоялись великие сражения, — ответила она.

И тут до меня дошло, что рядом с Бородинским полем течёт река Колочь, впадающая ныне в Можайское море, а у французов эта битва считается, конечно, битвой при Москве-реке. Что им там вычитать 8–10 километров от Колочи до Москвы-реки.

Впрочем, и польско-литовское нашествие, которое тоже прокатилось 400 лет назад через Можайск и Бородино, и наполеоновские атаки всей Европы 200 лет назад, и фашистское наступление осенью 1941-го — всё это можно назвать битвами при Москве-реке.

Как же встречают Россия и Подмосковье славный день Бородина, а более широко — 200-летие победоносной Отечественной войны 1812 года?

Над Семёновскими флешами и Спасо-Бородинским монастырём плыли кучевые облака погожего дня, под которыми прямо на ветру веков собрались писатели на свой выездной пленум накануне главной сиюшней даты Года истории — юбилея Бородинского сражения. Но до Москвы-реки Наполеону надо было ещё дойти. В июне 1812 года наполеоновская армия, концентрировавшаяся на территории Германии и Польши, перешла Неман и вступила на литовско-белорусские земли, которые принадлежали России. Не имея превосходства в силе, русские войска начали отступать на восток, оставляя врагу выжженные земли. В последние годы благодаря художественным фильмам, особенно польским, и некоторым книгам та пора многим кажется невероятно романтической. Галантные французские, дамские интриги, свидания и парады. Однако обольщаться не стоит: многие современники считали Наполеона воплощением дьявола, в планах которого было целенаправленное уничтожение славян и русского народа. Война 1812 года резко отличалась от предыдущих войн. Кроме мощнейшей пропагандистской поддержки с помощью прессы, книг, фабрикаций слухов, наглядной агитации в картинках, которые вешались на забор для простых людей, словно аналог нынешнего ТВ, была проведена крупномасштабная финансовая афера. В экономикой противников Наполеона России, Англии и Австрии вбросили огромное количество фальшивых денег. Для

дестабилизации финансовой системы врага их выпускали и раньше, но впервые это приняло такой масштабный характер. Дело поставили с размахом: работали два печатных двора в Париже и два в Варшаве. Оборотывали даже специальную «пыльную» комнату, в которой свежие банкноты возили по грязному полу, прилавочная им вид бывших в обращении. Во время оккупации типографию для рублей открыли прямо в Москве, на Рогожской Заставе, во дворе старообрядческой церкви. Рубль начал трещать по швам. Генеральный контролёр главного управления ревизии доносил императору Александру I: «Войны Вашей бабушки были игрушкой в сравнении с нынешними... Вы должны остановить эмиссию». Однако незнание французами русского языка привело к забавной путанице букв: «госуЛарственной» вместо «государственной» и «хояЛчей» вместо «ходячей». Но среди неграмотных и такие ошибки сходились в силу. Спрашивается: а как же выстояла экономика России после такого огромного вливания ничем не обеспеченных денег? Очень просто. Россия быстро выиграла войну, и фальшивки просто не успели в достаточном объёме распространиться. Перед Рождеством последний купант был вышвырнут за пределы России. Сыграл свою роль и такой фактор — в стране, особенно среди крестьян, царил натуральный отношения, бумажных денег многие отродясь не видели. Коровы, главное богатство крестьянина, стоила от рубля до двух, ведро водки — 30 копеек,

а Наполеон выпускал купюры по 25, 50, 100 рублей. Где ж такую ассигнацию разменять? В той же Белоруссии и Литве солдаты уничтожали сады и огороды, убивали скот, уничтожали посевы. Причём военной необходимости в этом не было никакой, то были просто акции устрашения. Как писал Евгений Тарле: «Разорение крестьян проходившей армией завоевателя, бесчисленными мародёрами и просто разбойничавшими французскими дезертирами было так велико, что ненависть к неприятелю росла с каждым днём». Потому-то и стала война Отечественной, потому и поднялась дубина народной войны.

Зарубежные историки, к которым в наше время присоединился и ряд их российских коллег, рассматривают Бородино как несомненную победу Наполеона. В результате сражения французы, мол, заняли все основные позиции и укрепления Русской армии, сохранив при этом резервы, оттеснили русских с поля сражения и в конечном итоге заставили их отступить. При этом никто не оспаривает, что Русская армия сохранила боеспособность и моральный дух. Главным достижением генерального сражения при Бородине стало то, что Наполеон не сумел разгромить Русскую армию, а в объективных условиях всей Русской кампании 1812 года отсутствие решающей победы предопределило конечное поражение Наполеона. Более того, Наполеон уже не искал открытий сражений (битва под Малоярослав-

цем была вынужденной и тактически проигранной), словно император забыл собственный афоризм: «Главное — ввязаться в драку!» Кстати, Малоярославец в этом мае удостоен звания Города воинской славы.

В окрестностях Можайска названия сёл и даже речек (чего стоить одно лишь название притока Колочи — речка Воинка!) вызывают воспоминания о войне 1812 года, и заречным громовым раскатом отзывается в душе каждого русского славное название — Бородино! Много раз я бывал здесь, снимал не одну телепрограмму о двух Отечественных войнах, прокатившихся по московским просторам, встречался с ветеранами войны, привозил друзей, юных туристов и молодых творцов, чтобы прикоснулись они к этой святой земле. В праздничные дни здесь многолюдно, торжественно, исполнено наглядной памятью. Разыгрываются театрализованные сражения 1812 и 1941 годов, на которые съезжаются историки-культурные клубы и молодёжные объединения из разных городов России и СНГ.

На берегах Колочи оживают страдания «Войны и мира». Здесь на вытоптанном жнивье под французскими ядрами стоял на Бородинском поле полковник Андрей Болконский. Сто тридцать лет спустя, в сорок первом, здесь встал смерть командир 32-й стрелковой дивизии полковник Полосухин. Века соединились. Год сорок первый повторил восьмьють двенадцатый. Только

шли на батарею Раевского, на курганную высоту не кирасиры Мюрата, не пехотные корпуса Нея, Даву, а танки и пехота дивизий СС.

Тогда, в сорок первом, в октябре, снег выпал и растаял. Стояли стылые дни и в волгом тумане горели немецкие танки — шесть дней длилось новое Бородино, и не мог продвинуться враг. Был ещё далёк путь, но в полях Подмосковья уже занялась Победа!.. Часто думаю среди этих былинных просторов о великой защитнице и вдохновительнице нашей — природе. «Пока ещё Бородинское поле поражает размахом и просторами. Кутузов знал толк в дислокации», — говорит Александр Золотарёв, замдиректора музея-заповедника. — Луга, леса, реки, овраги — всё было преимуществом Русской армии, всё работало на победу. Когда музей организовывался, так и подразумевалось: сохранить исторический ландшафт, ничего здесь не исправлять, не строить и не переименовывать. В голове не укладывалось, что найдутся желающие превратить Бородино в дачную местность».

Среди этих просторов зарождался, можно сказать, целый песенный жанр. Поэт и гусар Денис Давыдов родился 27 июля 1784 года в Москве на Пречистенке, в семье полковника Василия Денисовича Давыдова. Его отцу принадлежало село Бородино, где обычно семья проводила всё лето, и Денис с детства полюбил эти раздольные края, которые станут потом рубежами общерусской и его личной славы. «Там, на природе», — писал Давыдов в «Дневнике партизанских действий 1812 года», — где некогда я резвился и мечтал, где с любовью читывал известия о завоевании Италии Суворовым, о перекатах грома русского оружия на границах Франции, — там закладывали редут Раевского, красивый лесок перед пригорком обращался в засеку и кипел егерями... Всё переменилось!.. Глядел я, как шумные толпы солдат разбирали избы и заборы Семёновского, Бородина и Горок для строения биваков и раскладывания костров... Слезы воспоминания сверкнули в глазах моих, но скоро осушило их чувство счастья видеть себя и моих братьев своих вкладчиками крови и имущества в сию священную лотерею».

Вот образец русского офицера, русского военного семьи — вкладчиков «крови и имущества» в судьбу Отече-

ства! Не знаю, как преподают ныне в военных академиях литературу и историю, но со славных и трудных судеб гусара Петра Чаадаева, ополченца Константина Багюшкова, офицера Фёдора Глинки, генерала Дениса Давыдова надо начинать любой курс для нынешних генералов.

Вечером того же дня, когда появилась в дневнике эта сентиментально-героическая запись о воспоминаниях детства при Бородине, Багратион передал Давыдову согласие Кутузова на организацию партизанского отряда. Начался знаменитый рейд Дениса Давыдова по тылам наполеоновской армии — по знакомым, как свои пять пальцев, краям. Каждый овраг и перелесок был на стороне бывшего адъютанта Багратиона, кавалера четырёх орденов и обладателя золотой сабли с надписью «За храбрость» ещё за европейские битвы с французами. Поэт самобытного таланта, автор знаменитых гусарских песен, положивших начало целому направлению в авторской песне, он начал службу шестнадцатилетним кавалергардом, а закончил полковником в 1831 году, не имевшим ещё авторского сборника. Но повсюду читались его стихи и пелись песни. До сих пор гремит самая знаменитая из них:

*Я люблю кровавый бой!
Я рождён для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мой золотой.*

Так что сама эта живописная местность средней полосы России в окрестностях Бородина хранит живую память о битвах во славу русского оружия и вдохновляет новых поэтов, включая автора этих строк.

*Лавину битв, событий, бед
Всегда несло по Подмосковью.
Прошло сто двадцать девять лет,
И поле вновь набухло кровью.*

*И грозно встретились на нём
12-й и 41-й.
Мы снова память всколыхнём
С приливом гордости безмерной.*

*В сверканье солнца —
блеск штыков,
В заречном громе — боя давность,
Но тем прочнее связь веков
И жарче предкам благодарность.*

Александр БОБРОВ

СОБЫТИЕ

«Впереди у нас
в запасе вечность»

*Послушайте! Ведь, если звёзды зажигают —
Значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?
Значит — кто-то называет эти пловочки жемчужиной.*
Владимир Маяковский

Наверное, и сегодня мало таких, кто ни разу не слышал эти строки великого поэта. Недавно в Пушкине прошёл День поэзии, посвящённый 119-летию со дня рождения автора знаменитого стихотворения «Послушайте...». Как известно, летние месяцы Маяковский проводил в Пушкине, которые увековечил в «Необычайном приключении...». Здесь им были написаны «Портсигар в траву ушёл на треть», «Пятый интернационал», «Отношение к барышне» и многие другие известные стихотворения и поэмы.

А началась День поэзии у недавно открывшегося бюста поэта на улице Маяковского, д. 1, где представители районной администрации, директор Государственного музея В.В. Маяковского Светлана Стрижнёва и старший научный сотрудник ИМЛИ писатель Алексей Зименков возложили цветы к установленному весной памятнику поэту.

После этого состоялась встреча с учащимися 2-го Московского областного музыкального колледжа им. С.С. Прокофьева. Перед ребятами выступили начальник управления социальной политики администрации г. Пушкино Галина Хрулёва, Светлана Стрижнёва и настоятель храма Святого великомученика и целителя Пантелеимона протоиерей Андрей (Дударев), которому горожане в первую очередь обязаны появлению в Пушкине памятника поэту. Свои стихи ребятам читали поэты-пушкинцы и заслуженный артист России Александр Косёк.

Завершился День поэзии в картинной галерее «Арт-Ликор», где состоялась открытие фотовыставки, подготовленной Государственным музеем В.В. Маяковского. Поэт предстал перед собравшимися знакомым незнакомцем. Впечатление от выставки дополнил прозвучавший голос Маяковского и отрывок из фильма «Барышня и хулиган», снятого в 1918 году, где поэт талантливо сыграл главную роль.

Затем сцена была отдана актёрам городского театра «Розыгрыш». Руководитель Пётр Кузнецов с большим успехом прочёл несколько стихотворений, Евгений Лукашевич исполнил песни на стихи поэта, а Анна Ефимова прочла «Прозаседавшихся».

А затем началось неожиданное. Сидящим в зале было предложено самим почтить Маяковского. Среди тех, кто вышел на сцену, были школьный учитель, бизнесмен, хозяйка арт-салона и преподаватель лицея. Надо сказать, все они справились с заданием на «отлично». А это значит, что и сегодня стихи поэта в нашей стране читают и любят.

И ещё одна неожиданность была связана с появлением в галерее известного в городе фольклорного ансамбля «Веснянка», который попробовал соединить поэзию Маяковского с русскими танцами. Стихи под весёлую музыку читал Пётр Кузнецов.

Павел АЛЕКСЕЕВСКИЙ

ГОД ИСТОРИИ

«Буду помнить до последнего издыхания...»

Малоизвестная сегодня русская деревня Волоочаново в XIX веке представляла собой довольно крупное село Волоколамского уезда Московской губернии.

По данным генерального межевания 1805 года, «земельный надел» села Воскресенского Волоочаново с селцами Борисовкой, Малиновкой, Рябиновкой, хуторами Варваринским, Васильевским, Сергиевским, Борисовским составлял по всей окружной меже удобной и неудобной земли 6352 десятины 484 квадратные сажени, а за исключением неудобных мест удобной земли 6314 десятин 1399 сажени. В село входило 210 дворов, в которых проживали 734 мужчины и 819 женщин.

Широко раскинулось село Воскресенское Волоочаново, широко — по-русски. Повезло сельчанам с хозяевами села: Шереметевы, Римские-Корсаковы, Голицыны. Эти знаменитые русские фамилии в своей жизни слышал, наверное, каждый русский человек. Как слышал он и фамилию знаменитого русского композитора П.И. Чайковского.

Так сложилось, что семья Надежды Филаретовны и Софьи Карловны фон Мекк на долгие тринадцать лет стала опорой композитора.

Надежда Филаретовна фон Мекк осталась вдовой с огромным капиталом — акциями, земельными угодьями, домами в России и Франции и дочерью Софьей.

К тому моменту 36-летний Пётр Ильич Чайковский был профессором Московской консерватории, автором двух опер, балета и трёх симфоний. Однажды он получил письмо от незнакомки. Дама извещала композитора о том, что её семья намерена ежегодно посылать ему по 6 тысяч рублей, чтобы он не отвлекался на побочные заработки и мог спокойно творить.

Село Воскресенское Волоочаново было куплено семьёй Римских-Корсаковых в 1894 году.

О Волоочанове много вспоминал и оставил свои мемуары А.А. Римский-Корсаков, которые частично опубликованы в первом томе «Переписки П.И. Чайковского с Н.Ф. фон Мекк» (издание 2007 года).

Софья Карловна Римская-Корсакова была замужем за Алексеем Александровичем Римским-Корсаковым, который находился в родстве с Петром Ильичом Чайковским.

И так уж распорядилась судьба, что искренняя помощь семьи фон Мекк в наиболее тяжёлый период творчества Петра Ильича Чайковского приходится на то время, когда семья Римских-Корсаковых жила в селе Воскресенское Воло-

С.К. фон Мекк (Римская-Корсакова)

П.И. Чайковский

Н.Ф. фон Мекк

Волоочаново, 1910 г. (из личного архива А.Г. Римского-Корсакова)

чаново. Композитор смог наконец отдаваться своему творчеству полностью, не отягощая себя хозяйственными и денежными проблемами, и это стало «волшебным движителем» в его пути к великой славе и мировому признанию.

Возможно, если бы на пути великого композитора не встретились эти две очаровательные и влюблённые в музыку женщины, то мы могли бы никогда не услышать «Лебединое озеро», «Времена года» и другие произведения.

В знак признательности Чайковский посвятил свою 4-ю Симфонию Надежде Филаретовне фон Мекк. Она из скромности не пожелала, чтобы там значилось её имя, и композитор указал просто — «моему другу».

Пётр Ильич Чайковский писал Н.Ф. фон Мекк: «Милый, дорогой друг мой! Последние слова Вашего письма немножко обидели меня, но думаю, что Вы не серьёзно можете допустить то, что Вы пишете. Неужели Вы считаете меня способным помнить о Вас только, пока я пользуюсь Вашими деньгами! Неужели я могу хоть на единый миг забыть то, что Вы для меня сделали и сколько я Вам обязан? Скажу без всякого преувеличения, что Вы спасли меня и что я наверное сошёл бы с ума и погиб бы, если бы Вы не пришли ко мне на помощь и не поддержали Вашей

дружбой, участием и материальной помощью (тогда она была якорем моего спасения) совершенно угасавшую энергию и стремление идти вверх по своему пути! Нет, дорогой друг мой, будьте уверены, что я это буду помнить до последнего издыхания и благословлять Вас. Вы, вероятно, и сами не подозреваете всю неизмеримость благодарения Вашего! Горячо целую Ваши руки и прошу раз навсегда знать, что никто больше меня не сочувствует и не разделяет всех Ваших горестей. Ваш П. Чайковский».

Валерий ФЕДОТОВ

P.S. Серия из 13 очерков, связанных с 500-летием деревни Волоочаново (Шаховской район Московской области), размещена на сайте Министерства культуры Московской области по адресу: www.mk.mosreg.ru

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

г. МОНИНО

Вместе помолиться за судьбу России

Творческий клуб «Монино» ещё очень молод — в начале 2012-го ему исполнился год. Но взялись за дело члены клуба решительно — наладили регулярные встречи и даже выпустили первый коллективный сборник, который озаглавили «Живёт поэзия на Монинской земле». Руководит клубом поэтесса и бард Наталья Макаревич.

Светлана КЛИНУШКИНА

***
Я буду белым ангелом твоим,
Я буду сказкой, кружевом бессонным.
Ты будешь мною от себя храним,
Ты будешь мой — преступный и прощённый.

Ты — чёрный ангел, демон, сатана!
Мой вечный призрак, горький и тревожный...
Я безнадежно и светло больна!
А губы шепчут: «Это невозможно!»

Да, невозможно вылечить любовь,
Да, невозможно не кричать от счастья!
Нет, невозможно не болеть тобой!
И не узнать блаженства и безвластья!..

Ты непонятен даже сам себе,
И чувства метет аскеос смешенье...
Я буду белым ангелом тебе —
И не спрошу на это разрешения!

***
Ты стоишь на мокром камне
У обрыва на краю,
Гладишь тёплыми руками
Руку стылую мою...
Ни о чём не надо думать,
Ничего не надо знать!
Только бы душою душу
Незаметно согреть...
Пересчитывать губами
Золото твоих ресниц...
И с обманчивого камня
Не бояться падать вниз!
...Эту ласковую небель
У меня отнять хотят!
А над нами в синем небе
Гуси-лебеди летят.

Наталья МАКАРЕВИЧ

Бабье лето

Прошло бабье лето, но женщинам снится,
Что эта пора может вновь повториться.
Мечтают — не только о том,
чтоб тепло бы вернулось,
Но чтобы и в жизни судьба улыбнулась:

А когда под райских птишек пенью
Мы вернёмся на исходе дня,
Я опять клубочком на коленах
Примочусь удобно у тебя.

Галина САФИУЛИНА

***

Мы в свете мирской не вспоминаем Бога,
Лишь скажем, к слову: «Господи прости!»
И прозреваем, лишь почти пройдя дорогу,
Задумавшись: а что там, впереди?

Мы знаем: Бог — любовь!
Прощает, хоть и судит,
Жалует нас за слабость и грехи.
Ему известно, как несовершенны люди,
Как их пути во мраке нелегки...

И чтоб спасти творенье Божье —
наши души,
Христос распять себя дал на Кресте!
А что ж самим нам, люди, заложило уши?!
Иль не хотим мы слышать стоны те?!

Конечно, проще жить, не ведая надзора,
Стыдливо прячась от святых икон.

И каждодневной малой каплею позора
Подтачивать всё то, что создал Он...

Лишь подойдя к тому, заветному порогу,
Мольбы свои мы Господу несём,
Осознавая: этим, может, хоть немного
Мы души грешные свои спасём...

***

...Не держали над нами венца,
Но, как Ева когда-то в Раю,
Я себя до края, до конца,
Словно Богу, тебе отдала!

Не сочти недостойным мой дар —
Он, поверь мне, родной, от души.
Разгоревшийся в сердце пожар
Резким словом тушить не спеши.

Каждый час, проведённый с тобой, —
Это наш, это мой звёздный час!
Скоро кончится всё, дорогой...
Но молю: не теперь, не сейчас!

Расставаясь, мне хочется вновь
Поскорее тебя увидеть.
Если это ещё не любовь,
Что тогда мне любовью назвать?!

Геннадий БОЛДЫРЕВ

Вознесение

Если б дал мне Божье в праздник Вознесения
Встретиться на паперти Вечности
с Есениным...
Рухнуть на колени и под небом синим
Вместе помолиться за судьбу России!

Чтоб послал Всевышний ей ума и силы,
Чтоб не зарастали отчие могилы,
Чтобы клён опавший снова стал зелёным,
Напевал бы песни по ночам влюблённым.

Чтоб, напившись в доску, лёжа под рябиной,
С ним рыдать стихами по земле родимой.
И глядеть с тоскою на пейзаж неброский,
Где поэт когда-то обнимал берёзку...

Если б дал мне Божье в праздник Вознесения
Встретиться на паперти Вечности
с Есениным...
Рухнуть на колени и под небом синим
Вместе помолиться за судьбу России.

Сергей ГАВРИЛОВ

***

Какая долгая зима.
Зима — в душе и наяву.
Короткий день — и снова тьма.
Быть может, я и не живу?

Быть может, это — только сон,
Где мне колочая метель
Со смертью воют в унисон,
Зоя в холодный свой танцель?

Я сжался весь, закрыл глаза,
Иду, проваливаясь в снег.
Зачем, замёрзшая слеза,
Ты жжёшь? Ведь я — не человек.

Забыто всё: любовь, весна.
О, как всё это далеко!
Но тихо будит ото сна
Стук сердца где-то глубоко.

«Упасть легко, но встать потом, —
Мне сердце говорит, — трудней.
Без жалости зони кнутом
Себя и выйди из ночей.

Иди вперёд, глотая ртом
Холодный воздух. Я с тобой.
Забудешь, может быть, потом,
Как жила ты долгою зимой».

Константин Гайворонский — журналист, публицист, писатель и исследователь. Автор книг «Поговори мне о себе», «Между Сциллой и Харридой», «Я жил в такие времена», романа-эссе «Эффект неприсутствия» и многих других. Уроженец Краснодарского края, учитель сельской школы на целине, инструктор ЦК Компартии Казахстана, живёт в Алма-Ате с 1964 года.

Напившись молока, волчонок сытно зевнул, лёг на пол и заснул.

Волчонок всем понравился. И Арке тоже — так звали собачку, поначалу неприветливо встретившую маленького серого. Они ели из одной чашки, целыми днями играли на майском солнце, барахтались в траве, силами вытаскивали друг друга.

— Дети, они и есть дети, — вздохнул Сабиджанбекович.

Константин ГАЙВОРОНСКИЙ

Седьмой
Рассказ

Арка побеждала его. Она была месяца на два старше и сильнее.

Подружились с волчонком и дети. Каждый хотел взять в руки, погладить по шерстке, накормить. Савкенов возил его к пруду. Поймает на удочку рыбежку, снимет с крючка — и волчонку. Тот припадёт на задние лапы, прыгнет на трепещущего карасика и проглотит не прожёвывая.

— Зря я его баловал живой рыбой, зря, — Сабиджанбекович потёр щеку: жест, выдававший волнение. — Хищные инстинкты начали у него просыпаться.

В то время ему было уже два месяца от роду. В таком возрасте волчата загрызают живого зайчонка, которого в пасти приносит им мать.

Волчонок заметно окреп. В покатоности спины, в низко опущенных рёбрах, в поджаром животе стали проглядывать черты прибилого волка. Он по-прежнему играл с Аркой, но теперь уже легко борол её. Его и волчонком нельзя уже было назвать. Стал Савкенов придумывать ему клички — ни на

одну не отзывается. А как-то назвал Седьмым...

— Конечно, совпадение, но какое роковое! Сказал я: «Седьмой» — он посмотрел на меня долгим взглядом, и столько отрешённости, столько холодного блеска было в глазах, что я смутился. И подумал о том, что не только поил его молоком и кормил рыбой, но и сиротой сделал.

Сабиджанбекович взглянул на меня, и я понял, почему он с неохотой начал рассказывать эту историю.

После того случая Савкенов перестал давать клички волчонку. А тот, будто что-то понял, стал сторониться людей. Заберётся в кусты и лежит, как в засаде. Только Арке позволял подходить к себе и играл с нею, но сдержаннее, чем раньше.

Однажды исчез он вместе с Аркой. Савкенов обошёл все дворы — нигде нет волчонка. Какое-то подсознательное чувство подсказало, где искать. Сел он в машину и поехал в сторону третьей бригады, на заброшенное поле. У развороченной норы сидел волчонок и жалобно выл, задрав к небу морду. Рядом с ним сидела Арка.

— Верись, не по себе мне стало, — сказал Сабиджанбекович.

Беглецов привезли домой.

Ещё отчуждённее стал волчонок. Теперь он прятался не в кустах, а в заброшенной печке. Влезал в неё, как в нору, хвостом вперёд, и поглядывал оттуда недобрыми волчьими глазами.

Дети стали бояться его. Молоко пить он отказывался, не рад был живой рыбе. Ел по ночам, когда его никто не видел. Савкенов хотел выманить прибилого, просунул руку в печь и живо выпростал наружу. Укусил его Седьмой. До крови.

— Я почувствовал себя так, словно меня предали. Верно говорят: сколько волка ни корми... — огорчённо говорил Сабиджанбекович. — Но, с другой стороны, поразмыслил: это ведь я его разлучил с матерью. А что дал взамен? Пищу, на цель не посадил? Но пишу он и сам себе добыл. А свобода... На кой ему она, если он для воли рождён?

Одним словом, рано или поздно могло случиться неприятное, и Савкенов велел сыну отвезти Седьмого в район, в общество охотников. Серик не хотел везти, но Савкенов был непреклонен. Прибилого становился опасным. Да и соседки докучали Савкенову: «Убей серого, иначе беда будет».

— Лучше бы я вообще не привозил его домой в тот апрельский вечер. Или пусть волчат было бы шесть, без седьмого.

Волчонок не стало. Никто не приходил и не просил его показать. Савкенов поднимался рано и уезжал в бригады. Наступила жатва. Аврал на месяц с гаком. Как-то забежал он домой пообедать, и Серик сказал ему, что пропала Арка. Савкенов не обратил внимания на слова сына, а через день сам заметил: нет собаки.

После того как Седьмого увезли, Арка зааскала, притихла, не бегала по двору, не лаяла весело, встречая Савкенова. И вот пропала... Механизаторы из третьей бригады говорили, что видели чью-то собаку у сопки. Быть может, то была прибулудная, а может, и Арка. Кто знает, что потянуло её на то поле? Что с ней случилось, неизвестно, только не вернулась Арка в дом.

— Такая, брат, история... — повторил Сабиджанбекович. — Год назад это было.

Он пододвинул к себе пиалу и попросил ещё чаю.

Я вспомнил его рассказ, когда Лёша сказал, что мы едем по полям третьей бригады.

Огонёк слева исчез. Луну занавесила туча. Степь стала неприветливой, тёмной. Наверное, в такой степи погибла Арка.

В памяти всплыли последние минуты перед отъездом.

— Сабиджанбекович, а что стало с остальными волчатами?

— Их взяли ребята, отвезли в район, получили наличными. После посевной в бригаде дня два весело было...

Антону Лукину 26 лет. Родился и живёт в знаменитом селе Дивеево Нижегородской области. Окончил школу, техникум, отслужил в армии. Пишет сказки, рассказы, стихи.

Антон ЛУКИН
Алёна
хороший!..

— Добрый вечер, — любезно произнёс тот и даже немного поклонился.

— Помогите, люди добрые, ради Христа, чем можете, любой помощи будем рады.

— Хороший, — кивал он головой.

Каждый день он захаживал в гости к старуке Кондрату. Тот вот уже второй год как схоронил жену Агафью. Хорошей души человек была. Тоже, как и Алексей, всех любила и жалела. Скучно старику одному, совсем раскис, ослеп ещё на один глаз. Тяжело. Не поговорить ни с кем. Выйдет, бывало, во двор, сядет на завалинку и сидит весь день, на небо поглядывая. Молчит. О чём-то думает.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

Алёша зайдёт, воды напасткает да скотину покормит. Умом не велик, а работать умен. Натаскает из колодца воды в избу, присядет рядом на завалинку и тоже молча на небо уставится. Забёт Кондрат табакку, закурит, прослезится. Правый глаз у него всегда слезился. Протрёт его аккуратно уголком платка.

— На троллейбусе, — помогла мать.

Алёша кивнул головой.

— С Макаркой я поговорю. Город хоть увидишь, — и женщина обняла сына со всей материнской нежностью и заботой. — Город увидишь.

...Алексей стоял на остановке и ждал автобуса. Никак не мог дождаться встречи с братом. Мать осталась дома. Наконец автобус подъехал, и из него вышли Макар с Лизкой и Стёпка Селезнёв — тот в райцентр катался.

— Алёшка! Алёшка! — бросилась

ему на шею Лизка. Он поднял её на руку и несколько раз поцеловал в щеку. Подошёл Макар, обнялись. У Алексея выступили слёзы. Он поцеловал брата и грубыми пальцами протёр глаза. Самое тяжёлое было для него — прощание и долгожданная встреча. Алексей всегда был нервничал, но потом быстро приходил в себя.

— Ну, здравствуй, брат, вот и снова увиделись, — улыбнулся Макар. — Как с матерью поживаете? Не хулиганишь тут?

— Ну, — замолтал головой. — Алёша хороший!

Макар засмеялся.

— Хороший, хороший.

— И Макарушка хороший!

— Ну, — улыбнулся, — стараюсь.

Лизка держалась за дядину широкую ладонь и покачивала его руку. Тот закинул её к себе на спину и, слушая Макара, который всегда любил поговорить, отправился в деревню.

Мать к тому времени уже накрыла стол. Долго обнимала и целовала сына с внучкой. Есть она всё же — радость в жизни. Есть. Живёшь обычно, тихо, вроде бы и всё хорошо, спокойной. А приедут погостить, пусть даже на ночь, до боли родные тебе люди, и такая радость на душе сразу, плакать и смеяться хочется, и понимаешь, ради чего живёшь — ради вот этих мгновений.

Потом сидели за столом, пили чай и слушали Макара, который интересно рассказывал про городскую жизнь, про цирк, куда он недавно ходил с семьёй. Лизка перебивала его, говорила, что видела тигров и медведей. Алёша смотрел на брата и представлял себе тигров, полосатых, огромных, и никак не мог понять, как это медведь может кататься на велосипеде. Переспрашивала брата, но тот лишь улыбался и говорил, что может, — в жизни, мол, всё бывает.

Потом с братом отправились на пруд, порыбачить. Лизка тоже с ними пошла. Эх, и любил Макар рыбалку, всё детство провёл на пруду с удочкой. Алёша сам никогда не ловил, но любил сидеть на берегу с рыбаками и молча смотреть на поплавки, словно сам ловит. А с первым уловом кружил подлогу у ведра и, вытаскивая рыбу, поглаживал ладонью серебристую чешую.

— Хорошая рыба!

Мужики смеялись.

Макар медленно осмотрел пруд, задумался, вспомнились далёкие деньки. В небе проплывали пушистые облака и отражались в воде.

— Овечки плывут, — улыбнулся Макар. Он всегда их так называл. Алёша поматал головой. И, размотав удочку, закинул её в воду. Сидели молча, поглядывали на поплавок. Алексей мог сидеть так подолгу, но Лизка не привыкла так, и ей стало скучно. И, оставив брата, они отправились ловить кузнечиков.

Макар поймал несколько окуньков. Слабо клевало. Поутру нужно идти. День пролетел незаметно. Вечером поужинали, поговорили немного. Легли спать. Утром Алексей с Лизкой ушли к старому дубу, что рос возле Воробьёвых. На нём висели качели. Воробьёв-старший ещё по весне смастерил их для своих проказников. Алёша раскачивался племяннику, которая весело смеялась, взлетая вверх. Лёгкий тёплый ветерок играл с её косами, и маленькие мурашки пробегали по спине.

Пройдясь немного по деревне и заглянув на луг, где паслось стадо, они отправились к дому. Лизка остановилась у плетня и стала срывать ромашки, хотела папе нарвать букет в дорогу. Алёша зашёл в сени, из избы доносился голоса. Мать беседовала с Макаром по поводу города.

— ...Да поймай ты, не могу я его взять с собою, не могу, — слышался голос Макара.

— Ишь ты, не могу, а ты через не могу, — наседала мать.

— Да куда я его повезу? Ты посмотри на него, люди потом говорить начнут...

— А ты уже брата стесняешься?! — закричала мать. Немного помолчали.

— Пускай город хоть посмотрит. Ведь дальше Осиновки нашей нигде не ездил. Чай, ему тоже хочется, интересно всё же. А за Лизкой поедешь — и обратно привезёшь.

— Да не могу я, мам, не могу...

— Вот заладил своё: не могу, не могу!

— Ну куда я его возьму? Он же дитё. В город одного не отпустишь, мы с Варькой с утра до вечера на работе, нянчиться с ним у меня времени нет. Ну чего он в квартире один сидеть будет? Нет. Ближе к отпуску сплшемся, посмотрим. Сейчас — нет...

Алёша вышел во двор и уселся на скамейку, обхватив голову руками. По щекам прокатилась слеза. Слова брата не выходили из головы. Он тихонько замычал. Внутри всё плакало, душа рвалась на куски. Было больно. Подошла Лизка и показала букет.

— Красивый?

Алексей поднял голову, посмотрел на племянку.

— Это я его папе нарвала. Красивый, правда?

Алёша кивнул головой, обнял Лизу и заплакал. Он крепко прижал её к себе и вытирал слёзы, чтобы та их не видела.

Ближе к обеду Макар попрощался с матерью и отправился к остановке. Алексей с Лизкой отправились его провожать. Всю дорогу тот что-то рассказывал и над чем-то посмеивался, но Алексей его не слушал. Он шёл молча и думал совсем о другом.

— О чём задумался? — поинтересовался брат.

— Алёша плохой.

— Почему плохой-то? — улыбнулся Макар. — Натворил, что ли, чего?

Алёша промолчал. Подъехал автобус. Быстренько попрощались, и Макар уехал. Алексей взял Лизу за маленькую ладошку, посмотрел немного на пыльную дорогу, на удаляющийся транспорт и отправился с ней в деревню. Тяжело было на душе. Больно. Он печально вздохнул и опустил голову вниз:

— Алёша плохой. Плохой Алёша.

Когда поют казаки

Уж мы русскую степь из конца в конец прошли, Азиатскую — поперёк её.

Уж мы видели там и слышали, Отчего у нас белый свет пошёл —

пели оренбургские казаки в конце XIX века. Об их удачестве мы узнаём из первого тома «Казачьего эпоса» искусствоведа Анатолия Иванова, только что изданного Государственным республиканским центром русского фольклора. Энтузиаст-фольклорист проделал гигантский труд — 20 лет тщательно записывал эпос в экспедициях, изучал звукозаписи коллег, сделанные аж в первой четверти XIX века до конца XX и зафиксировавшие культуру донских, некрасовских, гребенских, терских, нижеволжских, уральских и оренбургских казаков. Почти все были — до XIX века их называли старыми — изданы впервые. Почему былины? Потому что народная традиция — а с ней не поспоришь — зачисляла в казаки даже всем нам хорошо известным ещё с детства богатырей-пограничников, служивших князю Владимиру Красну Солнышко, — Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алёшу Поповича. Их-то казаки и считали своими праотцами. А особенно любимый Добрыня Никитич даже превратился в Дончак-Добрыню. Про Добрыню слагались целые саги с яркими картинками его биографии — он отбивал красавицу Маринку у полубовника Змея Тургарина, он в школе выучивал немецкий язык и покупал золотые часы. Текст настолько нагляден, что так и просится, как сюжет в российский фильм-фэнтези...

Старины исполняли на застолье, на тризнах, на свадьбах или когда казачкона впервые сажали на коня, да и просто во время работы любили послушать рассказы одного из своих собратьев о молодецких походах, спеть дружным хором богатырские песни о беспрерывной воинственной жизни старинных донцов, терцев... Причём у казаков разнились песни, которые они пели дома, и те, которые они пели на службе. И в это время семейные песни были строго под запретом. Старины давали возможность казакам на окраинах России в условиях пограничного сильного межэтнического давления самоидентифицироваться и сплотиться как единой общности, разграничить «своих» и «чужих», а их принадлежность к старообрядчеству, благоговейно относившемуся к символам былого, ещё больше усиливала коллективную солидарность. Певцы через своё искусство передавали ценности казачьей жизни — верность долгу, но при этом приверженность свободолюбию, поиску истины, возможности самореализации, товарищеской солидарности, необходимости терпения и выносливости для преодоления препонов. Возможно, в этом мировоззренческом эпосе есть и пути в наше общее будущее.

Искусствовед Анатолий Иванов вслед за самими казаками весьма тщательно реконструировал прошлое — впервые изложил нотами и записал тексты напетых казачьих старин-гаритетов. Причём на письме отражены даже фонетические особенности напетого слова. В результате казачий эпос предстал в единстве музыкального и словесного компонентов пения. Вот только одна из них — опять-таки про Добрыню, записанная в 1967 году в станице Нижнекудрюченской Усть-Донецкого района Ростовской области «Как и жил-то, был Никитушка богатый человек», звучит как привет из XIX века. Ведь запелал её Александр Кирсанов 1896 года рождения. А старейшая участница хора Ольга Бобкова была 1885 года рождения.

«Наша антология опубликовала материалы, ушедшие из естественной среды бытования, но по своим выдающимся художественным достоинствам, научной и просветительской ценности превратившиеся в подлинные памятники, базовую духовную ценность», — резюмировал руководитель проекта генеральный директор Государственного республиканского центра русского фольклора, лауреат премии Правительства РФ в области культуры профессор Анатолий Каргин.

Многотомное издание казачьего эпоса, выпущенное на президентский грант, предназначено для очень узкого круга специалистов — музыковедов, фольклористов, этнологов русского казачества. Но если бы к сухим академическим томам добавились бы ещё и диски с самым главным богатством — аутентичным исполнением казачьих богатырских песен, распевающихся на дивные голоса и поэтому просто завораживающих своим исполнением вопреки несовершенству записи на катушечные магнитофоны, старины стали бы доступны самому широкому кругу почитателей наших профессиональных воинов. И зазвучали бы старины в исполнении лучших хоров по радио и телевидению, на концертных площадках, дошли бы до семейных застолий...

Ксения МАСЛОВА

Казачий эпос: Былины и исторические песни. Т.1. Эпические песни. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2012. — 532 с. — (Памятники русского музыкального фольклора). — 150 экз.

Особенности национальной охоты

— Не та охота стала.
— Да-а. Не говори. Одно название — охота.
— А это не у вас вчера завалили банкирчика?
— Не-ет, ты что?! Откуда? У нас кто водится: депутаты, владельцы ресторанов, дискотек, казино. Банкирчиков нету. Если только подранок забежал. Вряд ли.
— А чиновники у вас воляются?
— Есть. Раньше пугливые были, а сейчас из рук берут.
— Да ты что?!
— Из рук прямо! Сколько ни дай, всё возьмут. А у вас разве не водятся чиновники?
— Нет, у нас политики больше. Столько развелось их — ужас! В том году весь урожай сожрали.
— Да ты что?!
— Ей-богу! И не поймаешь никак. Они здорово подделываются под местность — не отличишь. То он красненький, то беленький, то он рябенький.
— Как же вы сейчас-то их ловите?
— На аплодисменты. Хлопнешь в ладоши — и вот он, выскочил уже откуда-нибудь. И давай петь. До того красиво поют! Такие трели выводят. Дрю-дрю-дрю, та-та-та-та и дрю-прю-дрю.
— Да ты что?!
— Ей-богу!
— И дрю-дрю-дрю?
— И дрю-дрю-дрю. Да хоть как! Про зарплату могут спеть, про жильё, про пенсию. Стоишь, думаешь: ведь тебя убивать пора — а сам заслушался.
— Что же они, опасности не чувят, что ли?
— У них чего-то не хватает... Кожи, что ли. У него, когда рот открывается, уши закрываются, никого не слышит, кроме себя. Можно подойти пальцами достать... или кулаком.
— Да ты что?!
— Ей-богу! Сколько раз так-то.
— Надо же!.. Да-а, природа-мать! Кого только в ней нет... Плохо — экологию загадили: воры в законе улетели все в тёплые края, там и гнездятся, и на яй-

цах сидят... Новых русских раньше-то!.. А сейчас весной если возьмёшь одного-двух на протитутку, а так нет.
— Да-а... Сами же мы и виноваты. Мутанты уже появились. Спереди смотришь — политик, а сбоку глянешь — киллер!
— Да ты что?!
— Вот те крест!
— Господи, спаси и помилуй!
— Не знаешь, на кого охотишься... Ну ничего — Бог не выдаст. Скоро уж пойдём на депутатов.
— Рано ещё. Что они, только приступили, ещё не набрали ничего... навару не будет. И с ними сейчас тоже умаешься.
— А что такое?
— Следы перестали оставлять.
— Как перестали?
— «Как»... Вот депутат, вот деньги. Все смотрят в упор — вот депутат, вот деньги. Никто глаз не сводит! — вот депутат, вот деньги...
— Ну?!
— Вот депутат...
— Дальше что?
— Всё. Денег нет уже... И следов нет.
— Да ты что?!
— Ей-богу!
— Твою мать-то!
— А одного депутата стали травить, он на них бросился, они давай палить, а у него пули от лба отскакивают.
— Такой лоб?!
— Такой депутат. Уж он по второму сроку... А так у нас воляются челноки, нищие эти... которые совсем уж... Во, память-то... врачи, инженеры, учителя. На них никто не охотится.
— Да. На что они? Для забавы если. И то какая охота? У нас они прямо на огороде забегают... морковка там, картошка. Лопатой шлёпнул его по башке — и вся охота.
— Да. Что они? Еле ноги уносят...
— Значит, это не у вас вчера банкирчика завалили?
— Не-ет, ты что?! Одни разговоры... Не та охота стала, не та.

Анатолий ТРУШКИН

Дядя Костя, или Как родился «Крокодил»

К.С. Еремеев

Атлетическая фигура, бравая выправка, внешность «морского волка» — до чего же Константин Степанович был не похож на типичных редакторов с холеными бородками и респектабельными лысынями! Но он отнюдь не принадлежал к военному сословию, хотя в дни Октябрьского переворота «солдат Еремеев» командовал Петроградским военным округом, принимал участие в штурме Зимнего дворца.
Дядя Костя (его партийная кличка) был настоящим профессиональным журналистом, активным сотрудником дооктябрьской «Правды», притом отличным фельетонистом, склонным к сатирическому жанру. Неудивительно, что уже в начале 20-х годов он стал редактором массовой «Рабочей газеты», при которой его стараниями немедленно появилось еженедельное литературно-сатирическое приложение, превратившееся в августе 1922 года в журнал «Крокодил». История происхождения этого названия до сих пор остаётся загадкой.
Дядя Костя был немногословен, в разговоре сдержанно ироничен,

попыхивая своей легендарной трубкой. Но для нас, молодых крокодилцев, был овеян романтикой революции и Гражданской войны. Он заряжал нас своим напористым стремлением сделать сатиру «Крокодила» как можно более зубастой, острой, «невзирающей на лица».
...Этот шарж я сделал в год рождения «Крокодила». Уже тогда я начал «пристреливаться» к одному из самых

любимых моих жанров. И, конечно, одним из первых моих героев стал наш любимый — уверен, для крокодилцев всех поколений, прошлых и будущих, — дядя Костя, человек-легенда. Зачинатель, создатель, первый редактор популярнейшего сатирического журнала нашей страны.

Бор. ЕФИМОВ

Из комплиментария

- **Какие же у Вас глаза!.. Ни спутать, ни забыть нельзя. Узнал бы, я уверен, Вас И в шапке с прорезью для глаз!..**
- **А где раки зимуют, нам ведомо, А на Родине — там, где и мы... Где и недра, и мысли разведаны, Где всегда нам хватало зимы. Где история — с географией, Где и рыба, и пруд без труда... Где способность краснеть не утратили Только раки — и то лишь к о г д а.**
- **На заре двадцатого века, Когда жизнь непосильно уму, Как же нужно любить человека, Чтобы взять и приехать к нему!..**
- **Люблю, когда я выбит, собран, Надушен, холодок в глазу... И только жду сигнала СОБРА: «Спускайтесь, мы уже внизу!..»**
- **При входе в Рай мне продали бахилы... Был отвергаем, но зато — каками!**
- **Снег пошёл, но в процессе иссяк. Потому что — вот всё у нас так!..**
- **Как ни улучшится погода, У нас своя Природа-мать. У нас в любое время года Задача — перезимовать.**

РАССКАЗКИ — Руслан КИРЕЕВ

Как важно не быть серьёзным

Одного серьёзного человека увенчали лавровым венком.
Но человек этот был очень серьёзен только в своём серьёзном деле.
А в жизни он не был серьёзен чересчур. Не был он также и буквеедом. Поэтому он решил: венки или венки — какая разница. Всего одна буква... И стал по субботам париться в бане отличным лавровым венком.
Вот так даже из самой призрачной славы можно извлечь вполне реальную пользу.

Живая радуга

Интересные всё-таки бывают люди на свете! Вот, к примеру, один. Очень интересный... Разнообразный, разноцветный... В лютую февральскую стужу он сияет от холода.
Жаркой июльской порой он бронзовеет от загара. Ясным январским денком он розовеет от морозца.
И летом и зимой он желтеет от зависти. Что осенью, что весной он чернеет от ненависти. Что весной, что осенью он белеет от страха.
Но хоть бы в какую погоду, хоть бы в какой сезон, хоть бы один-единственный раз в году он покраснел от стыда!

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

Святослав БЕЛЗА
Не скупилась мудрая природа, Создавая уникальный слав: Юмор, интеллект, талант, порода... Угадали: Белза Святослав! П. САНИН

Яблочная баллада

(Юнна Мориц)

Этот случай знает каждый, Только так ли он случаен?.. Лёг под яблоней однажды Утомлённый англичанин. Подремать решил он сладко... Ты внимательнее слушай: Тут не в яблоне разгадка — Мог вздремнуть он и под грушей.

Он вскричал: «Ну это слишком! И в саду покоя нету!» И погладил нежно шизку, И отел кусок рюлета. Байка яблочная эта, Вспоминаемая часто, Лапидарностью сюжета И к поэзии причастна.

Тщетно тужиться, мой друг, ты, День и ночь в садах гуляешь, И в саду покоя нету! Зря головку подставляешь. Тут заметим мы, однако, Не помогут яблос тонны: Мало зватьса Исааком, Надо быть ещё Ньютоном!

Алексей ПЬЯНОВ

СТИХИЙНЫЙ ПЯТАЧОК

Евгений ЕВТУШЕНКО

***
Наверно, с течением дней Я стану ещё одной.
Наверно, с течением лет Пойму, что меня уже нет.
Наверно, с течением веков Забудут, кто был я таков.
Но лишь бы с течением дней Не жить бы стыдней и стыдней.
Но лишь бы с течением лет Деуликим не стать, как валец.
И лишь бы с течением веков Не знать на могиле плевков.

Константин ВАНШЕНКИН

РАЗЪЯСНЕНИЕ
— Что это значит — верхушка?
— Те, у кого есть вертушка.

О ПРИВИЛЕГИЯХ

Была природа не худая, Да и домикши хоть куда. И он писал, кричал с трибун, Он фактов приводил табуи. Клеймил начальство и язви. И получил одну из вил.

НАСТАВЛЕНИЕ

Не сди стопроцентно дурую, Увлекайся литературою — От Набокова и до Бюкова, От Ажасева до Можасева.

Николай ГЛАЗКОВ

***
Транспаранты и щиты — Это всё от пицеты.
***
Неустанна жажда обновления — От восстания до восстановления.
***
Завизжали дружно пилы — Моментально отступила Подмосковная тайга. Только толку в этом мало: Лучше бы не отступала, Зеленея бы века!

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА — Михаил ЗАДОРНОВ

Полезные советы

БАНКИРАМ: «Считайте деньги, чтобы не считать их!»

СЛУЖАЩИМ В ГОСУЩРЕЖДЕНИЯХ: «Умейте радоваться мелочам, особенно когда получаете зарплату!»

ТЕМ, КТО С ТРУДОМ ПРОСЫПАЕТСЯ: «Чтобы вам было легче вставать с постели, достаточно по системе йогов принять позу лотоса за десять минут до того, как проснётесь!»

БИЗНЕСМЕНАМ: «Помните! Жизнь бизнесмена стоит ровно столько, сколько стоит его охрана!»

ВСЕМ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ: «Если хочешь с кем-то остаться в дружеских отношениях, не дружи с ним!»

Мелочь, а приятно

Если вы дольше, чем один день, чувствуете себя счастливым, значит, от вас что-то скрывают.

На чужого конька не садись — горбунком станешь.

Господь Бог распределяет души на небеса: «Эта в рай, эта в ад, а эта слишком много грешила — её обратно, в Россию».

Большинством голосов в Думе был принят проект закона, запрещающего грабить Россию не под контролем Думы.

Купил русско-английский словарь и выучил русско-английский язык.

Три кита российской психологии: «авось», «небось» и «накось, выкуси».

Интересно: мы, белые, считаем, что зебра — белая в чёрную полосочку, а негры в Африке уверены, что зебра — чёрная в белую полосочку.

Шахматист не мог приспособиться к сопернику, потому что тот играл левой рукой.

Когда женщина выходит замуж, она меняет внимание многих мужчин на невнимание одного.

Если мужчина утверждает, что он перестал что-либо понимать в женщинах, значит, он в них окончательно разобрался.

Если женщина утверждает, что она перестала что-либо понимать в мужчинах, значит, она в них окончательно разобралась.

КНИЖНЫЙ РЯД

«Непридуманные пьесы» о придуманной жизни

«Непридуманными» пьесы называют не напрасно: действие их прочно укоренено в реальной действительности современного Кузбасса, захватывает читателя (зрителя?) подлинностью и фактурностью картины шахтёрского бытия не только последнего двадцатилетия, но и в глубине исторического разреза. При этом жизнь воспроизведена в такой стремительности, оглушительной силе жизненных перемен, когда героя, не успевшего органично, в эволюционном режиме отойти от переживания старого, «советского» опыта жизни, чужой волей насильственно перемещают в новую

реальность — теперь уже рыночной экономики и когда экзистенциальный страх непринадлежности самому себе рождает ощущение абсурдности окружающего мира.
Абсурдность как составное начало мировидения и предстаёт одним из определяющих начал художественного почерка Юрия Мирошниченко. Абсурд входит в повседневный мир героев как органически присущая их поведению черта. Так, привычные к своеволию верхов жители заброшенной сибирской деревушки легко попадают в тревожный слухом о способности властей узаконить эвтаназия. По логике их жизненного опыта эти

опасения не лишены реальности. Вот был у них богатейший совхоз, «одних свиней тридцать тысяч... Ну и где всё? Так и здесь. Проведут опрос, установят рейтинг!... Тут главное — подготовить людей. Ну а дальше... Обрабатывают по радио, по телевидению...» («Эвтаназия»). Эта ситуация, воспроизводящая волонтеристскую политику власти и безмолвное послушание народа, приобретает в пьесах Мирошниченко многовариантный характер: в пьесе «Кукла» она повторяется с легкой узнаваемостью для Сибири даются тревожным слухом о способности властей узаконить эвтаназия. На берегу реки, поля прямо под окнами... и жили нормально, пока какая-

Юрий Мирошниченко. **Непридуманные пьесы:** Драматические произведения в двух томах. — Новосибирск: Издательский дом «Сибирская горница», 2011. — 500 экз.

то баба-академик, шибко учёная, не придумала укрупнить нас — свести все деревни в одну. Потом все учёные по радио её отмазывали: мол, она не виновата, это её неправильное понятие!..
Но как бы глубоко ни было укоренено действие пьес в конкретно-эмпирических обстоятельствах текущей жизни, не к этому сводится их смысл и суть, не в этом состоит их главное назначение. Сосредотачиваясь на неподдельной выразительности кузбасско-шахтёрского локуса пьесы как реальной фактурности их сюжета, критика невольно уводит в сторону от того, что придаёт им философскую глубину и напряжённость, делает достойным внимания серьёзного читателя. Главное состоит в том,

что какой бы ни предстала в пьесах жизненная фактура, давящая тяжесть повседневности и несокрушимость господствующих обстоятельств, драматический конфликт их неизменно находит своё разрешение на пути возвращения человека.
Важно, что философская напряжённость сквозной для творческих исканий драматурга проблемы личностного самоопределения человека с течением времени, по мере приближения к нашим дням многомерно возрастает, о чем убедительно свидетельствуют последние пьесы Ю. Мирошниченко — «Стена плача» (2009) и «Кто убил Кеннеди» (2010).
Обращённые к изображению мира, во многом сотворённого по законам рассудочного конструирования и

часто волонтеристского перенесения на национальную почву чужеземного, «заграничного», социально-исторического опыта, пьесы привлекают своей погружённостью в проблемы, столько же злободневные, сколько и вечные, и в этом смысле рассчитаны на читателя (зрителя) вдумчивого, способного на сотворческие отношения с автором. Автор не претендует на завершённость взгляда на смысл человеческого бытия, а потому открыт для плодотворного диалога, в котором так нуждается наше время.
Людмила ЯКИМОВА,
главный научный сотрудник
Института филологии СО РАН,
профессор НГУ, доктор
филологических наук